

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2025 Том 30 № 3

НОВЫЙ ГОЛОС ИНДИИ: МЕДИА, КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИИ

Приглашенный редактор *К. Котеча*

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-3

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Нигматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиа, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия
Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Кашилявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,55. Тираж 500 экз. Заказ № 1270. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2025

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2025 VOLUME 30 NUMBER 3

NEW INDIA'S VOICE: MEDIA, CULTURE, AND COMMUNICATION

Guest Editor *Ketan Kotecha*

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-3
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SV Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *O.V. Salova*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Котеча К., Морева А.Н. Коммуникативная сила метафоры: как «оранжевая экономика» меняет повестку в Индии	459
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Sahoo A. Fleeting Miracles: The Promise and Paradox of Eucatastrophe in Chekhov's <i>The Black Monk</i> (Саху А. Мимолетные чудеса: обещание и парадокс эвкатастрофы в «Черном монахе» А.П. Чехова).....	466
Пинаев С.М., Царегородцева С.С. «Военная» проза И.С. Шмелёва и Г.Д. Гребенщикова: жанровые стратегии	477
Соколов Б.В. Этимология названия романа А.П. Платонова «Чевенгур» и ее отражение в идейном содержании произведения	489
Подолкина Е.С. Пространство и повествование в рассказе Е.И. Замятина «Встреча».....	500

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Туманова Е.Г. «Баллада о маленьком буксире» в контексте творчества И.А. Бродского.....	508
Джумагалиева У.З., Ананьева С.В., Калиева А.К. От чтения к творчеству: концепт «библиотека» в романах-эссе Валерия Михайлова о русских поэтах.....	520
Керимова Р.А. Мифопоэтика М. Мокаева: архетип горы	529

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Табакова П.А., Перевезенцева А.Ю. Роман Донны Тартт «Тайная история» в контексте кризиса постмодернизма	539
Fakhrulddin S.R.N. American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression in <i>Home Boy</i> by H.M. Naqvi (Фахрулдин С.Р.Н. Систематическое насилие со стороны американцев как признак угнетения мусульман в романе Х.М. Накви «Домашний мальчик»)	548
Nisha S R., Kumar S.H.P. Whose Water? A Critical Analysis of Climate Change, Hydropolitics and Environmental Justice in the Indian Graphic Novel <i>All Quiet in Vikasपुरи</i> (Ниша С Р., Кумар С.Х.П. Чья вода? Критический анализ изменения климата, гидрополитики и экологической справедливости в индийском графическом романе «В Викаспури все спокойно»).....	558
Хетагурова Дз.К. Феномен расслоения идентичности в поэтике модернизма.....	571

ЖУРНАЛИСТИКА

ИНДИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСФЕРЕ: КРЕАТИВНЫЙ КАПИТАЛ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА

Rai D., Thakur A.S. Gandhi as a Brand: How Intermedia Advertisements Subvert His Transversal Values (Рай Д., Такур А.С. Ганди как бренд: эволюция разрушения трансверсальных ценностей в медийной рекламе)	578
Jyotasana. Political Communication in India: Comparing the Era of Nehru and Modi (Джотасана. Политические коммуникации в Индии: сравнение эпох Неру и Моди).....	589
Yakova T.S. India-Pakistan Conflict on the Global Mental Landscape: Media Geographical Focus (Якова Т.С. Конфликт Индии и Пакистана на глобальном ментальном ландшафте: медиагеографический фокус)	598
Faraji T., Tabatabaei S., Bulgarova B.A., Mondal P. Social Media and Social Isolation among Indian Digital Natives: Emerging Ramifications of Digital Citizenship (Фараджи Т., Табатабаи С., Булгарова Б.А., Мондал П. Социальные сети и социальная изоляция цифровых аборигенов Индии: последствия цифрового гражданства).....	610
Narchandani B., Pathe V. Mediating Ecology within the Context of Marxist Discourse: An Inquiry into the Hindi Film <i>Sherni</i> (Нарчандани Б., Патхе В. Экологическая медиация в марксистской парадигме: анализ индийского фильма «Шерни»)	621

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Морева А.Н. Индия как медиацивилизация – от фольклорных форм к цифровым форматам: интервью с Девадатханом Наиром.....	632
---	-----

ОБЗОРЫ

Апполонова Ю.С. Экзистенциальные медиаисследования: новый взгляд на существование человека в цифровой среде	644
Ильченко С.Н., Турунов Д.М. Цифровая трансформация российских игровых медиа: анализ основных онлайн-платформ.....	655

CONTENTS

EDITORIAL COLUMN

Kotecha K., Moreva A.N. Communicative Power of Metaphor: How Orange Economy Reshapes Agenda in India	459
---	-----

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Sahoo A. Fleeting Miracles: The Promise and Paradox of Eucatastrophe in Chekhov’s <i>The Black Monk</i>	466
Pinaev S.M., Tsaregorodtseva S.S. The Military Prose by I.S. Shmelev and G.D. Grebenshchikov: Genre Strategies	477
Sokolov B.V. The Etymology of the Title of A.P. Platonov’s Novel <i>Chevengur</i> and its Reflection in the Ideological Content of the Work	489
Podolina E.S. Space and Narrative in the Short Story by E.I. Zamyatin <i>The Meeting</i>	500

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

Tumanova E.G. <i>The Ballad of the Little Tugboat</i> in the Context of Brodsky’s Poetry	508
Dzhumagalieva U.Z., Ananyeva S.V., Kalieva A.K. From Reading to Creativity: The Concept ‘Library’ in Valery Mikhailov’s Essay-Novels about Russian Poets	520
Kerimova R.A. Mythopoeitics of M. Mokaev: The Mountain Archetype	529

FOREIGN LITERATURES

Tabakova P.AI., Perevezentseva A.Yu. Donna Tartt’s Novel <i>The Secret History</i> in the Context of the Crisis of Postmodernism	539
Fakhrulddin S.R.N. American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression in <i>Home Boy</i> by H.M. Naqvi	548
Nisha S R., Kumar S.H.P. Whose Water? A Critical Analysis of Climate Change, Hydropolitics and Environmental Justice in the Indian Graphic Novel <i>All Quiet in Vikaspuri</i>	558
Khetagurova Dz.K. The Phenomenon of Identity Stratification in the Poetics of Modernism	571

JOURNALISM

INDIA IN THE GLOBAL MEDIA SPHERE: CREATIVE CAPITAL AS A DRIVER

Rai D., Thakur A.S. Gandhi as a Brand: How Intermedia Advertisements Subvert His Transversal Values	578
Jyotasana. Political Communication in India: Comparing the Era of Nehru and Modi	589
Yakova T.S. India-Pakistan Conflict on the Global Mental Landscape: Media Geographical Focus	598
Faraji T., Tabatabaei S., Bulgarova B.A., Mondal P. Social Media and Social Isolation among Indian Digital Natives: Emerging Ramifications of Digital Citizenship	610
Harchandani B., Pathe V. Mediating Ecology within the Context of Marxist Discourse: An Inquiry into the Hindi Film <i>Shermi</i>	621

INTERVIEW

Moreva A.N. India as a Media Civilization – From Folklore to Digital Formats: An Interview with Devadathan Nair	632
--	-----

REVIEWS

Appolonova Yu.S. Existential Media Studies: A New Perspective on Human Existence in the Digital Environment	644
Ilchenko S.N., Turunov D.M. Digital Transformation of Russian Video Game Media: Analysis of Key Online Platforms	655

ОТ РЕДАКЦИИ
EDITORIAL COLUMN

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-459-465

EDN: YXFSAC

Редакционная статья / Editorial article

**Коммуникативная сила метафоры:
как «оранжевая экономика» меняет повестку в Индии**

К. Котеча¹, А.Н. Морева²

¹Технологический институт «Симбиоз», Пуна, Индия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

annseasoul@gmail.com

История статьи: поступила в редакцию 5 июня 2025 г.; принята к публикации 4 июля 2025 г.

Для цитирования: Котеча К., Морева А.Н. Коммуникативная сила метафоры: как «оранжевая экономика» меняет повестку в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 459–465. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-459-465>

**Communicative Power of Metaphor:
How Orange Economy Reshapes Agenda in India**

Ketan Kotecha¹, Anna N. Moreva²

¹*Symbiosis Institute of Technology (SIT Pune), Pune, India*

²*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

annseasoul@gmail.com

Article history: submitted January 7, 2025; revised February 12, 2025; accepted March 26, 2025.

For citation: Kotecha, K., & Moreva, A.N. (2025). Communicative Power of Metaphor: How Orange Economy Reshapes Agenda in India. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 459–465. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-459-465>

© Котеча К., Морева А.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

В современном мире культурный капитал перестает быть надстройкой экономики – он становится ее основой, несущей конструкцией. Креативный потенциал становится «сырьевой базой»: выигрывают не те, у кого больше заводов, а те, у кого больше идей, образов и смыслов. И именно здесь Индия выступает не просто участником глобальной трансформации – она становится ее архитектором. В Индии культура никогда не была развлечением: она была воздухом, тканью бытия, языком улиц, гор и рек.

Сегодня, когда творческая энергия становится экономическим двигателем, страна с миллиардом живых историй оказывается в эпицентре новой реальности, где экономика окрашена в оранжевый цвет. В своем выступлении на форуме WAVES 2025 премьер-министр Нарендра Моди предложил миру метафору, в которой экономика вдруг обрела цвет – и этот цвет оказался оранжевым. Не от пестроты статистик, а от жара, исходящего изнутри: от креативности, культурного наследия, от силы рассказа. Orange Economy, как ее обозначил Нарендра Моди, представляет собой не просто символический «цветовой» сектор, а особый тип экономики, основанный на духе и жизненной энергии культуры, творчества и производства контента, которые служат ее движущей силой. В ней пульсирует энергия искусства и технологий, ремесла и медиа. Именно эти три живых вектора, по словам Моди, поднимают Индию на гребень новой волны, в которой ценностью становятся не только вещи, но и смыслы.

Индия – не просто эпицентр оранжевой экономики, она ее природная матрица. Здесь реальность никогда не была отделена от вымысла: бог проходит по улицам, поэт становится пророком, а песня мантрой. Это особая когнитивная модель, в которой каждое действие может быть ритуалом, а каждый предмет – символом. Такое восприятие мира становится идеальной почвой для креативной экономики: творчество не производится, а течет естественно, как священный Ганг. Миллиард умов, настроенных на образ, ритм и архетип, дают невероятную глубину всему, что создается: от сценария до стартапа, от вышивки до видеоигры. Индия не изобретает оранжевую экономику – она в ней живет.

Певцы в стиле *baul*, странствующие мистики Бенгалии веками пели о внутренней свободе, о единстве тела и духа, обходясь без храмов и догм. Их музыка рождалась не на сцене, а на пыльной дороге, между рекой и деревней, между дыханием и мантрой. Именно это делает их предтечами современной оранжевой экономики. *Baul* – живое доказательство того, что сторителлинг, самобытность и эмоциональная подлинность не выдумка цифровой эпохи, а глубинный индийский код. Сегодня, когда глобальный рынок требует аутентичности, *baul* становится не только культурной цитатой, но и бизнес-моделью: за искренность готовы платить, за глубокую традицию – инвестировать, за уникальный звук – подписывать контракты. В своем выступлении Моди напомнил: «Каждая улица, каждая гора, река ... в Индии живет миллиард историй». И теперь эти истории становятся экономическими акциями – востребованными, монетизируемыми, экспортируемыми.

«Музыканты из Гувахати, подкастеры из Кочи, гейм-дизайнеры из Бангалора...»¹ – не только топонимический перечень, подтверждение полифоничности культурного производства в Индии, но и симптом глубинной трансформации. Культурный капитал в Индии перестает быть элитным достоянием мегаполисов, он становится флюидным, повсеместным, распределенным. Теперь каждый человек, его талант и креатив – уникальное торговое предложение, которое свободно, органично и потому востребовано. Форматирование культуры теперь происходит не сверху – кинемейкерами или медиахолдингами, а горизонтально: с телефонов, наушников, стримингов. Эта новая медиакommunikationная среда становится и пространством выражения, и полноценным каналом экономической ценности. Индия перестала просто производить искусство – она стала им дышать повсюду.

За этим стоят не только талант и энтузиазм, но и инфраструктура: инициативы *Skill India*², платформы *WAVES Bazaar*³ и *WAVEX*⁴ – не пафос, а рабочие механизмы. Фактически мы наблюдаем становление новой медиасистемы – распределенной, гибкой, органически связанной с локальным креативом и глобальным рынком. Именно такая система обеспечивает превращение креатива в капитал. Вот почему цифры не выглядят сухо: за четыре дня фестиваля *WAVES 2025* было подписано соглашений (MoU) на сумму 8000 кроров⁵ и проведено 3000 B2B встреч. Это не просто доказательство спроса – это момент, когда культура начинает работать по законам индустрии, и наоборот, индустрия начинает питаться законами культуры. Экономика идей перестает быть предчувствием и становится статистикой.

Одна из самых влиятельных консалтинговых компаний в мире *Boston Consulting Group* (BCG) в докладе «От контента к коммерции», представленном на форуме *WAVES 2025*, прогнозирует: к 2030 г. потребительские расходы, обусловленные творческой деятельностью, превысят 1 трлн долл. США⁶. Это не культурный всплеск, а *tectonic shift*, не сейсмограмма рынка, а движение самих пластов мироощущения. Как если бы земли Курукшетры сдвинулись под тяжестью слов Кришны в «Бхагавадгите». Не просто перемена – откровение.

¹ Премьер-министр Индии Шри Нарендра Моды открывает выставку *WAVES 2025*. Всемирный саммит аудиовизуальных и развлекательных технологий // Портал Министерства информации и телерадиовещания Индии. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2125725> (дата обращения: 14.07.2025).

² *Skill India* – правительственная инициатива Индии с целью предоставить возможности для обучения и развития навыков значительной части населения страны, в основном молодежи.

³ *WAVES Bazaar* – цифровая платформа для представителей креативных индустрий (кино, телевидение, музыка, анимация, игры и комиксы) – демонстрация и обсуждение проектов, установления деловых отношений и экономических связей.

⁴ *WAVEX* – цифровая платформа под патронажем правительства, поддерживает и развивает стартапы в медийной сфере Индии (творчество, инновации, инвестиции, взаимодействие с мировыми лидерами и экспертами).

⁵ 8000 кроров = 958 млн долл. США.

⁶ Сингх У. *WAVES 2025*: креативная экономика Индии создает условия для глобального влияния на триллион долларов // DD News : круглосуточный новостной канал индийской общественной телерадиовещательной компании. URL: <https://ddnews.gov.in/en/waves-2025-indias-creative-economy-sets-the-stage-for-a-trillion-dollar-global-impact/> (дата обращения: 14.07.2025).

Оно перераспределяет не доходы, но смыслы. Творческая энергия в Индии сдвигает плиты времени: от Вед к видеоконтенту, от древних шастр к сторителлингу на стриминговых платформах. Это новый мировой центр притяжения культурных инвестиций. Как Корея превратила эмоции в экспорт в виде К-поп, так Индия превращает миф в экономику, но с иным масштабом и глубиной.

Моди отметил, что экран становится микроскопическим, но послание – мега⁷. Это не просто риторика, а диагноз эпохи TikTok. Короткие видео, AR, мобильный сторителлинг – все сцепляет локальное и глобальное, частное и универсальное. Маленькое устройство – смартфон – дает океан возможностей в масштабе аудитории. По данным совместного отчета FICCI-EY⁸, индустрия коротких видео в Индии выросла на 160 % за два года благодаря платформам *Moj*, *Josh* и *ShareChat*⁹.

Кино, музыка, индустрия видеоигр – это больше не просто *soft power*, это *hard asset*: капитал, конвертируемый в доход, экспорт и политическое влияние. То, что в мире называют *creative economy*, в Индии обрело собственное имя и оттенок – оранжевый, потому что здесь творчество изначально сакрально, масштабно и повседневно. Это не импортированная модель, а органически выросшая из ведийского повествования, болливудской энергии и цифровой изобретательности. Именно в Индии оранжевая экономика могла не просто зародиться, но стать движущей силой, потому что здесь сторителлинг не инструмент, а форма существования.

Западные игроки признают преимущества этой формы: они отвечают на ее язык по-своему – инвестициями. Только в одной из сфер, анимационной, глобальный рынок уже оценивается в 430 млрд долл., с потенциалом удвоения к 2035 г. YouTube вложил 850 кроров не в мечты, а в инфраструктуру, в местных авторов, в экосистему. Это не жест вежливости, а акт расчетливого доверия.

Orange Economy – это когда свет, тепло и ресурс сливаются в одном явлении: истории, рассказанной так, что за нее платят миллионы. Это не просто новый рынок. Это новая культурная гравитация XXI в.

We are living at a moment when cultural capital is no longer mere decoration, an “overstructure” layered on top of the economy – it has become its foundation, the structural frame of the future. In a world where creativity has become raw

⁷ Премьер-министр Индии Шри Нарендра Моди открывает выставку WAVES 2025. Всемирный саммит аудиовизуальных и развлекательных технологий // Портал Министерства информации и телерадиовещания Индии. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2125725> (дата обращения: 14.07.2025).

⁸ FICCI (Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry) – Федерация индийских торгово-промышленных палат; EY (Ernst & Young) – международная аудиторско-консалтинговая компания.

⁹ Kumar A. Tuning into consumer: Indian M&E rebounds with a customer-centric approach. Ernst & Young Associates LLP. Published in India, 2022. URL: <https://frames.ficci.in/2022.pdf> (accessed: 14.07.2025).

material and stories have become export goods, the winners are not those with the most factories, but those with the most ideas, images, and meanings. And it is precisely here that India emerges not just as a participant in global transformation – but as its architect. Because in India, culture has never been entertainment: it has been the air, the fabric of existence, the tongue of streets, mountains, and rivers. Today, with creative energy as the economic engine, a nation of a billion living stories finds itself at the epicenter of a new reality – one painted orange with meaning and possibility.

In his address at WAVES 2025, Prime Minister Narendra Modi offered the world a metaphor in which the economy suddenly acquired a color – and that color was orange. Not from a kaleidoscope of statistics, but from the inner heat: from creativity, cultural heritage, the power of narrative. The “Orange Economy,” as he called it, is not just an economy of color but an economy of spirit – like blood flowing through the veins of culture, creativity, and content. Its pulse is the energy of art, technology, crafts, and media. These three living vectors, Modi asserted, lift India to the crest of a new wave – a wave in which value resides not merely in things, but in meanings.

India is not only the epicenter of the Orange Economy – it is its natural matrix. Here, reality has never been divorced from myth: gods walk down streets, poets become prophets, songs become mantras. This is a unique cognitive model where every action can be ritual and every object, a symbol. Such a worldview is an ideal seedbed for the creative economy: creativity here is not “produced” – it flows organically, like the sacred Ganges. A billion minds attuned to form, rhythm, and archetype impart enormous depth to everything they create – from screenplays to startups, from embroidery to video games. India does not invent the Orange Economy – it lives within it.

Consider this example: Baul singers – wandering mystics of Bengal – have, for centuries, sung of inner freedom, of the unity of body and spirit, without temples or dogmas. Their music was born not on stages, but on dusty roads, between rivers and villages, between breaths and mantras. And that is precisely why they are the forerunners of the modern Orange Economy. Baul is living proof that storytelling, authenticity, and emotional sincerity are not digital-era inventions, but embedded in India’s deep codes.

Today, as global markets crave authenticity, Baul becomes not only a cultural reference but a business model: sincerity is paid for, tradition is invested in, unique sound earns contracts. As Modi reminded in his speech: “Every street, every mountain, every river... a billion stories live in India”. Now those stories are becoming economic assets – demanded, monetized, exported.

“Musicians from Guwahati, podcasters from Kochi, game designers from Bangalore...”¹⁰ – this is more than a geographic list or evidence of polyphony in India’s creative production: it signals a profound transformation. Cultural capital in India

¹⁰ Ministry of Information & Broadcasting. Government of India (2025, July 14). *Prime Minister Shri Narendra Modi inaugurates WAVES 2025*. <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx-?PRID=2125725>

is no longer the privilege of megacities – it has become fluid, omnipresent, distributed. Now every person, with their talent and creativity, is a unique trade proposition: free, organic, and therefore perpetually in demand. Cultural formatting no longer flows top-down – from film studios or media conglomerates but horizontally: from phones, from headphones, from livestreams. This new media-communication environment becomes not just an expressive space, but a full channel of economic value. India has ceased to merely produce art – it inhales it everywhere.

This is sustained not only by talent and enthusiasm but by infrastructure: initiatives like Skill India¹¹, platforms such as WAVES Bazaar¹² and WAVEX¹³ – not mere rhetoric, but working mechanisms. In fact, we are witnessing the emergence of a new mediasystem — not centralized, but distributed, flexible, organically linked to local creativity and global markets. It is precisely such a system that ensures the transformation of creativity into capital. That is why the numbers do not feel dry: in four days at WAVES 2025, agreements (MoUs) totaling 8000 crore¹⁴ were signed, and 3000 B2B meetings took place. This is not just proof of demand – it is the moment when culture begins to operate under industrial laws. And vice versa: industry begins to be nourished by culture. The creative economy stops being a premonition – it becomes statistics.

Boston Consulting Group (BCG), the world's premier strategic consulting firm, in its report *From Content to Commerce*, presented at WAVES 2025, projects that by 2030, consumer spending driven by creative industries will exceed \$1 trillion¹⁵. This is not a cultural surge but a tectonic shift – not a seismic wave but the movement of entire strata of consciousness. As if the lands of Kurukshetra had shifted under the weight of Krishna's words in the *Bhagavad Gita*. Not just a change – a revelation. It redistributes not incomes but meanings. Creative energy in India is shifting the plates of time: from the Vedas to video content, from ancient shastras to YouTube storytelling. This is a new global center of cultural investment. Just as Korea turned emotions into exports through K-pop, India is transforming myth into economy – but on a different scale and with greater depth.

As Modi put it, “The screen becomes microscopic, but the message is mega”¹⁶ – not mere rhetoric, but a diagnosis of the TikTok age. Short videos, AR, mobile storytelling – all weave together the local and the global, the intimate and the universal. A small device – a smartphone – but an ocean of possibilities in audience

¹¹ Skill India or the National Skills Development Mission of India is a campaign launched by Prime Minister Narendra Modi. It is managed by the National Skills Development Corporation of India.

¹² WAVES Bazaar – Cross-Sector Digital Marketplace for Global Entertainment Industry.

¹³ WAVEX – The digital platform, under the patronage of the government, supports and develops startups in the Indian media sector (creativity, innovation, investment, interaction with world leaders and experts).

¹⁴ 8000 crore = \$958 000 000.

¹⁵ Singh, U. (2025, July 14). *WAVES 2025: India's creative economy sets the stage for a trillion-dollar global impact*. DD News. <https://ddnews.gov.in/en/waves-2025-indias-creative-economy-sets-the-stage-for-a-trillion-dollar-global-impact/>

¹⁶ Ministry of Information & Broadcasting. Government of India (2025, July 14). *Prime Minister Shri Narendra Modi inaugurates WAVES 2025*. <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2125725>

scale. According to FICCI-EY¹⁷, India's short video industry grew by 160% in two years, enabled by platforms like Moj, Josh, and ShareChat¹⁸.

Film, music, video games – they are no longer soft power; they are hard assets: capital convertible into revenue, export, and political influence. What the world calls the “creative economy,” in India has found its own name and hue – orange – because here creativity is sacred, expansive, and every day. This is not an imported model but one that has grown organically from Vedic narration, Bollywood energy, and digital ingenuity. In India, the Orange Economy did not just emerge – it became the driving force, because storytelling here is not a skill, it is a way of being.

Western players do not merely acknowledge this – they respond in its own currency: money. In the animation sector alone, the global market is worth \$430 billion, with potential to double by 2035. YouTube invested 850 crore – not in dreams, but in infrastructure, in local creators, in the ecosystem. That is not a courtesy gesture, but a calculated act of trust.

The Orange Economy is where light, warmth, and resource converge in a single phenomenon: a story told in such a way that millions pay for it. This is not just a new market. This is the new cultural gravity of the 21st century.

Сведения об авторах:

Котеча Кетан, доктор философии (ИИТ Бомбея), профессор компьютерных наук и инженерии, глава Центра прикладного искусственного интеллекта Symbiosis (SCAAI), декан и директор Технологического института Symbiosis (SIT Pune), Индия, 412115, Пуна, Мулши. ORCID: 0000-0003-2653-3780; Scopus: 6506676097.

Морева Анна Николаевна, автор и куратор обучающей программы российско-индийского проекта, Индийский институт социального обеспечения и управления бизнесом, Индия, Западная Бенгалия, Калькутта; заместитель директора по проектной деятельности и медиакоммуникациям, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-код: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

Bio notes:

Ketan Kotecha, PhD (IIT Bombay), Dr, Professor of Computer Science & Engineering, Head of the Symbiosis Centre for Applied Artificial Intelligence (SCAAI), Dean & Director at Symbiosis Institute of Technology (SIT Pune), Mulshi, Pune, 412115, India. ORCID: 0000-0003-2653-3780; Scopus: 6506676097.

Anna N. Moreva, author and curator of the training program of the Russian-Indian project, Indian Institute of Social Security and Business Management, Kolkata, India; Deputy Director for Project Activities and Media Communications, Senior Lecturer of the Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-код: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

¹⁷ The Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry (FICCI) is a non-governmental trade association and advocacy group based in India. Ernst & Young (EY) is one of the largest professional services networks in the world, provides information technology services.

¹⁸ Kumar, A. (2022). *Tuning into consumer: Indian M&E rebounds with a customer-centric approach*. Ernst & Young Associates LLP. Published in India. <https://frames.ficci.in/2022.pdf>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-466-476

EDN: YXRBLU

UDC 82.43

Research article / Научная статья

**Fleeting Miracles: The Promise and Paradox
of Eucatastrophe in Chekhov's *The Black Monk***

Anjali Sahoo

Panchayat College, Bargarh, Odisha, India

✉ anjali.sahoo2082@gmail.com

Abstract. The examined Anton Chekhov's novella *The Black Monk* (1894), focusing on its exploration of eucatastrophe – a term coined by J.R.R. Tolkien to describe sudden turns from despair to joy. The story follows Andrey Kovrin, whose ecstatic visions lead to madness by illustrating the fragile nature of human existence tied to ambition, delusion, and longing for greatness. This study highlights how Chekhov subverts traditional fantasy structures. Through close reading, the analysis examines key passages to explore how eucatastrophe appears in the story with focus on Kovrin's psychological state and transformative experiences. The findings show that, unlike typical fantasy, where eucatastrophe brings resolution, Chekhov twists this by showing that moment of inspiration and quest for enlightenment can end in doom and despair. Future research could explore the blend of psychological realism and supernatural mysticism in Chekhov's works, along with comparisons to other Russian authors, to deepen our understanding of madness and the search for meaning. The contemporary relevance of *The Black Monk* in discussions of mental health and artistic ambition could also be explored.

Keywords: story, fantasy, mysticism, realism, eucatastrophe

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Article history: submitted February 10, 2025; revised March 18, 2025; accepted May 20, 2025.

For citation: Sahoo, A. (2025). Fleeting Miracles: The Promise and Paradox of Eucatastrophe in Chekhov's *The Black Monk*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 466–476. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-466-476>

© Sahoo A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Мимолетные чудеса: обещание и парадокс эвкатастрофы в «Черном монахе» А.П. Чехова

Анджали Саху

Колледж Панчаят, Баргарх, Одиша, Индия

✉ anjali.sahoo2082@gmail.com

Аннотация. Рассматривается повесть А.П. Чехова «Черный монах» (1894), в которой основное внимание уделяется исследованию эвкатастрофы – термина, введенного Дж.Р.Р. Толкином для описания внезапных переходов от отчаяния к радости. История рассказывает об Андрее Коврине, чьи экстатические видения приводят к безумию, иллюстрируя хрупкую природу человеческого существования, связанного с амбициями, иллюзиями и стремлением к величию. Исследование показывает, как Чехов разрушает традиционные структуры фэнтези. При внимательном чтении анализируются ключевые отрывки, помогающие понять, как эвкатастрофа представлена в рассказе, особое внимание уделяется психологическому состоянию Коврина и его трансформационным переживаниям. В результате можно сказать, что в отличие от типичного фэнтези, где эвкатастрофа приносит развязку, Чехов искажает ситуацию, показывает, что момент вдохновения и поиска просветления может закончиться гибелью и отчаянием. В будущих исследованиях можно было бы изучить сочетание психологического реализма и сверхъестественного мистицизма в произведениях Чехова, а также сравнить их с творениями других русских авторов, чтобы углубить понимание безумия и поиска смысла жизни. Неплохо было бы изучить современную значимость «Черного монаха» в дискуссиях о психическом здоровье и художественных амбициях.

Ключевые слова: повесть, фэнтези, мистицизм, реализм, эвкатастрофа

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.; отрецензирована 18 марта 2025 г.; принята к публикации 20 мая 2025 г.

Для цитирования: Sahoo A. Fleeting Miracles: The Promise and Paradox of Eucatastrophe in Chekhov's *The Black Monk* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 466–476. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-466-476>

Introduction

What happens when a miracle changes into a curse? Anton Chekhov's *The Black Monk* (1894) blurs the line between realism and fantasy by exploring the fragility of human perception. According to Claire Whitehead, Chekhov uses ambiguity and shifting narrative techniques to create interpretative hesitation, leaving readers uncertain whether the monk is a hallucination or a supernatural presence (Whitehead, 2007, pp. 601–628). This tension mirrors the protagonist's indecisive grip on reality and it illustrates how internal conflict can manifest itself as external visions. While, Chekhov is celebrated for his realism, *The Black Monk* introduces mystical elements that challenge this classification. K. McSweeney talks about Chekhov's ability to capture human emotions with a photographic eye

(McSweeney, 2007, p. 1). However, in this story, delusions distort realism and make it harder to see the truth clearly. Similarly, Hajjari, Aliakbari Harehdasht, and Mirzaie argue that illusion and reality intertwine in Anton Chekhov, in *The Kiss* and Thomas Wolfe in *The Far and the Near* (Neberman, 2016, pp. 27–28), where characters' idealized perceptions lead to disillusionment (Hajjari, Aliakbari Harehdasht, and Mirzaie, 2017, pp. 8–16). In *The Black Monk*, the protagonist's vision of the monk offers inspiration primarily but eventually it deepens his alienation and echoes this theme of shattered illusions. The story also engages with the concept of eucatastrophe, coined by J.R.R. Tolkien to describe a sudden turn from despair to joy. The protagonist, Andrey Kovrin, has moments of intense joy where he believes he is great. But these feelings don't last long and he falls into madness and despair in the long run. Skyler Neberman argues that sorrow and struggle are intrinsic to human existence (Neberman, 2016, pp. 27–28) and Chekhov's story reinforces how the hope for transcendence falls apart, leaving only isolation and misery.

This paper explores how *The Black Monk* uses and weakens eucatastrophe. It blends fantasy and realism to examine ambition, delusion and existential longing. By applying Tolkien's concept to Chekhov's story, this study reveals the paradox of brief miracles. It also analyzes Chekhov's use of fantasy, delusion and transcendence. It shows how fleeting joy appears in a story like *The Black Monk* that shifts between hope and hopelessness.

Background and Objectives

The objective of this study is to examine the presence and subversion of eucatastrophe in Anton Chekhov's *The Black Monk* (1894). It analyzes how the story engages with and challenges traditional fantasy structures. J.R.R. Tolkien defines eucatastrophe as "the mark of a good fairy-story, of the higher or more complete kind, that however wild its events, however fantastic or terrible the adventures, it can give to child or man that hears it, when the 'turn' comes, a catch of the breath, a beat and lifting of the heart, near to (or indeed accompanied by) tears, as keen as that given by any form of literary art" (Tolkien, 1984, pp. 109–161). While this idea is important in classical fantasy, *The Black Monk* challenges it by giving only a short-lived sense of transcendence that ends in despair. Toner, in *Catastrophe and Eucatastrophe: Russell and Tolkien on the True Form of Fiction* (2008), contrasts Bertrand Russell's view of tragedy as inevitable downfall with Tolkien's belief in redemption (Toner, 2008, pp. 77–87). Chekhov's story aligns more with Russell's view because the protagonist realizes his delusion but feels more isolated instead of finding relief. This bleak vision reflects Chekhov's own struggles. As Donald Rayfield notes in *Anton Chekhov: A Life* (2013), the author's personal battles with illness and disillusionment shaped the psychological depth of his characters (Rayfield, 2013, p. 1). In *The Black Monk*, this tension between fleeting miracles and existential despair has its deep impact on the protagonist's life. Chekhov's choice of ending makes sense as tragic endings feel more natural

than forced happy ones. Goldman and Kantor, in *The Limits of Poetic License: When Shouldn't an Ending Be Happy?*, find that tragic endings often feel more authentic, as they preserve the author's intent over imposed justice (Goldman, Kantor, 1993, pp. 135–150). Similarly, *The Black Monk* rejects the conventional happy ending by means of offering an illusion of fulfillment. Here, Chekhov highlights the depth and inevitability of human suffering and shows how tragedy leaves a strong emotional and philosophical impact.

Aim of the Paper

This paper examines the ways in which Chekhov's *The Black Monk* challenges traditional literary conventions, especially the concept of poetic justice. Zirker observes that poetic justice, the idea that good is rewarded and evil punished, remains a debated concept in literature, as it often limits the freedom of storytelling (Zirker, 2016, p. 1). Rushdie rejects the idea that literature must always reward virtue. According to him, stories become more engaging and complex when they lack clear moral conclusions, what he calls amorality (Rushdie, 1992). This perspective aligns with Zirker's point that ethical expectations in literature should not limit narrative freedom. *The Black Monk* reflects this view, when Andrey Kovrin's apparent success turns to despair without moral resolution. Rayfield explains Chekhov's rejection of didactic storytelling which is influenced by his own struggles with illness and disillusionment (Rayfield, 2013, p. 1). In *The Black Monk*, suffering is presented as inevitable though it rejects moral absolutes. Traditional stories often bring back order through *deus ex machina* or divine intervention, while eucatastrophe provides a resolution that is more emotionally impactful. However, Chekhov's story challenges this by showing how moments of uplift, insight and revelation lead to tragedy and despair, rather than a resolution. As Heath notes, ancient philosophical poetics analyze the dependence on improbable resolutions like *deus ex machine*. He critiques that it often oversimplifies the complexity of human experience (Heath, 2013). This paper aims to examine how Chekhov blends psychological realism with supernatural mysticism through Kovrin's visions of the Black Monk. It also explores how *deus ex machina* works and whether transcendence leads to salvation or ruin.

Materials and Methods

Anton Chekhov's *The Black Monk* (1894) is a psychological novella that blends realist fiction with elements of the supernatural. This makes it a convincing text for examining the presence and paradox of eucatastrophe. The story is about Andrey Kovrin, a scholar who visits a peaceful country estate and starts seeing visions of a strange Black Monk. This vision gives him moments of great joy and insight, similar to the happy twists in traditional fantasy. It is unknown whether this visualization is born from Kovrin's genius or madness. However, these brief moments of wonder eventually turn into mental decline and deep despair instead of bringing enlightenment. Fulfill the purpose of this study, *The Black Monk* is

analyzed as a text as it explores and challenges the idea of eucatastrophe. This paper examines key passages that show Kovrin's ecstatic visions, intellectual ambition, and downfall. It also explores how Chekhov's narrative structure challenges the traditional fantasy resolution.

This paper uses close reading to examine eucatastrophe and its role in traditional fantasy stories, focusing on Chekhov's *The Black Monk*. In classical fantasy, *eucatastrophe* is a sudden and joyful event that leads to a happy ending. Tolkien describes as "a sudden and miraculous grace" that brings about a "joyous turn" in the story (Tolkien, 1984, pp. 109–161). However, Chekhov obscures this by showing brief moments of wonder that eventually turn into a big tragedy. This study focuses on Andrey Kovrin, the protagonist, whose visions of the Black Monk bring both inspiration and disaster. His inner struggles, ambitions, and mental decline are central to the understanding of how eucatastrophe works or fails in the story. The paper examines key moments in the story, such as Kovrin's ecstatic visions, his heightened sense of purpose, and the eventual disintegration of his reality through textual analysis. These instances are analyzed in relation to Tolkien's concept of eucatastrophe to determine if Kovrin's "miracles" signify genuine transcendence or a tragic illusion. The study uses direct extracts from the text to show how eucatastrophe appears and unfolds in the story and focuses on the paradox of these moments. The paper's methodology centers on a contextual understanding of eucatastrophe by means of using textual analysis to investigate its complexities in Chekhov's work.

Analysis and Discussion

Chekhov's *The Black Monk* presents a distinct exploration of eucatastrophe within a psychological and existential context. The protagonist, Andrey Kovrin, a scholar of intellectual ambition, begins to experience visions of a mystical Black Monk during his stay in the countryside. Kovrin's experiences are characterized by a contradictory fusion of self-destruction and enlightenment. This stands in contrast to many classic fantasy stories where miraculous events result in salvation or fulfillment. Though his moments of euphoria initially give him a feeling of transcendence and purpose, they turn into psychological instability and a tragic demise at the end. Shakespeare's *Macbeth* (Shakespeare, 2016) and *Othello* (Shakespeare, 1997) explore themes of destiny and deception, much like Kovrin's belief in the Black Monk's prophecy. Orwell's *1984* (Orwell, 1949) gives Winston a brief hope through his love for Julia, but it is soon destroyed, just as Kovrin's dream ends in tragedy. Kafka's *The Metamorphosis* (Kafka, 1972) shows a strange transformation that leads to isolation instead of salvation. Similarly, Fitzgerald's *The Great Gatsby* (Fitzgerald, 2004) depicts Gatsby's dream of transcendence, which, like Kovrin's vision, ends in disappointment. However, the Black Monk's primary miraculous appearances reflect fantasy's ability to evoke awe and wonder. The monk is revealed only to be an illusion. This reveals the darker side of human desire for the extraordinary. This tension between fantasy's promise of hope and Kovrin's downfall allows Chekhov to critique traditional fantasy tropes. He shows

the limits of idealized fantastical experiences through a deeper and more realistic perspective.

1. The First Encounter: A Moment of Ecstatic Revelation.

The first significant eucatastrophic moment happens when Kovrin meets the Black Monk, being deeply moved by the serenity of nature. The monk speaks to him of his greatness and divine purpose. He provides Kovrin with a strong sense of belonging and fulfillment and reinforces his belief in his extraordinary destiny. The description of the Black Monk's arrival is particularly striking:

“From the horizon there rose up to the sky, like a whirlwind or a waterspout, a tall black column. Its outline was indistinct, but from the first instant it could be seen that it was not standing still, but moving with fearful rapidity, moving straight towards Kovrin, and the nearer it came the smaller and the more distinct it was. Kovrin moved aside into the rye to make way for it, and only just had time to do so. A monk, dressed in black, with a grey head and black eyebrows, his arms crossed over his breast, floated by him... His bare feet did not touch the earth. After he had floated twenty feet beyond him, he looked round at Kovrin, and nodded to him with a friendly but sly smile”(Chekhov, 2009).

This scene is similar to the traditional eucatastrophic shift in fantasy fiction, where a revelation is provided by an unanticipated supernatural intervention. However, Kovrin's encounter is unclear, unlike Tolkien's happy endings, which bring empowerment or salvation. Is this vision a sign of divine insight, or is it a sign of his psychological disentanglement? After the monk's appearance, Kovrin experiences an intense sense of joy, as if he has been chosen for a higher purpose or performance:

“In the park and in the garden people were moving about quietly, in the house they were playing – so he alone had seen the monk. He had an intense desire to tell Tanya and Yegor Semyonitch, but he reflected that they would certainly think his words the ravings of delirium, and that would frighten them; he had better say nothing” (Chekhov, 2009).

This passage emphasizes the paradox of Kovrin's experience as it is cheerful but isolating, amazing yet deeply disturbing. In *Fantasy Literature: An Approach to Reality*, T.E. Apter suggests that the “truth” in fiction is not merely about probabilities but about uncovering new possibilities and plausibilities. Apter argues that fiction, whether fantastical or realistic, reveals deeper truths through the integration of character traits and events (Apter, 1982). This aligns with Chekhov's use of the supernatural in *The Black Monk*, where Kovrin's visions act as a tool for exploring his psychological state. Kovrin's experiences of transcendence along with the monk's outward manifestations disclose his fragile mental state. This brings out his anxieties and aspirations that he wouldn't usually disclose in mundane life.

In this context, Kovrin's apparent eucatastrophe, i.e. the sense of divine purpose and grandeur can be seen as a “hypothetical truth” that unties his psychological state. Kovrin's journey aligns with Apter's idea that the fantastic reveals deeper aspects of character. Here, the boundary between the fantastical and the real is indistinct. Although the Black Monk's illusions offer a sense of transcendence, Kovrin's downfall

comes from his growing disconnection from reality and the real persons around him. In this way, Chekhov's use of fantasy reflects Apter's assertion that even the most implausible premises can reveal profound truths about the human condition.

2. The Black Monk as a Fantasy Mentor and Harbinger of Doom.

In classical fantasy literature, the mentor figure often plays a pivotal role in guiding the protagonist toward a higher truth. In *The Lord of the Rings*, for example, Gandalf offers wisdom and helps Frodo to navigate his journey (Tolkien, 1999), while in *Harry Potter*, Dumbledore serves as a guiding force by providing Harry with insight and hope during crucial moments (Rowling, 2018). Despite their difficulties, these mentors aim to guide their pupils toward salvation and empowerment. However, Chekhov depicts the mentor figure in a very different way in *The Black Monk*. Instead of being a benevolent mentor, the Black Monk is a manipulative force who worsens Kovrin's mounting hallucinations and finally results in his demise. In Chekhov's story, the Black Monk praises Kovrin's intellectual superiority. He strengthens his belief that Kovrin is a part of a grand cosmic plan. The monk's words appear to be a eucatastrophic revelation that offers Kovrin a greater purpose and a higher calling:

"You are one of those few who are justly called the chosen of God. You do the service of eternal truth. Your thoughts, your designs, the marvelous studies you are engaged in, and all your life, bear the Divine, the heavenly stamp, seeing that they are consecrated to the rational and the beautiful – that is, to what is eternal" (Chekhov, 2009).

This moment reflects the traditional eucatastrophe in fantasy fiction, where a miraculous event offers clarity and purpose. However, unlike Tolkien's conception of eucatastrophe, which leads to true salvation, Kovrin's encounter with the Black Monk represents a seductive illusion. Instead of leading him to salvation, the monk's words blind Kovrin to his own mental deterioration. Chekhov presents the Black Monk not as a guide to wisdom but a phantom that fuels Kovrin's arrogance. The monk's excessive praise of Kovrin's intellect isolates him from others and drives him toward madness.

De Sherbinin examines how Chekhov often engages with religious and cultural symbols, particularly the Marian paradigm, within the context of Russian Orthodox culture in the 19th century. De Sherbinin argues that Chekhov frequently inverts these religious symbols and offers a more complex and disillusioned view of transcendent figures. eucatastrophe eucatastrophic (De Sherbinin, 1997). In *The Black Monk*, Chekhov inverts the traditional role of a divine figure like the mentor, by presenting the Black Monk as a deceptive force. A divine promise ultimately proves to be deceptive, transforming a divine revelation into sheer folly. This twist in *The Black Monk* shows that what appears to be a miracle may ultimately result not in salvation, but in insanity and hopelessness. Through the use of the Black Monk as a guiding figure, Chekhov challenges the idea of transcendence presented by traditional fantasy narratives. Instead of enriching Kovrin's potential, the monk's influence promotes his estrangement from reality. This intensifies his delusions and brings him closer to his tragic fate. It highlights the darker and more intricate facets of human desire for the extraordinary.

3. The Unraveling: When the Miracle Turns to Madness.

As *The Black Monk* moves along, Kovrin's obsession with his visions grows intense ever more. Transcendence gives way to loneliness and paranoia. Kovrin's relationships break down. Tanya, his wife, becomes concerned when she notices his shifting behaviour. She realizes that these eucatastrophic experiences are actually pushing him deeper into illusion rather than giving him direction and clarity. In one particular haunting scene, Tanya discovers Kovrin in the dead of night, speaking with the Black Monk:

"Tanya put her arm round her husband and held him tight, as though protecting him from the apparition, and put her hand over his eyes. 'You are ill!' she sobbed, trembling all over. 'Forgive me, my precious, my dear one, but I have noticed for a long time that your mind is clouded in some way. ... You are mentally ill, Andryusha'" (Chekhov, 2009).

The story takes a significant shift at this point when Kovrin's eucatastrophic illusion breaks. What he first saw as a gift from God becomes something darker. It is now a sign of his deteriorating mental state. His supposed intellectual transcendence turns out to be an uncontrollable sickness instead of an added advantage. He loses his grip on reality, pushes away his wife and surrenders to his delusion eventually. However, the final tragedy of the story unfolds when Kovrin undergoes treatment to recover from his madness and emerges from it as a dull and lifeless version of himself. He mourns the loss of his visionary self, a shadow of his former splendor. In his final moments, Kovrin sees the Black Monk again with a vision, not one of spiritual triumph or divine revelation but of death:

"Kovrin already believed that he was one of God's chosen and a genius; he vividly recalled his conversations with the monk in the past and tried to speak, but the blood flowed from his throat on to his breast, and not knowing what he was doing, he passed his hands over his breast, and his cuffs were soaked with blood" (Chekhov, 2009).

Kovrin's final encounter with the Black Monk weakens the classic eucatastrophe. His vision reveals itself as a fatal fantasy rather than a fair means of salvation. Frye's 'mythos of spring' and Campbell's 'hero's journey' both describe transformative moments that lead to hope or resolution (Campbell, 2008; Frye, 2020). However, Kovrin's journey deviates from this pattern. Unlike Campbell's hero, who returns wiser (Campbell, 2008), Kovrin's journey ends in alienation and despair. Frye's theory of literature as a "total form" presents it as a cohesive system of recurring themes, archetypes and structures (Frye, 2020). For Frye, literature functions as a unified whole and offers insight into human life. Even if Chekhov subverts it, this idea can be applied to *The Black Monk*. Chekhov distorts the function of the Black Monk, an archetype that is usually viewed as a spiritual mentor. Even Chekhov challenges Frye's idea of literature as a system of renewal and reconciliation (Frye, 2020). Frye sees literature as a connected whole, but Chekhov shows that it can also depict tragedy and despair. *The Black Monk* both supports and questions Frye's "total form" and reveals how literature explores suffering instead of resolution (Chekhov, 2009).

4. The Paradox of Eucatastrophe in *The Black Monk*.

In *The Black Monk*, Chekhov offers an ironic and subversive interpretation of the eucatastrophic moment. Kovrin's meeting with the Black Monk firstly represent the classic joyous turn of events found in traditional fantasy literature. However, the consequences of these encounters bring no salvation except isolation, emptiness and eventual destruction. In Tolkien's or Rowling's works, eucatastrophe indicates a transformative moment of hope or triumph. Chekhov's story, however, offers a stark contrast by exposing the fragility of miracles and their tendency to be fleeting, deceptive and ultimately tragic. Chekhov challenges the idea that miracles always bring salvation as *The Black Monk* explores how transcendence can be fragile and even dangerous. The miraculous does not always lead to joy since it can also bring destruction. Chekhov blends revelation with illusion and makes his readers question if such moments of grace are true blessings or mere illusions to hide a tragic downfall. Johnston introduces dyscatastrophe to describe the darker counterpart of eucatastrophe where moments of joy lead to tragic outcomes (Johnston, 2012, p. 9). This concept helps us to understand Kovrin's journey in *The Black Monk*. As his mental collapse goes on, his initial feelings of transcendence and happiness gradually become illusions. Johnston's concept of dyscatastrophe shows how Kovrin's moments of joy drive him further from reality toward madness.

In a more specific example, S. Metla and Y.V.S. Devi explore the traditional role of eucatastrophe in fantasy literature. In the *Harry Potter* series, moments of eucatastrophe often lead to the triumph of good over evil by means of providing a sense of poetic justice and hope. As defined by J.R.R. Tolkien, these moments of "sudden and miraculous grace" elevate the narrative, by offering unexpected salvation or revelation (Metla, Sudha Devi, 2024, pp. 673–684). However, Chekhov's *The Black Monk* challenges conventional narratives of transcendence and contrasts Kovrin's miraculous visions with his own ruin and despair. This highlights the complexity and ambiguity of human longing for the extraordinary and sheds light on the tragic limits of the eucatastrophic narrative in *The Black Monk*.

Findings

In *The Black Monk*, Anton Chekhov explores the dual nature of eucatastrophe by showing both its promises and its paradoxes. Andrey Kovrin sees visions of the Black Monk, who represents both enlightenment and delusion. At first, these visions seem miraculous as they fill Kovrin with a sense of purpose and potential. However, they also separate him from reality and his dear ones. His moments of transcendence turn out to be illusions. What initially seems like salvation descends into madness ultimately.

Chekhov highlights the tension between the desire for the extraordinary and the grounding force of everyday life. Kovrin's experiences also raise questions about mental health and the line between genius and madness. The story challenges how society views both, showing that the pursuit of greatness often comes at a cost. It also forces readers to question whether eucatastrophe is real or simply an illusion

created by the mind. The sorrowful conclusion of *The Black Monk* emphasizes this paradox. When Kovrin ultimately understands that his visions were mere illusions, he falters both physically and mentally. In contrast to conventional eucatastrophe, which brings joy or salvation after a revelation, his death presents no victory. Rather, it acts as harsh reminder that miracles may be temporary and potentially harmful. Ultimately, Kovrin's downfall forces readers to consider the true cost of seeking the extraordinary. Can a miracle still be a miracle if it leads to destruction, or is it only an illusion?

The Black Monk challenges our understanding of hope, transcendence and the search for meaning. Through this, Chekhov offers a deep reflection on human nature by prompting us to rethink about the balance between ambition and reality.

Conclusion

In *The Black Monk*, Chekhov presents a complex exploration of eucatastrophe by means of challenging the traditional triumphant endings of fantasy stories. Kovrin's visions of the Black Monk bring moments of grandeur and transcendence, but they lead to disillusionment and tragedy ultimately. Unlike the clear moral victories in stories like *Harry Potter*, Chekhov's eucatastrophes blur the line between reality and illusion. His story explores the fragile human psyche and the dangers of seeking the extraordinary. This analysis also examines how Chekhov subverts fantasy traditions by focusing on Kovrin's psychological struggles. His ecstatic visions, instead of bringing resolution or justice, drive him toward madness. *The Black Monk* does not provide the satisfying ending of conventional eucatastrophes. Rather, it presents a complex portrayal of the human condition. The story also connects with modern discussions on mental health, particularly the fine line between genius and madness. Kovrin's journey highlights the emotional toll of ambition and the risks of mistaking fleeting inspiration for lasting fulfillment. Future research could explore how Chekhov blends psychological realism with supernatural mysticism. Comparison of *The Black Monk* to other Russian literary works could also reveal deeper insights into themes of madness and the search for meaning. The story remains relevant today, especially in discourses about mental health and artistic ambition. Ultimately, *The Black Monk* symbolizes both inspiration and destruction. Kovrin's moments of divine purpose come at the cost of his isolation and downfall. Chekhov forces readers to question whether such graceful moments are truly meant for salvation or merely illusions. The story's tragic ending rejects the fairy-tale notion of victorious finish. It offers a meditation on the dangers of chasing illusions blindly. Chekhov redefines eucatastrophe as a brief glimpse of what might have been with focus on the balance between aspiration and reality.

References

- Apter, T.E. (1982). *Fantasy Literature: An Approach to Reality*. Palgrave Macmillan London.
<https://doi.org/10.1007/978-1-349-04710-9>
- Campbell, J. (2004). *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton University Press. 496 p.

- Chekhov, A. (2009). *Selected Stories of Anton Chekhov*. Modern Library. Random House Publishing Group, 496 p.
- De Sherbinin, J.W. (1997). *Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm*. Northwestern University Press.
- Fitzgerald, F.S. (2004). *The Great Gatsby*. Scribner.
- Frye, N. (2020). *Anatomy of Criticism: Four Essays*. Princeton University Press.
- Goldman, S.R., & Ronald, J.K. (1993). The Limits of Poetic License: When Shouldn't an Ending Be Happy? *Poetics*, 22(1–2), 135–150.
- Hajjari, L., Harehdasht, H.A., & Mirzaie, Y. (2017). From Darkness into Light: A Comparative Study of Illusion and Reality in Anton Chekhov's 'The Kiss' and Thomas Wolfe's 'The Far and the Near'. *English Language and Literature Studies*, 7(3), 8–16. <https://doi.org/10.5539/ells.v7n3p8>
- Heath, M. (2013). *Ancient philosophical poetics*. Cambridge University Press.
- Johnston, S. (2012). Grief Poignant as Joy: Dyscatastrophe and Eucatastrophe in *A Song of Ice and Fire*. *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoeic Literature*, 31(1), 9.
- Kafka, F. (1972). *The Metamorphosis* (S. Corngold, Trans.). Bantam Classics.
- McSweeney, K. (2007). *The Realist Short Story of the Powerful Glimpse: Chekhov to Carver*. University of South Carolina Press.
- Metla, S., & Sudha Devi, Yu.V. (2024). Meaningful Miracles: Unraveling Eucatastrophe in the Select Fantasy Fiction of J.K. Rowling. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 673–684.
- Neberman, S. (2016). Eucatastrophe: On the Necessity of Sorrow for the Human Person. *Mallorn: The Journal of the Tolkien Society*, 57, 27–28.
- Orwell, G. (1949). 1984. Harcourt Brace Jovanovich.
- Rayfield, D. (2013). *Anton Chekhov: A Life*. Faber & Faber.
- Rowling, J.K. (2018). *Harry Potter and the Chamber of Secrets: Hufflepuff*. Vol. 2. Bloomsbury Publishing.
- Rushdie, S. (1992). *Imaginary Homelands: Essays and Criticism 1981–1991*. Penguin Publishing Group.
- Shakespeare, W. (1997). *Othello* (E.A.J. Honigmann, Ed.). Bloomsbury.
- Shakespeare, W. (2016). *Macbeth* (S. Greenblatt, Ed.). W.W. Norton & Company.
- Tolkien, J.R.R., & Rob Inglis (1999). *The Fellowship of the Ring*. Harper Collins Publishers. 545 p.
- Tolkien, J.R.R. (1984). *On Fairy Stories*. In Cr. Tolkien (Ed.), *The Monsters and the Critics and Other Essays* (pp. 109–161). Houghton Mifflin Company.
- Toner, C. (2008). Catastrophe and Eucatastrophe: Russell and Tolkien on the True Form of Fiction. *New Blackfriars*, 89(1019), 77–87. <https://doi.org/10.1111/j.1741-2005.2007.00157.x>
- Whitehead, Cl. (2007). Anton Chekhov's *The Black Monk*: An Example of the Fantastic? *Slavonic and East European Review*, 85(4), 601–628. <https://doi.org/10.1353/see.2007.0006>
- Zirker, A. (2016). Poetic Justice: A Few Reflections on the Interplay of Poetry and Justice. *Connotations*, 25-2, 135–151.

Bio note:

Anjali Sahoo, Assistant Professor of English (Teacher Education), Panchayat College, Bargarh, Odisha, India. ORCID: 0000-0002-3735-3403. E-mail: anjali.sahoo2082@gmail.com

Сведения об авторе:

Анджали Саху, доцент английского языка (педагогическое образование), колледж Панчат, Баргарх, Одиша, Индия. ORCID: 0000-0002-3735-3403. E-mail: anjali.sahoo2082@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-477-488

EDN: YZCNDK

УДК 82.43

Научная статья / Research article

«Военная» проза И.С. Шмелёва и Г.Д. Гребенщикова: жанровые стратегии

С.М. Пинаев¹, С.С. Царегородцева²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия

[✉serpinaev@mail.ru](mailto:serpinaev@mail.ru)

Аннотация. Рассматриваются основные жанровые модели «военной» прозы Г.Д. Гребенщикова и И.С. Шмелёва. Актуальность работы определяется как избранным материалом – малоизученными и впервые введенными в научный оборот очерками и рассказами о Первой мировой войне, так и аспектом исследования – выявлением специфики авторских позиций и жанровых стратегий писателей. Задача – сравнить военные корреспонденции Гребенщикова – участника Первой мировой войны, очерки которого как бы взгляд на события «изнутри», и Шмелёва, который провел годы войны в тылу и высказывал точку зрения «извне». Различные жизненные и творческие позиции авторов способствуют воссозданию объективной картины Первой мировой войны, позволяют выявить основные жанровые модели у Гребенщикова (заметки, зарисовки, путевые очерки с преобладанием автобиографических мотивов), а также тенденцию к беллетризации «военной» прозы у Шмелёва. При этом у обоих прозаиков просматриваются схожие жанровые стратегии, связанные с эволюцией, – от очерков и рассказов к роману.

Ключевые слова: жанровая модель, автобиографические мотивы, рассказ-диалог, рассказ-полилог, путевой очерк

Вклад авторов. Разработка идеи исследования, написание и редактирование рукописи – С.М. Пинаев; сбор и анализ исследовательских данных – С.С. Царегородцева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Пинаев С.М., Царегородцева С.С. «Военная» проза И.С. Шмелёва и Г.Д. Гребенщикова: жанровые стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 477–488. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-477-488>

© Пинаев С.М., Царегородцева С.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Military Prose by I.S. Shmelev and G.D. Grebenshchikov: Genre Strategies

Sergei M. Pinaev¹, Svetlana S. Tsaregorodtseva²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation*

✉serpinaev@mail.ru

Abstract. The examined the main fire models of the military prose by G.D. Grebenshchikov and I.S. Shmelev. The relevance of the work is determined both by the selected material – little-studied and first introduced into scientific circulation essays and stories about the First World War, and by the aspect of research – identifying the specifics of the author’s positions and genre strategies of writers. The task is to compare the war correspondence of Grebenshchikov, a participant in the First World War, whose essays are a look at the events from the inside and Shmelev, who spent the war years in the rear, a view from the outside: the perception of the war by ordinary people in the hinterland. The various life and creative positions of the authors contribute to recreating an objective picture of the First World War. This approach to the work of writers makes it possible to identify Grebenshchikov’s main genre models – notes, sketches, travel essays with a predominance of autobiographical motives, as well as a tendency to fictionalize Shmelev’s military prose. At the same time, both prose writers have similar genre strategies associated with the evolution from essays and short stories to the novel form.

Keywords: dialogue story, genre model, autobiographical motives, polylogue story, travel essay.

Author’s contribution. Development of the research idea, manuscript writing & editing – Sergei M. Pinaev; research data collection & analysis – Svetlana S. Tsaregorodtseva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Pinaev, S.M., & Tsaregorodtseva, S.S. (2025). The Military Prose of I.S. Shmelev and G.D. Grebenshchikov: Genre Strategies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 477–488. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-477-488>

Введение

В современном литературоведении «военная» проза Г.Д. Гребенщикова стала предметом изучения в статьях исследователей: А.А. Бочкарёва, который первым обратился к этой теме в публикациях «Тема Сибири в военной публицистике Г.Д. Гребенщикова» (Бочкарёв, 2000, с. 110–114) и «Г.Д. Гребенщикова – корреспондент „Русских ведомостей“» (Бочкарёв, 2002, с. 181–183); С.А. Манскова, Т.А. Семилет, М.А. Деминова и Е.В. Лукашевич (Мансков и др., 2018, с. 19–29), которые выявили и проанализировали семь «военных» публикаций Г.Д. Гребенщикова за 1916 г. в газете «Жизнь Алтая».

Исследований, посвященных «военной» прозе И.С. Шмелёва, значительно больше. В них авторы обращаются прежде всего к сборнику очерков «Суровые дни». Бен Хеллман в статье «И.С. Шмелёв на войне и революции»

(Hellman, 2009, pp. 43–45) отмечает, что «Суровые дни» занимают видное место в русской художественной литературе о Первой мировой войне. Он описывает «Суровые дни» не как сборник, а как внутренне организованный цикл. Интересна и публикация Б. Хеллмана и Л.Ю. Суворовой, посвященная истории создания романа И. Шмелёва «Солдаты» (Хеллман, Суворова, 2024, с. 787–887).

Я.О. Дзыга провела два исследования, касающиеся «военной» прозы Шмелёва. Сравнивая «Севастопольские рассказы» и «Суровые дни», она выявляет традиции «военной» прозы Л.Н. Толстого в творчестве Шмелёва (Дзыга, 2010, с. 112–118). В статье, посвященной сравнительному анализу повести «Красный смех» Л.Н. Андреева и рассказа «Это было» И.С. Шмелёва, Я.О. Дзыга усматривает не только общность в изображении ужаса войны у двух писателей, но и различия в раскрытии этой темы, обусловленные характером фактического материала, особенностями позиций авторов (Дзыга, 2011, с. 24–29).

Одним из самых первых откликов на «военную» прозу в русской литературе начала XX в. можно считать обзор литературы 1915–1917 гг. сибирского поэта и критика Георгия Вяткина, который писал, что «великая и страшная война и не менее великая и страшная революция ничем замечательным нашу словесность не обогатили». Не вступая в полемику с критиком начала XX в., хотелось бы отметить, что для литературы о Первой мировой войне характерны не только «холодный цинизм» и констатация «массовых убийств». В произведениях этого периода мы обнаруживаем веру в победу своей страны, в мужество и негибаемость простых людей в тылу, религиозный пацифизм, сложные психологические проблемы. Художественная проза о «великой войне» интересна и в жанровом отношении.

Результаты и обсуждение

Произведения Г.Д. Гребенщикова, тем более на «военную» тему, не столь известны широкому читателю, как очерки И.С. Шмелёва. Хотя именно с этой темой он вошел в литературу. Его первый сборник «Отголоски сибирских окраин» открывает рассказ «Не суждено» об учительнице из села Незнахино, которая из подробного письма жениха Дмитрия узнает о сражениях и буднях Русско-японской войны. В рассказе «Не суждено» заметны автобиографические черты. Более того, здесь предсказана судьба самого Гребенщикова, который, как и герой рассказа, ушел на Первую мировую войну рядовым, а закончил офицером.

Недавно авторами статьи были обнаружены «военные» очерки Гребенщикова в газетах «День» (Петербург) и «Котлин» (Кронштадт), сделанные писателем еще по дороге на фронт, когда он остановился в дачном поселке Лесное (сейчас один из районов Санкт-Петербурга). Гребенщиков приехал в Лесное 15 ноября 1915 г., а 2 декабря в рубрике «Сибирские безделицы» уже появляется его первая публикация – рассказ «У земли». Второй рассказ –

«Полонённые» – вышел 25 декабря, очерк «Незабываемое» – 13 января 1916 г., «Бабыя спесь» – 28 января 1916 г. «Сибирские безделицы», опубликованные в газете «День», спустя неделю появляются и в кронштадтском издании «Котлин».

В газетах «День» и «Котлин» в 1915–1916 гг. публиковались преимущественно материалы о военных сражениях. Гребенщиков же пишет о тыле, о том, как воспринимают начало военных событий в Сибири. В первом рассказе «У земли» слово «война» даже не упоминается, однако детали сюжета создают тревожную атмосферу. Герои рассказа-диалога, Михайло и Егор, заходят на почту и видят старика, отправляющего деньги сыну-солдату. Домой они возвращаются пешком и наблюдают за тем, как простая баба, Фетинья, пашет землю с 5-летним сыном. Вестей от мужа Фетинья не получала уже три месяца. Но по тому, как ладно она работает, Егор делает вывод: «Ну, эта и без мужа не пропащая. Эта сдюжит». Финал рассказа настраивает на оптимистический лад: «От полосы пахнет свежей землей» (Гребенщиков, 1915). В подтексте заключена вера в будущее – русской женщины, русского народа, России.

Рассказ «Бабыя спесь» продолжает тему выживания русской деревни без мужиков, которые ушли на фронт. Он начинается с того, что «прослышали бабы-солдатки, что по сёлам к лету пленных будут рассылать – помогать на полевых работах». Бабы понимают, что одни они могут не справиться с посевной. А от пленных в поле – какая-то, да помощь. Однако – страшно: «все-таки супостаты». «Опять же, вернутся которые живые мужики, похвалят ли?» (Гребенщиков, 1916). В результате писаря уволили, пленных прислали, и они все лето проработали в селе. Рассказ-полилог построен на основе многоголосия главных и второстепенных персонажей.

В этом рассказе пленные только упоминаются, а в другой «сибирской безделице» – «Полонённые» – они становятся главными персонажами. Писатель называет их австрийцами. Зачин рассказа: пленных везут в поезде, они испытывают страх перед Сибирью, которая у них ассоциируется с вечным холодом, медведями и смертью. Но чем дольше они едут по бескрайней России, тем спокойнее становятся. Чужестранцы уже с восхищением смотрят в окно поезда: «Сибирь все шире перед пленными разворачивает свои белые равнины, и все такие же постройки, станции... огромные мосты, а всякой снеди... целые горы на каждой станции...». Их изумляет, что они не видят людей, закованных в кандалы; нет ни разбойников, ни медведей. Они едут уже пять дней, в их глазах появляется тоска, австрийцы делятся сомнениями: «Если все это Россия – где же победить ее...» (Гребенщиков, 1915).

Вторая часть рассказа – о жизни пленных в Сибири. В городе и в деревне к ним уже привыкли. Писатель словно бы всматривается в лица «полонённых» и задается вопросом: «Кто же каждый из них?» «Может быть, фабричный рабочий, может быть приказчик, а может и студент из Вены или Будапешта? Здесь стерлись грани между ним и независимым крестьянином Сибири, здесь оба они – люди, по-человечески близехонько подошедшие друг к другу» (Гребенщиков, 1915). Все они – Божьи дети.

Третья часть рассказа – вставная мини-новелла, трогательный случай о вдове, в доме которой живет военнопленный-австриец, а ее сын тоже в плену и живет у родителей «австрийца». Гребенщиков пишет небольшое заключение для недоверчивого читателя: «Конечно, может быть, это выдумала сковавшаяся о сыне вдова... Но если даже и так, то как же хорошо, что даже простые люди не разучились верить в человека, творить прекрасные легенды» (Гребенщиков, 1915).

Герои «военных» рассказов Гребенщикова часто задают вопрос: когда же кончится война? В рассказе «Полонённые» автор дает нравственно-философский ответ: «...Когда враждующие стороны, образумившись, протянут друг другу окровавленные руки... из невольного страдания и общения пленных с чуждыми им людьми, быть может, вырастут те... цветы, которыми будет украшен братский сад единой человеческой семьи» (Гребенщиков, 1915).

Во многие «военные» очерки, опубликованные в газетах «День» и «Котлин», сделаны вставки из солдатских песен. Такая композиция имеет смыслообразующее значение. В очерке «Незабываемое» главная тема – осмысление и оценка войны в тылу – обрамляется солдатской песней, соотносящейся с главной идеей рассказа. Таким образом, «свой» и «чужой» тексты находятся в интертекстуальной перекличке. «Воспроизведение» народных песен о войне содействует приобщению читателя к культурной традиции. Они достраивают авторский текст, обогащая его интонациями народной песни.

Первая статья Гребенщикова непосредственно с фронта была опубликована 23 февраля 1916 г. Называлась она «Минуты молчания» и вышла в газете «Русские ведомости», где позже публиковались еще 19 очерков и рассказов о войне. Некоторые были перепечатаны в газете «Жизнь Алтая» («В солнечный день», «Весенний мотив» и «Каркаралинский мещанин»). «Странички военного быта» – такова общая рубрика публикаций Гребенщикова в московском и барнаульском изданиях (хотя в «Жизни Алтая» у некоторых «военных» рассказов есть и другие рубрики или подзаголовки, уточняющие их жанровую принадлежность, – «Из писем с войны», «Отчёт»). Действительно, очерки Гребенщикова содержат достоверную информацию об организации военного быта, транспортировки раненых. Но главный предмет его художественно-документального исследования – люди на войне: «Санитары, сестры милосердия, доктора, рядовые солдаты (нижние чины), раненые офицеры, старики, дети и женщины, оставшиеся без крова, предстают перед нами как живые, увиденные пристальным сочувствующим взглядом» (Черняева, 2015, с. 165).

Большинство «военных» корреспонденций Гребенщикова, опубликованных в газетах, представляют собой путевые очерки и имеют характерные авторские жанровые определения: «странички», «безделицы», которые утверждают точность, сиюминутность наблюдений. «Оратаево слово» публикуется с подзаголовком «Подорожная безделица». Это рассказ-полилог о молодой бабе, которая едет из Сибири за раненым мужем, которому выбило глаз, но она рада, что он жив. В поезде обсуждают войну и судьбу России, начинается «настоящий мирской сход» после того, как в Славгороде входит новый

пассажир. Мужики говорят, что «скудность не в земле... скудность в смыслах... толку не хватает... за это нас и бьют» (Гребенщиков, 2013, с. 327). А народ – заснувший или заледеневший богатырь, который «слово найти должен». Таким образом, жанровая модель путешествия редуцируется, сближаясь с философским эссе, а стилистически – с орнаментальной прозой.

Статья «Минуты молчания. От наших корреспондентов» начинается с описания вокзала, который «гудит от тысячи голосов, шагов, скрипа многочисленных дверей...» (Гребенщиков, 2013, с. 334). Здесь много военных, еще не видевших пороха, одетых с иголки, их большинство; но есть и «обдержанные, обожженные огнем» в прострелянных шинелях. Применяв кинематографический прием, Гребенщиков «наводит камеру» и выделяет среди вокзальной толпы двоих – это он и она, автор слышит лишь обрывок фразы: «за тебя молиться». Двое говорят взглядами и лишь иногда произносят короткие только им понятные слова. Неожиданная ретардация сюжета превращает путевой очерк в лирическую миниатюру.

Небольшая заметка «Прощённое воскресенье» – бытовой очерк, где автор обращается к вопросам быта в армии. Тема очень близка писателю, который руководил санитарным отрядом. Он всегда считал, что главное на войне – накормить солдат.

В публикациях Гребенщикова 1917 г. – смена настроений из-за неудач на фронте и тревожных вестей из столицы. Из общего минорного тона «военной» корреспонденции выбивается «Сновидение» – восторженный отклик на известия о Февральской революции и создании Временного правительства: эти перемены вызывают мечты о будущем России. Очерк «Впервые», имеющий подзаголовок «Из весенних настроений», опубликованный в «Киевской мысли» в конце мая 1917 г., рассказывает о пяти днях, проведенных в Киеве, и завершается утопическим прогнозом: «Нам хочется обнять всю милую и грешную землю, на которой исстрадавшиеся народы скоро водрузят знамя братства, мира и свободы». Мысли о спасении мира в очерке «Плодовый сад» (июнь 1917 г.) тоже вроде бы возникают, но прежнего оптимизма уже нет: солдаты не только рушат роскошные усадьбы, но и уничтожают сады.

В очерках «Фактик», «Кукушкино слово», «Гроза», «Человеку стыдно», «Горькие капли», «О русских на Украине» и некоторых других усиливается публицистическая составляющая малой прозы этого времени. Гребенщиков пишет о развале армии. Требования свободы, которыми теперь заражены солдатские массы, носят анархический характер. Он заявляет: «Свобода – это храм, в который нужно приходить опрятными, с искренними, чистыми сердцами, как перед лицом Бога» (Гребенщиков, 2013, с. 440). Утрата веры в Бога – основное заблуждение новой России, которое отмечает автор.

И.С. Шмелёв, подобно Г.Д. Гребенщикову, в своем творчестве тяготеет к жанру очерка. О.Н. Сорокина определила жанр «Суровых дней» как «репортажи с элементами физиологического очерка» (Сорокина, 1994, с. 91). И Шмелёв, и Гребенщиков в рассказах воспроизводят мрачную атмосферу крестьянской жизни, которую в определенной степени пронизывает некий лиризм.

И тот, и другой органично воспроизводят крестьянскую речь, но Шмелёв, пожалуй, глубже проникает в «дремучую» стихию народного говора. Оба писателя прибегают порой к «кинематографическим» приемам, воссоздавая «суровую» наглядность деревенских «сцен», укрупняя «кадры» движущейся жизненной «ленты». Правда, Шмелёв в большей степени использует жанр рассказа-монолога, что способствует проникновению во внутренний мир того или иного «персонажа». И в то же время сохраняется взгляд извне, оценка происходящего рассказчиком-«репортером».

Вот группы крестьян направляются на призывной пункт («На пункте»). Автор-«оператор» как бы переводит «камеру» с одного человека на другого, прислушивается к гомону толпы и фиксирует отдельные реплики. Мужчины идут в мрачной задумчивости рядом с телегами, на которых едут их жены. Мыслями они уже на войне – какая им там уготована участь?.. Вот появляются сельский священник и лавочник, которые провожают на фронт единственных сыновей. Вот сельские жители – мужчины и женщины – толпятся на станции в ожидании почтового поезда («Ожидание»). Руки тянутся к окошкам почты за письмами; в глазах брезжит надежда – возможно, жив мой муж, сын, отец... Мобилизации подлежат и лошади («Лошадиная сила»). Причем, лошади разных пород. Здесь и скромные крестьянские клячи, и чистокровные помещичьи жеребцы. Возникает фигура некоего старика, который уже проводил на фронт трех своих сыновей. Теперь он оправляет на войну красивого черного рысака, выращенного им самим. Крестьянину не нужны деньги, причитающиеся за лошадь. Он просит только, чтобы его питомца причислили к кавалерии, поскольку это почетно. Внешне нигде ничего не случается, не происходит. Казалось бы, полная бессобытийность, характерная для очерковой прозы. Однако во всех «сценах» проступает внутренняя драматургия, ощущается трагедия времени, эпохи наступившего лихолетья. Характерно начало первого очерка «На крыльях»: вся Россия села на поезда, все задвигалось. Во втором очерке «На пункте» эта идея движения поддерживается. А вместе с ней и уверенность: всех побьем!

Далее в художественной атмосфере цикла намечается перелом. Наступает осень. Звучит мысль, что война такого обороту даст, что и своих не узнаешь («Оборот»). Главный герой очерка Митрий рассуждает о крестах на кладбищах – «смертей нынче много». Действие очерка «Максимова сила» происходит зимой. Войну уже уподобляют чуме. Заключительные очерки – «Мирон и Даша», «Лихой кровельщик» – о вернувшихся с войны. Очерк «Мирон и Даша» вызывает ассоциации с пасторалью: герои, сельские жители, очень красивы, беззаветно любят друг друга. Мирон вернулся живым, приехал к полю. Однако в его отпускном билете – диагноз смертельной болезни.

Пожалуй, лучший отзыв на «Суровые дни» дал Л.Н. Андреев. По мнению критика, «правдивейший из русских писателей», Шмелёв, чутко, торжественно и просто показал «великое мужицкое царство российское, всколыхнутое войной», показал «его тёмный труженический лик, покорно обращенный

к Богу правды и справедливости». Андреев полемизирует с «надменными „новозападниками“», которые записали русского мужика в разряд «хамов и безнадежных эфиопов». Имеется в виду Д. Тальников, который в статье «При свете культуры» (журнал «Летопись», 1916, январь) утверждал, что современная деревня оторвана «от общей жизни народов гранью тысячелетий». Заслугой Шмелёва, по мнению Андреева, является то, что он «нежно и любовно, трепетно и чутко, как верующий к ранам Христовым, подошел... к этому „эфиопу“ и новой красотой озарил его лапти и зипуны, бороды и морщины, его трудовой пот, перемешанный с неприметными для барских глаз стыдливими слезами. Нет на этом мужике сусальной позолоты прекраснодушного народничества, ничего он не пророчествует и не вещает вдаль, но в чистой правде души своей стоит он как вечный укор несправедливости и злу, как великая надежда на будущее...» (Андреев, 1917, с. 7).

Справедливости ради, надо сказать, что Шмелёв видит в жизни деревни, в русском мужике как светлые, так и темные стороны. Он обращает внимание на непомерное пьянство, распространенное в деревне, низкий культурный уровень, склонность к суевериям, порой грубость сельских жителей. В рассказе «Развяза» выведен, казалось бы, конченный человек, кровельщик Василий, который избивает жену и пропивает все, что есть в доме. Тем не менее, натерпевшиеся жена и мать, желавшие ему ранее каторги, со слезами провожают его на войну. И происходит метаморфоза, описанная уже в другом рассказе («Лихой кровельщик»). Василий возвращается с фронта инвалидом без ноги, становится кротким и смиренным. Парадокс: война очистила душу человека, даже открыла в нем некий свет.

Цикл очерков «Суровые дни» основан на наблюдениях за первыми 18 месяцами войны. Помимо них, Шмелёв написал еще несколько рассказов о Первой мировой войне: «У плачущих берёз», «Солдат Кузьма», «Правда дяди Семёна», начал работу над романом «Солдаты», написал первую главу «Перед войной» и несколько набросков к следующим частям книги. Главный герой романа – Павел Бураев, потомственный русский офицер, благородный человек, искренне любящий родину. В романе должны были содержаться размышления о судьбе России, о ее лучших сынах – офицерах. Солдатская тема в романе Шмелёва тоже намечена, судить о её развитии можно, например, по «военному» рассказу «Солдат Кузьма», написанному в соответствии с жанровой моделью нежития. Возможно, основная причина того, что Шмелёв не успел завершить роман «Солдаты», заключается в том, что он избрал «путь к духовному роману» (Пинаев, 2007, с. 3), явившись основателем этого жанра в русской литературе.

Наиболее показательным из «военных» произведений Шмелёва, с точки зрения формы и содержания, является рассказ «Правда дяди Семёна» (1915). Он строится на слиянии потока сознания главного героя с извержением эмоций по поводу происходящего в стране и в мире. Здесь же незримо присутствует и автор, ненавязчиво комментирующий услышанное. Дядя Семён,

подобно героине рассказа «Про одну старуху», представляет собой некое вместилище истории: «Он – не он. Это вся тяжелой жизнью выученная, мудрая, болеющая Россия, скорбящая и все же непоколебимая» (Шмелёв, 2015, с. 611). Герой очерка чем-то напоминает «дедушку Илью Муромца», лесковского Ивана Флягина («Очарованный странник»). В своих жизненных «странствиях» он прошел тяжелый путь испытаний, выпавших и на долю его страны: «Шестьдесят лет воловьей работы, поломанных ногтей, натруженных плеч, грыжи, поясницы, разбитых ног – в нем. Тысячи снес он в казну, сотни десятин взрыл и выгладил, тысячи пудов хлеба вымолотил и пустил в оборот жизни... Вырастил двух сыновей, двух дочерей выдал, за сестру-вековушку внес в монастырь. В солдатах служил, на заводах работал, тысячи ломтей подал в оконца...» (Шмелёв, 2015, с. 610). Дядя Семён в своих нескончаемых монологах о пленных, о голоде в деревне, о земле все близко принимает к сердцу, пытается разобраться в том, что происходит на его глазах. «Смутная правда мелькает в его сбитых словах, боль неутешная, обида давняя, неизбывная, правда, выясняющаяся растерянному взору» (Шмелёв, 2015, с. 614). Он подспудно осознает, что страшное военное время поможет понять что-то главное, даст ответ на мучительные вопросы: «Может, через эту войну все увидим... подведем баланцы, распространим!.. Сын у меня страдает, воюет во всей душе... ну, значит... могу я ответ требовать – почему такое... где вся наша правда истинная! Могу!» (Шмелёв, 2015, с. 614–615).

Дяде Семену помогает вера, надежда на Бога. Косноязычно, коряво он выражает свою религиозную философию: «Церковь Божия?! Так? Чего на ней стоит? Хрест?! Для чего хрест ставят?.. А для того, что... спасение! Пострадал... и молись – смотри, помни! Кровь свою отдал драгоценную... за всех змеев и стервецов! Вот! За всех, хорошие ли, негодящие ли... Значит, память...» (Шмелёв, 2015, с. 615). Неслучайно место действия большинства очерков – село Большие Кресты. А рассказ «Правда дяди Семёна» – о поисках правды жизни, вечной, христовой Правды. Заканчивается он символично: «Ну, когда ж предел будет, а? Так никто и не знает?.. – Никто не знает. Он смотрит в небо. Там уж и звезды наметились. Долго смотрит, молчит... Один только Господь знает» (Шмелёв, 2015, с. 615).

В 1924 г. в статье «Душа Родины» Шмелёв, перемежая мысль и эмоцию, заговорит о религиозной сути России, душе народа, чуткой «Христову Слову» и «Божьей Правде». А в одной из последних своих публикаций, посвящённой 800-летию Москвы (1947), рассуждая о чудо-стоянии России, писатель будет утверждать, что все это «от Веры, от исконного нашего инстинкта – *быть*, свершить данное нам в удел... Этим путем, ищущим вечного, нетленного, вели русский народ его Святые... И народ шел за ними, сердцем, бессознательно чувствуя величие удела, взыскуя Града».

Гребенщиков в романе «Былина о Микуле Буяновиче» (1922) напишет: «А забота наша первая в том состоит теперь, чтобы... мир завоевать и к построению жизни новой, к построению храма мира и любви бессмертной приступить...» (Гребенщиков, 1922, с. 116).

Заключение

«Военные» очерки Гребенщикова и Шмелёва имеют основную жанровую стратегию, которая проявляется в циклизации и тяготении к большой прозаической форме. Гребенщиков часто реализует это в заголовочных комплексах, давая подзаголовки своим очеркам, ориентированным на прессу и зачастую представляющие собой зарисовки с места событий. В очерках Гребенщикова происходит постоянная смена места действия, хронотоп его «военной» прозы подвижен во временном и пространственном отношении. У Шмелёва в цикле очерков «Суровые дни» действие происходит в одном селе, подвижна только временная составляющая. Оба писателя нередко используют «кинематографические» приемы, выявляя с кажущейся «бесстрастностью» и максимальной «наглядностью» страшную правду о войне. Г.Д. Гребенщиков, как правило, создает эффект многоголосия; И.С. Шмелёв чаще всего использует рассказ-монолог, что способствует максимальному раскрытию внутреннего мира персонажа. При этом важной особенностью «военной» прозы Гребенщикова является автобиографизм – постоянное присутствие автора; прямые оценки событий характерны для его очерков и рассказов 1915–1917 гг. Шмелёв же избегает автобиографических подробностей, в его прозе этих лет, в большей степени беллетризованной, практически нет упоминаний о себе или сыне, который был на войне; чаще всего его рассказ – поток сознания героя.

В 1915–1917 гг. оба писателя в своих произведениях остро реагировали на события мировой войны, заостряя внимание на том, как в России воспринимаются совершающиеся перемены. При этом тот и другой не воспроизводили батальных картин, а проявляли интерес к жизни простых людей на фронте и в тылу, затрагивали сложные нравственно-психологические проблемы, связанные с вопросами веры.

Список литературы

- Андреев Л.Н. Ив. Шмелев. «Суровые дни» // Русская воля. 1917. № 8–9.
- Бочкарев А.А. Г.Д. Гребенщиков – корреспондент «Русских ведомостей» // Г.Д. Гребенщиков. Собрание сочинений : в 30 томах / под общ. ред. А.Б. Фирсова. Т. 23: Странички военного быта. Барнаул, 2002. С. 181–183.
- Бочкарев А.А. Тема Сибири в военной публицистике Г.Д. Гребенщикова // Региональный вестник Востока. 2000. № 4. С. 110–114.
- Вяткин Г.А. Художественная литература, война и революция. Вместо новогоднего обзора // Г.А. Вяткин. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4: Публицистика, эссе. Омск, 2006. С. 274–278.
- Гребенщиков Г.Д. Бабыня спесь // День. 1916. 28 января.
- Гребенщиков Г.Д. Былина о Микуле Буяновиче : в 3 сказаниях. Париж ; Нью-Йорк : Алатаас, 1922. 354 с.
- Гребенщиков Г.Д. Полонённые // День. 1915. 25 декабря.
- Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений Г.Д. Гребенщикова : в 6 томах. Т. 2. Барнаул, 2013.
- Гребенщиков Г.Д. У земли // День. 1915. 21 декабря.
- Дзыга Я.О. «Война в настоящем ее выражении» (трагедия войны в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого и «Суровых днях» И.С. Шмелёва) // Вестник Военного университета. 2010. № 3(23). С. 112–118.

- Дзыга Я.О. Художественные решения темы войны в повести Л.Н. Андреева «Красный смех» и рассказе И.С. Шмелёва «Это было» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 24–29.
- Мансков С.А., Семилет Т.А., Деминова М.А., Лукашевич Е.В. Военная публицистика Георгия Гребенщикова в газете «Жизнь Алтая» 1916 года // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 19–29.
- Пинаев С.М. И.С. Шмелёв: путь к духовному роман // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XVI Крымские международные шмелёвские чтения : сб. науч. статей. Алушта, 2007. С. 3–10.
- Сорокина О.Н. Москвиана: жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М. : Московский рабочий, 1994. 400 с.
- Хеллман Б., Суворова Л.Ю. «Чтобы жить писательством, надо работать – забыв о голове и отдыхе – по 16 часов в сутки»: И.С. Шмелёв // «Современные записки» (Париж, 1920–1940) : из архива ред. : в 4 томах. Т. 4. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 797–886.
- Черняева Т.Г. Забытый русский писатель. О собрании сочинений Георгия Гребенщикова // Сибирские огни. 2015. № 1. С. 161–171.
- Шмелёв И.С. Правда дяди Семёна : собрание сочинений И.С. Шмелёва : в 5 томах. Т. 1. М., 2015. С. 605–616.
- Hellman B. Meetings and Clashes. Articles on Russian Literature // Slavica Helsingiensia. 2009. Vol. 36. P. 43–45.

References

- Andreev, L.N. (1917). I. Shmelev. *Harsh Days. Russian Will*, (8–9). (In Russ.)
- Bochkarev, A.A. (2002). G.D. Grebenshchikov – correspondent of Russian Vedomosti. In A.B. Firsov (Ed.), *G.D. Grebenshchikov Collected Works* (Vol. 23, pp. 181–183). Barnaul. (In Russ.)
- Bochkarev, A.A. (2000). The theme of Siberia in the military journalism of G.D. Grebenshchikov. *Regional Bulletin of the East*, (4), 110–114. (In Russ.)
- Chernyaeva, T.G. (2015). The Forgotten Russian writer. About the collected works of Georgy Grebenshchikov. *Siberian Lights*, (1), 161–171. (In Russ.)
- Dziga, Ya.O. (2011). Artistic solutions to the theme of war in L.N. Andreev’s novella *Red Laughter* and I.S. Shmelev’s story *It Was*. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (2), 24–29. (In Russ.)
- Dziga, Ya.O. (2010). ‘War in its present expression’ (the tragedy of war in *Sevastopol Stories* by Leo Tolstoy and *Harsh Days* by I.S. Shmelev). *Bulletin of the Military University*, (3), 112–118. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G.D. (1916, January 28). Babya arrogance. *Day*. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G.D. (2013). *Collected works by G.D. Grebenshchikov* (Vol. 2). Barnaul. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G.D. (1915, December 25). Full. *Day*. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G.D. (1915, December 21). Near the earth. *Day*. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G.D. (1922). *The epic about Mikul Buyanovich: In 3 legends*. Paris; New York: Alatas. (In Russ.)
- Hellman, B. (2009). Meetings and Clashes. Articles on Russian Literature. *Slavica Helsingiensia*, 36, 43–45. (In Russ.)
- Hellman, B., & Suvorova, L.Y. “To live writing, you need to work – forgetting about your head and rest – for 16 hours a day”: I.S. Shmelev. *Modern Notes (Paris, 1920–1940): From the Editorial Archive*, 4, 797–887. (In Russ.)
- Manskov, S.A., Semilet, T.A., Deminova, M.A., & Lukashevich, E.V. (2018). Georgy Grebenshchikov’s military journalism in the newspaper *Life of Altai* in 1916. *Siberian Philological Journal*, (1), 19–29.

- Pinaev, S.M. (2007). I.S. Shmelev: The Path to a Spiritual Novel. In *I.S. Shmelev and Writers of Literary Foreign. XVI Crimean International Shmelev Readings: Collection of Scientific Articles* (pp. 3–10). Alushta. (In Russ.)
- Shmelev, I.S. (2015). *The Truth of Uncle Semyon. Collected Works by I.S. Shmelev* (Vol. 1, pp. 605–616). Moscow. (In Russ.)
- Sorokina, O.N. (1994). *Moscoviana: The Life and work of Ivan Shmelev*. Moscow. (In Russ.)
- Vyatkin, G.A. (2006). *Fiction, War and Revolution. Instead of a New Year's Review* (Vol. 4: Journalism, Essays, pp. 274–278). Omsk. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Пинаев Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. ORCID: 0000-0001-7064-7510; SPIN-код: 5056-3942. E-mail: serpinaev@mail.ru

Царегородцева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация, 111024, Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, д. 21. ORCID: 0000-0002-2510-2324; SPIN-код: 3301-1924. E-mail: alatas@mail.ru

Bio notes:

Sergey M. Pinaev, Grand PhD in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, 10 Miklouho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7064-7510; SPIN-code: 5056-3942. E-mail: serpinaev@mail.ru

Svetlana S. Tsaregorodtseva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of History of Journalism and Literature, A.S. Griboyedov Moscow University, 21 Shosse Entuziastov St, Moscow, 111024, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2510-2324; SPIN-code: 3301-1924. E-mail: alatas@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499

EDN: ZCPQXM

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Этимология названия романа А.П. Платонова «Чевенгур» и ее отражение в идейном содержании произведения

Б.В. Соколов

Издательство «Вече», Москва, Россия

✉ bvsokolov@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – определение возможной новой этимологии названия романа А.П. Платонова «Чевенгур», отслеживание отражения в тексте вероятных переводов этого названия на русский язык. Актуальность исследования определяется тем, что философский роман «Чевенгур» – главное произведение А.П. Платонова. Оно неизменно привлекает внимание исследователей в России и за ее пределами, поскольку затрагивает вечные вопросы бытия. Используются толково-этимологический, сравнительно-языковой и интертекстуальный методы. Рассматривается этимология названия и существующие его этимологизации. Выдвигается новая гипотеза о происхождении названия «Чевенгур» от армянско-тюркского слова «чилингар», что обосновывается доказанными фактами контактов А.П. Платонова с представителями армянской общины Воронежа еще до начала работы над романом, вероятным наличием в то время носителей фамилий Чилингарян и Чилингаров в этом городе. Прослеживается употребление слов «мастер», «слесарь» и «кузнец» и их производных, являющихся вариантами перевода на русский язык слова «чилингар», в тексте А.П. Платонова. Доказывается, что эти слова используются в связи с главными идеями «Чевенгура» – отражением «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова по всеобщему воскрешению мертвых и мотива мастера и мастерства. Данное обстоятельство может служить подкреплением гипотезы об армянско-тюркской этимологизации названия «Чевенгур». Рассматривается также гипотеза Н.Н. Боровко об А.М. Горьком как возможном прототипе персонажей-кузнецов в романе, Сотых и Якова Титыча, признается, что она имеет право на существование, прослеживается связь этих персонажей с «Философией общего дела». Отмечается сочетание «Философии общего дела» с социальным дарвинизмом, который также отразился в статье А.П. Платонова «Коммунизм и сердце». Идеи социального дарвинизма воплотились в эпизодах истребления «буржуев» и изгнания «полубуржуев» в «Чевенгуре» с оставлением в живых только «избранных» коммунаров.

Ключевые слова: А.П. Платонов, Чевенгур, Н.Ф. Фёдоров, «Философия общего дела», всеобщее воскрешение мертвых, А.М. Горький, Н.Н. Боровко, социальный дарвинизм, этимология

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соколов Б.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Соколов Б.В. Этимология названия романа А.П. Платонова «Чевенгур» и ее отражение в идейном содержании произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 489–499. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499>

The Etymology of the Title of A.P. Platonov's Novel *Chevengur* and its Reflection in the Ideological Content of the Work

Boris V. Sokolov

Veche Publishing House, Moscow, Russian Federation

✉ bvsokolov@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine a possible new etymology of the title of A.P. Platonov's novel *Chevengur* and to track the reflection in the text of the novel of possible translations of this title into Russian. The relevance of the research is determined by the fact that the philosophical novel *Chevengur* is the main work of A.P. Platonov and invariably attracts the attention of researchers in Russia and abroad, since it touches on eternal questions of existence. Explanatory-etymological, comparative-linguistic and intertextual methods are used. The etymology of the title of A.P. Platonov's novel *Chevengur* and its existing etymologizations are considered. A new hypothesis is put forward about the origin of the name 'Chevengur' from the Armenian-Turkic word 'chilingar', which is substantiated by the proven facts of A.P. Platonov's contacts with representatives of the Armenian community of Voronezh even before starting work on the novel *Chevengur*. The use of the words 'master', 'locksmith' and 'blacksmith' and their derivatives, which are variants of the translation of the word 'chilingar' into Russian, is traced in the text of the novel by A.P. Platonov. It is proved that these words are used in connection with the main ideas of *Chevengur* – a reflection in it of N.F. Fedorov's *Philosophy of the Common Task* on the universal resurrection of the dead and the motive of the master and craftsmanship. This circumstance can serve as a reinforcement of the hypothesis about the Armenian-Turkic etymology of the name 'Chevengur'. N.N. Borovko's hypothesis about A.M. Gorky as a possible prototype of the blacksmith characters in the novel, Sotykh and Yakov Titych, is also considered, and it is recognized that it has a right to exist, the connection of these characters with the *Philosophy of the Common Task* is traced. There is also a combination in A.P. Platonov's novel *Philosophy of Common Task* with social Darwinism, which is also reflected in A.P. Platonov's article *Communism and the Heart*. The ideas of social Darwinism were embodied in the episodes of the extermination of the 'bourgeoisie' and the expulsion of the 'semi-bourgeoisie' in *Chevengur*, leaving only the 'chosen' communards alive.

Keywords: A.P. Platonov, *Chevengur*, N.F. Fedorov, *Philosophy of the Common Task*, universal resurrection of the dead, A.M. Gorky, N.N. Borovko, social Darwinism, etymology

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Sokolov, B.V. (2025). The Etymology of the Title of A.P. Platonov's Novel *Che-
vengur* and its Reflection in the Ideological Content of the Work. *RUDN Journal of Studies in
Literature and Journalism*, 30(3), 489–499. [http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-
489-499](http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-489-499)

Введение

Цель настоящего исследования – определение возможной новой этимологии названия романа А.П. Платонова «Чевенгур», отслеживание отражения в тексте возможных переводов этого названия на русский язык. Актуальность исследования определяется тем, что философский роман «Чевенгур» – главное произведение А.П. Платонова. Оно неизменно привлекает внимание исследователей в России и за ее пределами, поскольку затрагивает вечные вопросы бытия, и его содержание не устаревает с течением времени. Применяются толково-этимологический, сравнительно-языковой и интертекстуальный методы. Высказываются различные мнения об этимологии названия самого известного романа Андрея Платонова. Название фантастического города Чевенгур, безусловно, – авторский топоним, не существующий на географических картах. Достаточно обоснованным представляется версия, что он был создан по аналогии с такими городами и селами Воронежской и Тамбовской губерний, как Богучар, Карачуры, Карачан, Чагоры, Карачун и Карабут (Шубина, с. 150). Указывается также, что город Богучар и Богучарский уезд Воронежской губернии, где А.П. Платонов проводил мелиоративные работы, был центром сектантского движения фёдоровцев – последователей философа Н.Ф. Фёдорова, чья псевдоматериалистическая утопическая «Философия общего дела», под которой он понимал воскрешение мертвых с помощью науки (если бы проект осуществился, воскресшие не поместились бы на планете Земля, поэтому Фёдоров предполагал, что со временем человечество освоит всю Вселенную), отразилась в романе «Чевенгур», как и во многих других платоновских произведениях (Романов, 2017, с. 45–59). Существует множество этимологизаций названия «Чевенгур» (Яблоков, 2001, с. 199–201). Например, С. Залыгин и Н. Малыгина считают, что название «Чевенгур» происходит от русских диалектных слов «чева» – ошметок, обносок лаптя, и «гур» – шум, рев, рык (Залыгин, Малыгина, 2000, с. 556). Есть также версия, что Чевенгур – это аббревиатура: ЧеВеНГУР – Чрезвычайный Военный Непобедимый (Независимый) Героический Укрепленный Район (Алейников, 1999, с. 182). На тюркские корни «Чевенгура» указывает Д.Н. Замятин (Замятин, 2005, с. 10). Однако до сих пор исследователи не обращали внимания на еще одну возможную этимологизацию названия романа, которая, как нам представляется, в наибольшей мере отвечает платоновскому замыслу.

Результаты и обсуждение

Этимология названия «Чевенгур»

Представляется, что слово «чевенгур» оказывается созвучно армянскому «чилингар», от которого происходят армянские фамилии Чилингар,

Чилингарян (арм. Չիլինգարյան), Чилингаров и некоторые другие. Однако слово «чилингар» не армянского, а тюркского происхождения (*çilingir*). По-турецки, азербайджански и узбекски «чилингир», как и по-армянски «чилингар», означает «слесарь», а в более ранние времена и «мастер по металлу», «кузнец-оружейник» (Максимов, 2013).

Стоит вспомнить, что Платонов родился и до 1926 г., т.е. вплоть до начала работы над «Чевенгуром», жил в Воронеже, а отец его, Платон Фирсович Климентов, был слесарем-железнодорожником. В Воронеже была одна из наиболее многочисленных армянских диаспор в России. Более того, в 1913–1915 гг. Платонов работал помощником машиниста на локомотиве в имении Устье полковника Якова Григорьевича Бек-Мармарчева (1854–1915) в окрестностях Воронежа. Бек-Мармарчев (Мармарчев) по национальности был армянином и принадлежал к армяно-григорианской церкви. Наверняка Платонову приходилось встречаться и с другими армянами. Например, в «Рассказе о потухшей лампочке Ильича» (1926) Платонов упоминает: «Подговорились мы с одним городским армянином сбывать ему фрукт, и стали водиться у нас деньги» (Платонов, Усомнившейся Макар, 2011, с. 92). Характерно, что рассказ «Усомнившейся Макар» был написан в том же году, когда началась работа над «Чевенгуром».

Упоминаются армяне и в самом «Чевенгуре»: «Прокофий взял знамя из рук Чепурного и прочел про себя стих Карла Маркса на нем.

– Ого – не пролетариат! – сказал он. – Это тебе класс первого сорта, ты его только вперед води, он тебе и не пикнет. Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а – никто! Я тебе живой интернационал пригнал, а ты тоскуешь...» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 286).

Данные примеры доказывают, что армянская национальность была значима для Платонова в период работы над романом, в том числе, вероятно, из-за армянского происхождения его названия. В процитированном отрывке из «Чевенгура» рядом с этнонимом «армяне» стоит этноним «татары», что может намекать также на тюркское (через армянский язык) происхождение придуманного Платоновым топонима.

Интересно, что этноним «армяне» в более поздних произведениях Платонова не встречается. Однако в последней незавершенной пьесе Платонова – комедии «Ноев ковчег (Каиново отродье)» (1949) действие происходит на горе Арарат, в турецкой Западной Армении, а среди действующих лиц присутствует «Симонян, председатель колхоза „Арарат“ из Армянской ССР» (Платонов, Дураки на периферии, 2011, с. 388). Армянский мотив обусловлен библейским сюжетом, но он также может подчеркивать связь комедии с «Чевенгуром», построенном на библейских аллюзиях. Н.В. Корниенко справедливо подчеркивает, что в «Ноевом Ковчеге» диалоги Черчилля и Гамсуна «о новом императоре земного шара» воскрешают «замысел чевенгурского великого инквизитора Прошки Дванова о царстве „интернациональных пролетариев“» (Платонов, Дураки на периферии, 2011, с. 719–720).

В Воронеже и его окрестностях Платонов мог встречать армян с фамилией Чилингарян или Чилингаров. Судя по данным социальных сетей «ВКонтакте»

и «Одноклассники», в настоящее время в Воронеже проживают носители фамилии Чилингарян (Мерри Чилингарян, Вруир Чилингарян) и Чилингаров (Эрик Чилингаров). Их предки вполне могли быть современниками Платонова.

Как нам представляется, Платонов превратил реальное слово «чилингар» в созвучное с ним, но не существующее «чевенгур» (вероятно, оно образовано по следующей схеме: чилингар – чивингар – чевенгур), потому что город утопии не мог быть назван словом, имевшим реальное значение в каком-нибудь языке. Зато те немногие читатели, которые улавливали созвучие и знали значения слова «чилингар», получали ассоциацию с одной из основных идей романа – мастера и мастерства.

Употребление слов «мастер», «слесарь» и «кузнец» в романе «Чевенгур»

Попробуем выяснить, каковы особенности употребления слов «мастер», «слесарь» и «кузнец», по-русски передающие значение армянского слова «чилингар». Слово «слесарь» встречается в «Чевенгуре» 10 раз, причем все случаи употребления приходятся на ту часть, которая представляет собой «реалистическую» экспозицию к основной, фантастической части романа, начинающейся, когда Саша Дванов приходит в Чевенгур. «Реалистическая» же часть охватывает повести «Происхождение мастера» и «Строители страны». Слово «мастер» употреблено здесь 11 раз, производное «мастеровой» – 7 раз, «мастерство» только в «реалистической» части – 4 раза. Слово «кузнец» в «Чевенгуре» встречается 20 раз, а производные от него «кузня», «кузница» и «кузнечный» – 21 раз. Такое внимание к этим словам неслучайно. Кузнец и связанные с ним слова стали одним из символов революции. В частности, в 1920–1922 гг. издавался журнал «Кузница» Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), и Платонов публиковался в нем (Боровско, 2011).

Словоупотребление слов «слесарь», «мастер» и «кузнец» следует признать довольно частым. Для сравнения: в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940) слово «мастер», обозначающее главного героя, употреблено 106 раз, а в «Чевенгуре» «мастер» и производные от него, а также синонимичные с ним «слесарь» и «кузнец» и их производные использованы в общей сложности 73 раза (Булгаков, 2006). Причем эти слова в романе Платонова, в отличие от «мастера» в романе Булгакова, не являются заменой имен персонажей. По объему же «Мастер и Маргарита» и «Чевенгур» практически равны – соответственно 740 и 746 тысяч знаков с пробелами.

Вполне логичным представляется то, что более новое слово «слесарь» (от нем. *Schlosser* через польское *ślusarz*, мастер по замкам), попавшее в русский язык лишь в XVIII в., употребляется только в современной, «реалистической» части «Чевенгура», тогда как в фантастической используются гораздо более древние слова «мастер» и «кузнец». Слово «мастерство» и эпитеты «точность мастерства», «усердное мастерство» используются только в «реалистической» части романа для обозначения свойства, присущего как приемному отцу Саши Дванова, слесарю Захару Павловичу, так и самому Саше

в его дочевенгурской жизни, но иначе, чем у отца: «К машинам и мастерству его влекло, но не так, как Захара Павловича. Его влечение не было любопытством, которое кончалось вместе с открытием секрета машины. Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 44, 51, 54). Для Саши мастерство – это то, что рождает машины, а машины для него – такие же живые существа, как человек и животные. В другом случае мастерство выступает в качестве своеобразного «погонщика» машин, уподобленных уставшим животным: «Чем дальше шла революция, тем все более усталые машины и изделия оказывали ей сопротивление – они уже изработали все свои сроки и держались на одном подстегивающем мастерстве слесарей и машинистов» (Там же, с. 177). В данном случае слово «мастерство» сочетается со словом «слесарь» и получается мастерство мастера. Платонов особенно уважал тех рабочих, которые были мастерами по металлу, как его отец. Здесь также можно увидеть дальнейшее развитие фёдоровского учения о воскрешении мертвых. Ведь люди и животные состоят из молекул, которые когда-нибудь после их смерти можно будет собрать вновь. Машины точно так же состоят из молекул, они подобны живым существам, но воскрешают их к жизни после поломки не ученые будущего, а мастерство слесарей.

Слово «слесарь» наиболее ярко характеризуется в следующем эпизоде: «<...> Захар Павлович наблюдал в паровозах ту же самую горячую взволнованную силу человека, которая в рабочем человеке молчит без всякого исхода. Обыкновенно, слесарь хорошо разговаривает, когда напьется, в паровозе же человек всегда чувствуется большим и страшным. <...> Ему говорили, что нет такого болта, хотя такие болты были у каждого. Но дело в том, что на работе слесаря скучали и развлекались взаимным осложнением рабочих забот. Захар Павлович еще не знал того хитрого скрытого веселья, которое есть в любой мастерской. Это негромкое издевательство позволяло остальным мастерам одолевать долготу рабочего дня и тоску повторительного труда» (Там же, с. 44). В данном случае слесаря выступают как некая, можно сказать, «мастерская аристократия» по отношению к остальным мастерам в мастерской и даже как будто издеваются над остальными рабочими. Но на самом деле они лишь шуткой облегчают их тяжелый труд. Паровоз же, как живое существо, уподобляется слесарю, который красноречив только в подпитии.

Также свое имя Саша Дванов получает от жены молодого слесаря, за которой он присматривает во время ее болезни (Там же, с. 51–52). И сам Саша учится на слесаря, поскольку его «интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать» (Там же, с. 54). И здесь слово «слесарь» оказывается связано с темой машин как живых существ.

Еще два упоминания слова «слесарь» в «Чевенгуре» связаны с измерениями. Захар Павлович рассказывает об уже умершем слесаре Федьке Беспалове: «Бывало, пошлют его что-нибудь смерить, он пойдет, приложит пальцы

и идет с расставленными руками. Пока донесет руки, у него из аршина сажень получается. „Что ж ты, сукин сын?“ – ругают его. А он: „Да мне дюже нужно – все равно за это не прогонят“» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 66). Измеренное расстояние утраивается за счет того, что слесарь максимально раздвигает руки вширь, пока идет. Перед нами все тот же род слесарской шутки, развлечения «взаимным осложнением рабочих забот». А уже в конце «реалистической» части романа «слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления.

– Если б всю партию собрать в эту залу, – рассуждал Гопнер, – смело можно электрическую станцию пустить – на одном партийном дыхании, будь я проклят!» (Там же, с. 177). На этот раз дыхание человека уподобляется энергии машин.

Слово «кузнец» определяется в романе как «железный мастер – он же надзиратель мертвого инвентаря и строительного имущества (должно быть, кузнец, плотник и прочее – в одной и той же личности)» (Там же, с. 133). И «железный мастер» изготавливает из железных прутьев вечности времени и бесконечности пространства (Там же, с. 137). Таким образом, слова «кузнец» и «мастер» оказываются синонимами. Кузнец Сотых выступает противником как революции и коммунистов, так и фёдоровской теории воскрешения мертвых: «Ты говоришь – хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется? А война, говорят, вся прошла...» (Там же, с. 158).

Мастер Захар Павлович относится отрицательно к Февральской революции, поскольку «у власти опять умнейшие люди дежурят – добра не будет», но зато принимает Октябрьскую революцию, несмотря на вызванную ей разруху, – «там дураки власть берут, – может, хоть жизнь поумнеет» (Там же, с. 62). Это перекликается с мыслью кузнеца Сотых о том, что революция кончится тогда, когда «все чудаки к власти отойдут, а народ сам по себе заживет – обоим сторонам удовольствие...» (Там же, с. 159). Таким образом, счастье народа мыслится как своеобразная анархия, когда власть сама по себе, а народ – сам по себе, и в дела друг друга они не вмешиваются.

Другой кузнец, Яков Титыч, хочет отгородиться от чевенгурцев: «Народ гречишной каши себе сварить не может, крупы нигде нету... А я кузнецом был – хочу кузницу подальше на шлях перенести, буду работать на проезжих, может, на крупу заработаю» (Там же, с. 321), поскольку «способней будет вещь по кузнечному сработать» (Там же, с. 322), чем питаться только дарами природы, как это делают чевенгурцы. И он, как и Сотых, не верит в воскрешение и мечтает, чтобы «мертвое тело оставалось целым, было бы чего держать и помнить, а то дуют ветры, течет вода, и все пропадает и расстается в прах. Это ж мука, а не жизнь. И кто умер, тот умер ни за что, и теперь не найдешь никого, кто жил когда, все они – одна потеря» (Там же, с. 322). А заброшенная кузница, в которой пророс лопух и где даже пауки передохли, становится символом запустения Чевенура. Здесь тоже можно усмотреть фёдоровское учение о возможности воскрешении мертвых.

Согласно интересной гипотезе Н.Н. Боровко оба кузнеца в романе, Сотых и Яков Титыч, имеют своим прототипом Максима Горького, причем Сотых отражает фигуру Горького 1920 гг., когда он резко критиковал большевиков за избыточное насилие в «Несвоевременных мыслях», а Яков Титыч – фигуру позднего Горького, вернувшегося из эмиграции и в целом принявшего большевистскую программу (Боровко, 2011). Если эта гипотеза верна, то становится понятной критика обоими кузнецами фёдоровского учения. Горький в целом не принимал учения Фёдорова, хотя признавал, что «среди множества его оригинальных домыслов и афоризмов есть такой: „Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли“. Это, на мой взгляд, неоспоримо» (Горький, 1953, с. 454). Горький так отзывался об учении Фёдорова в письмах: «Книги его, конечно, читал. Не понравились». Правильно и указание, что от Фёдорова «тошнотно, как после хлороформа» (Сухих, 2007, с. 59–60).

Захар Павлович думает о том, что хорошо бы дать человеку «муравьиный или комариный разум – враз бы можно жизнь безбедно наладить: эта мелочь – великие мастера дружной жизни; далеко человеку до умельца-муравья» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 20). Здесь отражена мысль Фёдорова о том, что «по зоологической теории – общество есть муравейник, потому что и человек – только общественное животное» (Фёдоров, 1995, с. 328). Муравьи привлекали Фёдорова (вероятно, и Платонова) тем, что погребали своих умерших за пределами муравейников, в чем они «подобны <...> не дикарям, а горожанам, особенно американским и даже только будущим, когда удалять останки умерших будет предоставлено обществу ассенизации». Этот пример использовался биологами для доказательства биологической (животной) природы человека, с чем Фёдоров был категорически не согласен, полагая, что человек в нравственном отношении отличается от даже высокоорганизованных животных, вроде муравьев, тем, что выполняет сыновий долг, погребая умерших с максимальной возможностью к воскрешению: «Следовательно, „погребать“ у животных (как и у будущих горожан, и у нынешних натуралистов, которым принадлежат вышеприведенные слова и которые в нравственном отношении стоят не выше изучаемых ими муравьев) не имеет ничего общего с погребением у людей, т.е. сынов человеческих: „погребать“ у последних значит оживать или воскрешать соразмерно со знанием и умением. Скрытое, т.е. зарытое в землю или сожженное по физической необходимости тело умершего, тотчас же восстанавливается по необходимости нравственной, по сыновнему долгу: каменные „бабы“ (отцы), погребальные урны, хранящие прах сожженных и принимающие постепенно все более человекообразную форму, свидетельствуют об этом долге» (Там же, с. 460–461). Платонов же в данном случае полемизирует с Фёдоровым, утверждая, что и людям есть чему поучиться у муравьев. Писатель подчеркивал роль мастерства в отличии человека от животных и растений. У Захара Павловича и его друга машиниста-наставника «зверь и дерево не возбуждали <...> сочувствия своей жизни, потому что никакой человек не принимал участия в их изготовлении, – в них не было ни

одного сознательного удара и точности мастерства». В этом отношении к человеку ближе изделия, особенно металлические, которые «существовали оживленными» и «по своему устройству и силе» были «интересней и таинственней человека» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 43–44). А твердые (металлические) вещества, с которыми всю жизнь имеют дело мастера, помогают им предчувствовать приближение смерти, так как «тайно обучают их непреложности всеобщей гибельной судьбы» (Там же, с. 53). В противоположность Фёдорову, у Платонова не сын заботится о захоронении отца, но отец – о захоронении приемного сына. Он задолго до самоубийства Саши сделал ему гроб – «последний подарок сыну от мастера-отца», чтобы сохранить Александра в таком гробу – если не живым, то целым для памяти и любви; через каждые десять лет Захар Павлович собирался откапывать сына из могилы, чтобы видеть его и чувствовать себя вместе с ним» (Там же, с. 79). Он предчувствует, что надолго переживет Сашу.

Также машинист-наставник полагает, что настоящий мастер не должен трудиться ради денег, и конец света настанет тогда, когда «труд из безотчетной бесплатной натуры станет одной денежной нуждой», и «после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров» (Там же, с. 51). В данном случае Платонов указывает на одно из опасных последствий реализации фёдоровского проекта – ведь наряду с хорошими людьми воскреснут и сволочи – злодеи и преступники, и надо сделать так, чтобы настоящих мастеров было бы в истории человечества не меньше, чем сволочей. С другой стороны, в романе подчеркивается, что есть предметы, «для изделия которых мастеру надо отвлечься от всего низкого и нечистоплотного в своем теле» (Там же, с. 353).

Между Захаром Павловичем и Сашей Двановым существует принципиальная разница во влечении к машинам и мастерству. У отца оно рациональное, а у сына – интуитивное. Саша «скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать», и поэтому иногда воображал себя паровозом (Там же, с. 54). И есть еще разница между мастерами, которые вкладывают душу в производимые ими машины, и мастерами, которые равнодушны к паровозам, которые «они чинили и заправляли» (Там же, с. 54–55).

Мастером в «Чевенгуре» может быть не только слесарь или кузнец, но и воин. Неслучайно красный воин Копенкин, странствующий рыцарь революции, «свободным движением мастера вышиб саблей обрез из рук постового, ничуть не ранив его», причем его мастерство определяется тем, что он «имел в себе дарование революции» (Там же, с. 153). Таким образом, мастерство не только не противоречит революции, но и может вдохновляться ею. Мастерством обладает и чекист Пиюся, палач-романтик, в результате деятельности которого по истреблению и выселению «буржуев» и «полубуржуев» в Чевенгуре остается только 11 жителей-коммунаров. Он при выселении «полубуржуев» «хватал поперек тоскующих людей с равнодушием мастера, бракующего человечество, и молча сажал их на узлы, как на острова последнего убежища» (Там же, с. 251). При этом Пиюся для Платонова – отнюдь не отрицательный герой. Ведь сам автор «Чевенгура» в 1922 г. писал в задонской

газете «Свободный пахарь»: «Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма – буржуазии, как суммы живых личностей. Скажут – это крайность, кровожадность, слепое бешенство, а не путь к коммунизму. Нет – честный вывод точного анализа переходной эпохи и истории капитализма и пролетариата. Сердце, чувство всегда мешали человеку познать жизнь. Мы никогда правильно не понимали земли. Голова наша еще слишком слаба, не может вполне познать всего тяжелого процесса движения вещей, всей беспощадности, всего коловорота, взрывов материи, текущей к своей цели. Мы еще не научились у природы ее беспощадности» (Платонов, 2007). Здесь Платонов скорее исповедует не фёдоровское учение, а социальный дарвинизм, который у него в дальнейшем сочетался с «Философией общего дела» (см. рассуждения машиниста-наставника о «последних сволочах»). А вот мастерство чуждо «разлагающемуся» «припартийному интеллигенту» (Боровко, 2001) Симону Сербинову, антиподу Саши Дванова, которого он именует не мастером, а всего лишь «квалифицированным мастерским» (Платонов, Чевенгур, 2011, с. 382).

Заключение

Таким образом, мы убедились, что гипотеза о том, что название романа «Чевенгур» происходит от армянско-тюркского слова «чилингар», которое могло быть известно Платонову благодаря доказанным контактам писателя с представителями армянской диаспоры Воронежа еще до начала работы над произведением, нашла дополнительное подтверждение в тексте «Чевенгура», так как все слова, которыми можно перевести это слово на русский язык, – «мастер», «слесарь», «кузнец» и их производные – играют важную роль. Они оказываются связаны с отражением «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, где это учение сочетается с социальным дарвинизмом и с одной из главных тем романа о мастере и мастерстве. Социальный дарвинизм отразился также в статье А.П. Платонова «Коммунизм и сердце». Данное обстоятельство повышает вероятность нашей гипотезы об армяно-тюркском происхождении названия романа «Чевенгур». Представляется также вероятной гипотеза Н.Н. Боровко об А.М. Горьком как прототипе персонажей-кузнецов в «Чевенгуре», Сотых и Якова Титыча, и их связь с «Философией общего дела», своеобразная полемика с идеями Н.Ф. Фёдорова с позиций социального дарвинизма. Идеи социального дарвинизма воплотились в эпизодах истребления «буржуев» и изгнания «полубуржуев», оставлением в живых только «избранных» коммунаров.

Список литературы

- Алейников О.Ю. На подступах к «Чевенгуру» // Филологические записки. 1999. № 13. С. 177–184.
- Боровко Н. Портретная галерея «Чевенгура» // Континент. 2001. № 109. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2001/109/portretnaya-galereya-chevengura.html?ysclid=m7cftij0pf753464664> (дата обращения: 04.01.2025).

- Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер...» : полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / подгот., вступ. ст., коммент. В.И. Лосев ; под ред. Б.В. Соколова. М. : Вагриус, 2006. 1006 с.
- Горький А.М. Еще о механических гражданах : собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М. : ГИХЛ, 1953. С. 447–456.
- Залыгин С.П., Малыгина Н.М., Платонов А.П. Русские писатели XX века : биографический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. С. 555–557.
- Замятин Д. Крутая вечность. Образная геоморфология романа Андрея Платонова «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. Вып. 6 / под ред. Н.В. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 7–19.
- Максимов В. Из истории фамилий // Наука и жизнь. 2013. № 11. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/23331/> (дата обращения: 17.01.2025).
- Платонов А. Забытые статьи. Коммунизм в сердце человека (В порядке дискуссии) / публ. и коммент. В. Попова // Подъем. 2007. № 10. URL: <https://pereplet.ru/podiem/n10-07/Platonov.shtml> (дата обращения: 04.01.2025).
- Платонов А.П. Дураки на периферии : пьесы, сценарии / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. М. : Время, 2011. 720 с.
- Платонов А.П. Усомнившийся Макар : рассказы 1920-х годов ; стихотворения / под ред. Н.М. Малыгиной. М. : Время, 2011. 656 с.
- Платонов А.П. Чевенгур. Котлован / под ред. Н.М. Малыгиной. М. : Время, 2011. 608 с.
- Романов Е.П. Богучарский коммунизм Андрея Платонова : исторические исследования и публицистика. Воронеж : Воронежская областная типография, 2017. 96 с.
- Сухих С.И. Горький и другие : избранные статьи. Н. Новгород : Поволжье, 2007. 243 с.
- Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. I. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.
- Шубина Е.Д. Созерцатель и деятель: 1899–1926 / Андрей Платонов : воспоминания современников. Материалы к биографии ; сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М. : Современный писатель, 1994. С. 138–154.
- Яблоков Е.А. На берегу неба: роман Андрея Платонова «Чевенгур». СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 376 с.

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант главного редактора, издательство «Вече», Российская Федерация, 127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, копр. 1. ORCID: 0000-0001-8147-4918; SPIN-код: 9754-1134. E-mail: bvsokolov@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-500-507

EDN: ZJYRNA

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Пространство и повествование в рассказе Е.И. Замятина «Встреча»

Е.С. Подолина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

 espodolina@gmail.com

Аннотация. Рассказ Е.И. Замятина «Встреча» практически не изучался исследователями как самостоятельное произведение. Вместе с тем он представляет значительный интерес в контексте рецепции кинематографа в литературе первой половины XX в. и в произведениях русского зарубежья первой волны эмиграции. В это время писатель, как и многие его современники, обращался к проблеме взаимодействия литературы и кино, пытался разгадать феномен киноискусства, а также работал над сценариями. В этой связи отражение темы кино в художественном творчестве писателя объяснимо и закономерно. В статье рассматривается место рассказа в рамках позднего периода творчества Замятина. Кроме того, долгое время недооцененной оставалась роль художественного пространства. В то же время анализ повествования в произведении был освещен в отдельных работах современных литературоведов, но основное внимание авторов было сосредоточено на заимствованных из кинематографа повествовательных приемах, указании на присутствие ненадежного рассказчика. Цель – выявление особенностей художественного пространства и его связь с повествованием. Исследование опирается на описательно-функциональный, культурно-исторический и герменевтико-интерпретационный методы. Анализируется изображение пространства в соответствии со сложившимся образом кинематографа в Серебряном веке и установками писателя: отношением к киноискусству, мировоззрением, творческими принципами. Исследуется роль данной категории в организации повествования, очевидно их взаимодействие. Результаты показали, что образы и действия героев согласуются с окружающей их действительностью. Доказана связь между художественным пространством рассказа и особенностями повествования. В заключении делается вывод о возможном соотношении характерных для XX в. образов кинематографа с общими мировоззренческими установками и творческими взглядами Замятина, их отображением в рассказе «Встреча» на разных уровнях.

Ключевые слова: малая проза, художественное пространство, повествование, Е.И. Замятин, рецепция кинематографа, кинематографичность, литература русского зарубежья, Серебряный век

Благодарности. Автор выражает благодарность научному руководителю В.Б. Семенову за помощь при подготовке и редактировании рукописи.

© Подолина Е.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Подолina Е.С. Пространство и повествование в рассказе Е.И. Замятина «Встреча» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 500–507. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-500-507>

Space and Narrative in the Short Story by E.I. Zamyatin *The Meeting*

Ekaterina S. Podolina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 espodolina@gmail.com

Abstract. The short story *The Meeting* by E.I. Zamyatin has hardly been studied by researchers as an independent work. However, it is of considerable interest in the context of the reception of cinematography in the literature of the first half of the 20th century and in the literature of the Russian abroad of the first wave of emigration. At that time, the writer, like many of his contemporaries, addressed the problem of the interaction of literature and cinema, tried to unravel the phenomenon of cinematography, and also worked on scripts. In this regard, the reflection of the theme of cinema in the writer's work is understandable. In addition, the role of space in the story remained underestimated for a long time. At the same time, the analysis of the narration in the work was covered in individual works of modern literary scholars, but the authors' main attention was focused on the narrative techniques borrowed from cinematography and the indication of the presence of an unreliable narrator in the story. The aim of the work is to identify the features of the space and its connection with the narrative. The study is based on descriptive-functional, cultural-historical and hermeneutic-interpretative methods. The article analyzes the image of space in accordance with the established image of cinema in the Silver Age and the writer's attitudes: attitude to cinematography, worldview, established creative principles. The role of this category in the organization of the narrative is studied, their interaction is obvious. The results of the work showed that the images and actions of the characters are consistent with the reality surrounding them. The connection between the space of the story and the features of the narrative is proven. A conclusion is made about the possible correlation of the images of cinema characteristic of the 20th century with the general ideological attitudes and creative views of Zamyatin and their reflection in the story *The Meeting* at different levels.

Keywords: short prose, literary space, narrative, E.I. Zamyatin, cinema reception, cinematography, literature of the Russian abroad, Silver Age

Acknowledgments. The author expresses gratitude to academic supervisor V.B. Semenov for assistance in preparation and editing the article.

Conflict of interest. The author declares that they have no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Podolina, E.S. (2025). Space and Narrative in the Short Story by E.I. Zamyatin *The Meeting*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 500–507. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-500-507>

Введение

В наследии Е.И. Замятина особое место занимает рассказ «Встреча» (1935), действие которого происходит на съемочной площадке. Можно сказать, что обращение к теме кинематографа не было случайным: повышенный интерес к проблеме взаимодействия кино и литературы на разных уровнях наблюдался, по меньшей мере, на протяжении всей первой половины XX в. В это время кинематограф переживал свое становление и расцвет. Режиссеры и литераторы стали задумываться о перспективах словесных, экранных и сценических искусств, анализе специфики их взаимодействия. Были опубликованы статьи В.Я. Брюсова «Ненужная правда. По поводу художественного театра» (1902), «Реализм и условность на сцене» (1907), А. Белого «Синематограф» (1907), «Театр и современная драма» (1908), К.И. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» (1908), М.М. Волошина «Мысли о театре» (1910), «Театр и сновидение» (1912–1913), Л.Н. Андреева «Маски» (1912), В.В. Маяковского «Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству» (1913). Велись дискуссии, одна из которых состоялась 5 апреля 1913 г. в Политехническом музее. Ее начало было положено выступлением Б.Л. Пастернака «Существует ли борьба между синематографом и театром как различными видами драматического искусства, и если она существует, то кто из них победит?».

Образ новейшего вида искусства оказался демонизирован представителями Серебряного века. М. Горький считал кино безликим отражением жизни, К.И. Чуковский – силой, способной останавливать время, А. Белый и М.М. Волошин – местом силы, которое возвращает человеку самого себя (Высочанская, 2018, с. 73). В лирике названного периода все чаще встречается тема взаимосвязи искусства и реальности, когда действительность и сюжет картины становятся неразличимы: Н.Н. Асеев «Лирическое отступление» (1924), «Королева экрана» (1924); О.Э. Мандельштам «День стоял о пяти головах» (1935) и др.

Что касается рецепции кинематографа в прозе, А.М. Высочанская выделяет несколько аспектов, которые были тесно связаны со значением его восприятия в литературе: юмористический, романтический, философско-психологический, поэтический и «кинематографический» роман (Высочанская, 2018, с. 164–189). С точки зрения исследователя, они сформировали ключевые направления для проявления темы киноискусства в литературе. В то же время в творчестве писателей русского зарубежья сохранялось характерное для символистов отношение к кино как к некой другой реальности, призрачной и мнимой, что наглядно представлено в статье Ю.А. Айхенвальда «Смысл пустоты» (1927), произведениях Б.Ю. Поплавского (стихотворения «Покушение с негодными средствами» (1926), «Поэзия, ты разве развлеченье?», роман «Домой с небес» (1935), «Аполлон Безобразов» (1926–1932)), Г. Газданова («Вечер у Клэр» (1929), «Мартын Расколинос» (1929)), В.В. Набокова (стихо-

творения «Движенье» (1918), «Кинематограф» (1928), романы «Машенька» (1926), «Защита Лужина» (1930), «Камера обскура» (1932), «Подвиг» (1932)). В художественных текстах встречались, с одной стороны, установки на восприятие кинематографа как определенного потустороннего пространства, подверженного хаосу, а с другой – рефлексия авторов над тем, как новый вид искусства влияет на судьбу человека, которая порой выстраивается на манер сюжетов кинокартин. Кроме того, искусство слова активно перенимало кинематографические приемы: динамичное повествование, визуальную выразительность, аллюзии кино, привнесение визуального и экспрессивного компонента в литературу и т.п. Несмотря на то что в целом кинематограф воспринимался как совершенно новое явление, как то, что не обладало ни глубоким содержанием, ни собственной эстетической системой, многие писатели, поэты и критики этого времени увидели в нем высокий художественный потенциал.

Замятин как один из крупных авторов эпохи также не мог оставить без внимания проблему возросшей популярности кинематографа и его места среди других видов искусств. Об этом свидетельствуют его статьи «Театр и кино в советской России» (1932), «Кинематографические параллели» (1933) и «Кино» (1933), в которых писатель, с одной стороны, отметил наступающий кризис кинематографа как вида искусства, а с другой – выразил опасения, что зритель предпочтет «жидкую пищу» в виде звуковых кинокартин собственному воображению, осмыслению увиденного (Замятин, 1933). Тем не менее, Замятин является автором многочисленных киносценариев, однако экранизированы были только «На дне» (1936, режиссер Ж. Ренуар), написанный в соавторстве с Ж. Компанейцем, и «Пиковая дама» (1937, режиссер Ф. Оцеп). Часть задумок писателя сохранились в сценарных заявках (синописах): «Бич Божий» (1934–1935), «Владыка Азии» (1936), «Иван Грозный», «Принцесса Ванина» (1936) и др. Созданный в этот же период рассказ «Встреча» – подтверждение того, что тема кинематографа нашла свое отражение и в художественной прозе писателя.

Отметим, что произведение часто рассматривалось в рамках изучения поэтики «театральных» рассказов «Десятиминутная драма» (1929), «Лев» (1935) (Стрелец, 2019), особенностей заглавий в прозе писателя (Губина, 2007) и др. При этом оно практически не анализировалось исследователями как самостоятельное и в контексте рецепции кино в текстах писателей первой волны эмиграции. Также детально не исследовались особенности художественного пространства и их роль в построении повествования.

Результаты и обсуждение

Произведение относится к позднему (эмиграционному) периоду творческого пути Замятина (1931–1937). Писатель продолжает придерживаться принципов неореализма, но в то же время обращается к образам и «формам психологизма» подобным тем, что встречаются у Л.Н. Толстого (Давыдова, 2001, с. 26). В частности, последнее включает в себя изображение внутреннего мира героя, невыразимость определенных эмоций и их несвязанность с подлинным состоянием персонажа (Мережковский, 1995 [1901–1902],

с. 109), несоответствие «между подлинным состоянием и волевым самообнаружением» (Скафтымов, 1972 [1958], с. 158). Необходимо заметить, что и в целом в XX в. прослеживается тенденция к изображению внутреннего пространства персонажей, в частности через пространство воспоминания. Тем самым, художественный мир произведения оказывался еще более усложненным¹.

Рассказ открывается сценой суда «фильма из русской жизни», которую читатель готов принять за реальную, однако впоследствии узнает, что это съемка киноэпизода. Отметим, что использованный здесь ход – намеренное запутывание действия при помощи «ненадежного повествователя». Такой прием можно считать своеобразным предвосхищением одного из основных постмодернистских принципов, примером «чеховского слова» в творчестве Замятина, под которым понимается стремление заинтриговать читателя и, в конечном итоге, подвести к неожиданной развязке (Губанова, 2005; Давыдова, 2001, с. 67). Пространство, в котором происходит заседание, не описывается подробно: фокус внимания смещен на внутреннее состояние героя, его ощущения. Детальное изображение пространства встречается уже в следующем эпизоде, когда все идут на перерыв в буфет, где сразу же «показалось темно», «лампы <...> завешены табачным туманом». Как часть пространства воспринимаются посетители: «солдаты, цыгане, мужики, офицеры», священник, спорящие извозчик и нищий. Даже Попов, который уходит из буфета, не столько покидает пространство, сколько именно исчезает «в фантастической толпе». Все персонажи перевоплощены в свои образы: в пространстве съемочной площадки они исполняют конкретные роли, однако вне ее, сохраняя внешнее преображение, становятся актерами. При этом художественное пространство кажется нереальным, точно существующим во сне: лампы окутаны «табачным туманом», все кажется шатким, «как во сне», более того, все происходящее напоминает «сон или бред». Замечая Попова в этом неопределенном, туманном пространстве полковник также не может вспомнить, где именно он его видел. Пространство реальности и пространство кинематографа как бы меняются местами: действительность кажется чем-то иллюзорным, в то время как постановочное заседание – реальным. Слияние мира кино и действительности делают пространство рассказа неопределенным, читатель не сразу понимает, где происходят события, что вполне согласуется с символистским восприятием феномена кинематографа как сверхъестественного и далекого от подлинной реальности. Однако замятиновед Т.Т. Давыдова, вспоминая о том, что рассказ был написан в эмиграции, а события происходят за границей, связывает этот образ с образом родины, который оказывается окутан туманной дымкой (Давыдова, 2001, с. 299). Так, в произведении реализуются мотивы призрачности и зыбкости окружающего мира. Исследователь делает вывод, что Замятин перенимает их у А. Шопенгауэра. Философ, в свою очередь, утверждал, что жизнь есть не что иное, как вечный обман, где нет возможности достигнуть счастья – оно может лежать только в будущем или в прошлом (Шопенгауэр, 1992 [1844]).

¹ Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2000. 248 с.

Усложнение восприятия повествования читателем происходит в том числе и за счет обращений полковника к пространству памяти, к тюремной камере, где он был надзирателем для заключенного Попова. Здесь читатель снова может заметить, что со сменой пространства меняются и роли персонажей, что, с одной стороны, объяснимо тем, что в рассказе задействованы кинообразы актеров. С другой стороны, как и в эпизоде, где полковник покидает павильон и выходит из роли, пространство определяет, кем герой является в конкретный момент времени. Погруженный в воспоминания он дезориентирован в пространстве: в попытке найти съемочную площадку оказывается совсем в другом помещении, где вновь встречает своего оппонента.

В рассказе фигурирует и то пространство, в котором оказывается полковник после конфликта с режиссером: коридор студии и тот же буфет. Однако теперь герой практически не обращает на него внимание, оно уже не имеет столь большого значения. Исключением становится деталь, на которую подмечает повествователь – одна горящая лампа. Входящий и перемещающийся в этой локации Попов идет от «дверей к столику». Так, безлюдный буфет становится местом финальной встречи. Пространство вновь за пределом внимания как повествователя, так и полковника – последний вновь сосредоточен на внутреннем состоянии и на своем противнике. Таким образом, пространство описывается в оппозициях «реальность» и «сон», «мир кино» и «действительность», «внешнее» и «внутреннее», «надзиратель» и «осужденный» и т.п.

Переходы от пространства к пространству осуществляются с помощью монтажного повествования, на что указывала еще Л.И. Стрелец, подчеркивая, что читатель, как кинозритель, следит за перемещением в пространстве от зала суда до буфета, из буфета – в тюремную камеру, из тюремной камеры – на полутемный двор, оттуда в студию, а из студии – снова в буфет (Стрелец, 2019, с. 109). Таким образом реализуются принципы кинематографичности, часто встречающиеся в художественных текстах начала XX в. Перемещение между пространствами служит для реализации сюжетообразующей функции пространства в понимании Ю.М. Лотмана. Ученый считал, что движение сюжета осуществляется посредством пересечения границ пространств, задействованных в произведении, причем каждое такое нарушение приравнивается к событию. Но эта функция может проявляться и на уровне модальности, например, когда пространственное противопоставление «там – здесь» составляет основу интриги произведения (Лотман, 2000 [1969], с. 483). То же самое происходит и в рассказе «Встреча»: автор стремится вовлечь читателя в наблюдение за действием, в игру. Добавим, что перемещения в пространстве связаны и с изменением своеобразного статуса персонажей. Так, главный герой, выбежав из студии, перестает быть полковником, а снова становится человеком, «который недавно мыл окна и получал на чай». Автор не просто запутывает читателя с помощью особой организации повествования: он добавляет свободные перемещения в пространстве повествователя и героя, что усложняет восприятие художественного текста и, кроме того, вместе с переменной локаций, где разворачиваются события рассказа, меняет статусы и роли героев.

Заключение

В рассказе «Встреча» действие разворачивается на съемках фильма, поэтому пространство произведения охватывает локации, связанные с кинопроизводством: павильон, буфет, двор, коридор. При этом выбор этого места также не случаен: через данный образ способна реализоваться идея автора о действительности, которая на самом деле иллюзорна, что согласуется, с одной стороны, с символистской идеей о кино как об инородной реальности, а с другой – с шопенгауэровской идеей о несуществующей на самом деле действительности. Эта мысль соотносится с тезисом о забываемом образе родины, поскольку события рассказа происходят на чужбине, а сам писатель в этот период находится в эмиграции. Кроме того, в тексте представлена и специфическая категория пространства – пространство воспоминания, к которому нередко обращались писатели XX в. Герой может существовать одновременно и в настоящем времени и в пространстве, перемещаться в прошлое, что усложняет повествовательную структуру рассказа.

Персонажи меняют свои роли в соответствии с локацией, в которой находятся, но при этом и пространство способно трансформироваться в зависимости от внутреннего состояния главного героя: когда он находится в «реальном мире», то способен в деталях воспринимать окружающее. Однако в состоянии раздумий, воспоминаний герой воспринимает пространство иначе, оно как будто бы перестает для него существовать, что выражается в отсутствии детального описания художественного мира или его пересоздания. Так, буфет хотя и кажется реальным, кажется пространством сна в одном эпизоде и обычным реальным буфетом в другом.

Пространство и повествование в рассказе Замятина «Встреча» находятся в тесной взаимосвязи: повествование соотносится с перемещениями главных героев в пространстве, тем самым реализуется сюжетобразующая функция последней категории. Перемещение между разнообразными локациями, в том числе между пространством настоящего и пространством памяти, ведут к переменам ролей персонажей и к неожиданной развязке.

Список литературы

- Высочанская А.М.* Рецепция искусства кино в русской литературе I половины XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. 249 с.
- Губанова Т.В.* «Чеховское слово» в творчестве Е.И. Замятина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». Тамбов, 2005. 156 с.
- Губина Н.В.* Поэтика заглавий в прозе Е.И. Замятина: название – текст – метатекст // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4(7). С. 97–104.
- Давыдова Т.Т.* Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы 1910–1930-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 346 с.
- Замятин Е.И.* Кино // Замятин Е.И. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4: Беседы еретика. М. : Русская книга, 2003. 510 с.

- Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Ю.М. Лотман Семiosфера. Культура и взрыв среди мыслящих миров. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники : очерки. М. : Республика, 1995. 622 с.
- Скафтымов А.С. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // А.С. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках. М. : Художественная литература, 1972. 543 с.
- Стрелец Л.И. Игра с читателем в «театральных» рассказах Е. Замятина // Вестник ТГПУ. 2019. № 1(198). С. 105–112.
- Шопенгауэр А. О ничтожестве и горестях жизни // А. Шопенгауэр. Избранные произведения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский. М. : Просвещение, 1992. 479 с.

References

- Davydova, T.T. (2001). *The Creative Evolution of Yevgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the 1910–1930s* [Doctoral Dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Gubanova, T.V. (2005). *‘Chekhov’s Word’ in the Works of E.I. Zamyatin* [Doctoral Dissertation]. Tambov. (In Russ.)
- Gubina, N.V. (2007). Poetics of the titles in the prose of E.I. Zamyatin: Title – Text – Metatext. *The World of Science, Culture and Education*, (4), 97–104. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (2000). On the metalanguage of a typological description of culture. In Yu.M. Lotman, *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB Publ. (In Russ.)
- Merezhkovskij, D.S. (1995). *L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions: Essays*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)
- Shopengauer, A. (1992). On the insignificance and sorrows of life. In A. Shopengauer, I.S. Nar-skij (Compiler, author of introduction and notes), *The Collected Works of Arthur Schopenhauer*. Moscow: Prosveshhenie Publ. (In Russ.)
- Skafty’mov, A.S. (1972). Ideas and forms in Tolstoy’s works. In A.S. Skafty’mov, *Moral Quests of Russian Writers: Articles and Research on Russian Classics*. Moscow: Khudozhestven-naya literatura Publ. (In Russ.)
- Strelets, L.I. (2019). Playing with the reader in ‘theatrical’ stories by E. Zamyatin. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (1), 105–112. (In Russ.)
- Vy’sochanskaya, A.M. (2018). *Reception of the Cinema Art in Russian Literature of the First Half of the 20th Century* [Doctoral Dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Zamyatin, E.I. (2003). Cinema. In E. Zamyatin, *Collected Edition* (Vol. 4, Conversations Heresy). Moscow: Russkaya kniga Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Подолina Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры теории литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0009-0005-1572-5017; SPIN-код: 2381-6546. E-mail: espodolina@gmail.com

Bio note:

Ekaterina S. Podolina, Post-Graduate Student at the Department of Literature Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory St, 119991, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-1572-5017; SPIN-code: 2381-6546. E-mail: espodolina@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-508-519

EDN: ZYRVNW

УДК 82.01

Научная статья / Research article

«Баллада о маленьком буксире» в контексте творчества И.А. Бродского

Е.Г. Туманова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
✉ tumanovaeg@list.ru

Аннотация. Рассматривается первое опубликованное стихотворение Бродского – «Баллада о маленьком буксире» – в связи с другими текстами поэта: «Стансами», «Стансами городу», «Стихами в апреле» и некоторыми другими. Во введении приводится история публикации «Баллады...»; в основной части предлагается развернутый анализ поэтики произведения. Отмечается, что жанровое определение «баллада» Бродский выносит в заглавие еще нескольких текстов: «Баллада о Лермонтове», «Меланхолическая баллада», «Стихи и баллада из письма Е. Рейну», «Баллада с посылкой». Источником большинства этих текстов становится «Марамзинское собрание» – первое, самиздатовское собрание сочинений Бродского, которое содержит не опубликованные до сих пор тексты поэта. Кроме того, «баллады» Бродского рассматриваются как часть процесса переосмысления и преодоления канонов жанра в поэзии XX в. Сопоставление «Баллады о маленьком буксире» со «взрослыми» стихотворениями поэта позволяет включить ее в круг метафизической и «автобиографической» поэзии Бродского. Анализ образа буксира в творчестве Бродского позволяет прийти к выводу, что буксир в художественном мире поэта – это индивидуальное, свободное, противящееся автоматизму восприятия жизни, романтическое и одновременно стоическое сознание, выбор которого – плыть «против течения».

Ключевые слова: Бродский, баллада, стихотворения для детей, лирический герой, ирония, «Марамзинское собрание»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

© Туманова Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Туманова Е.Г. «Баллада о маленьком буксире» в контексте творчества И.А. Бродского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 508–519. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-508-519>

The Ballad of the Little Tugboat in the Context of Brodsky's Poetry

Elena G. Tumanova

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ tumanovaeg@list.ru

Abstract. Examined Brodsky's first published poem, *The Ballad of the Little Tugboat*, in connection with other texts by the poet: *Stanzas*, *Stanzas to the City*, *Poems in April*, and some others. The introduction provides the history of the publication of *The Ballad...*; the main part offers a detailed analysis of the poetics of the work. It is noted that Brodsky puts the genre definition of 'ballad' in the title of several more texts: *The Ballad of Lermontov*, *Melancholic Ballad*, *Poems and Ballad from a Letter to E. Rein*, *Ballad with a Parcel*. The source of most of these texts is the *Maramzin's Collection*, the first self-publishing collection of Brodsky's works, which contains unpublished texts by the poet. In addition, Brodsky's 'ballad' texts are considered as part of the process of rethinking and overcoming the canons of the ballad genre in 20th-century poetry. Comparing the *Ballad of the Little Tugboat* with the poet's 'adult' poems allows it to be included in the circle of Brodsky's metaphysical and 'autobiographical' poetry. An analysis of the image of the tugboat in Brodsky's work allows us to conclude that the tugboat in the poet's artistic world is an individual, free, romantic and at the same time stoic consciousness resisting the automatism of perception of life, whose choice is to swim 'against the current'.

Keywords: Brodsky, ballad, children's poetry, lyrical hero, irony, Maramsin's Collection

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Tumanova, E.G. (2025). *The Ballad of the Little Tugboat in the Context of Brodsky's Poetry*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 508–519. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-508-519>

Введение

Цель настоящего исследования – провести многоаспектный анализ одного из самых известных стихотворений И.А. Бродского «Баллада о маленьком буксире», в частности осмыслить символику образа буксира как сквозного, сопоставив балладу с другими текстами поэта, в первую очередь со «Стансами городу», «Стихами в апреле», «Письмами к стене».

Известно, что первой публикацией «взрослого» поэта Бродского была «Баллада о маленьком буксире» – стихотворение, «усилиями приятеля поэта

Л. Лосева „проташенное в печать“» и опубликованное (в сильно отредактированном и почти вдвое сокращенном виде) в 1962 г. в детском журнале «Костер», № 11 (Клоц, 2008). Это неувидительно: как утверждает И.Э. Бернштейн, «детлит стал местом своего рода эмиграции для взрослых писателей, чьи тексты не могли преодолеть рогаток цензуры» (Бернштейн, 2016, с. 109).

Изначально история маленького буксира – полная версия стихотворения – была предложена Бродским для экранизации студии «Леннаучфильма». Однако сценарий не был утвержден (Левинг, 2020). Весной 1962 г., получив работу в журнале «Костер», Л. Лосев предложил Бродскому «написать стихи для детей в форме креста, звезды или какой-нибудь загадки» (Полухина, 2006, с. 131). Экспромт Бродского: «Под мостом течет Нева, быстрая такая. / Над мостом стоит Чека, страшная такая» (рис.) – был ироническим не только по содержанию, но и на уровне графики, поскольку оказался написан в форме решетки. («Большой дом» – здание НКВД – расположен недалеко от дома Бродского.)

	Н		
	а		
	А		с
			т
	Н		р
	е		а
	в		ш
Под	мостом	течет	Нева
	й		а
			я
	с		т
бы	страя		такая
о			к
и			а
т			я
	Ч		
	е		
	к		
	а		

Под мостом течет Нева...

Источник: Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987–1992). СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2006. с. 132.

Однако Л. Лосев вспоминал, что затем Бродский принес в журнал «Костер» «длинное-длинное стихотворение, сентиментальное», но его, Лосева, «ужасно тронувшее». Это была «типичная ленинградская акварель», которая должна была понравиться членам редколлегии, принимавшей решение о публикации «в силу откровенного романтизма» (Полухина, 2006, с. 135). Сокращенная как минимум вдвое версия, которая была допущена к печати, завершалась патетическим высказыванием вполне в духе советской идеологии: «Остаюсь, не жалея, / там, / где нужен другим» (Бродский, 1962, с. 7). Как отмечает Я. Клоц, «грусть расставания с вольными кораблями герой маскирует чувством гражданского долга, преданностью своему нехитрому делу, кото-

рое он воспринимает как призвание» (Клоц, 2008). И лишь впоследствии, при публикации полной версии стихотворения, оказалось, что завершение «Баллады...» изначально было другим – текст не заканчивался прославлением чувства гражданского долга, а сюжетно шел дальше и не напрямую, но все-таки говорил о свободе.

Полный текст баллады был впервые напечатан в IV томе «Марамзинского собрания» (с. 17–22) – самиздатского собрания сочинений Бродского, подготовленного В.Р. Марамзиным в 1972–1974 гг. (Лосев, 2006, с. 432). Следующая публикация полного текста состоялась только в 2001 г. в журнале «Старое литературное обозрение», № 2 (Бродский, 2001, с. 12–13).

В новейших изданиях текст публикуется в полной версии: в собрании «Стихотворения и поэмы» 2011 и 2019 гг. (Бродский, 2019), сборнике стихотворений для детей «Слон и Маруська» 2011 и 2022 гг., более поздних переизданиях (Бродский, 2022) и отдельных иллюстрированных изданиях (Бродский, 2023).

Настоящее исследование расширяет представление об особенностях поэзии Бродского для детей, которая традиционно не рассматривается как значимая часть творческого наследия поэта.

Результаты и обсуждение

Поэтика «Баллады о маленьком буксире»

Говоря о поэтике полной версии «Баллады о маленьком буксире» и ее «встроенности» в контекст творчества поэта, необходимо прежде всего отметить, что жанровое определение «баллада» Бродский выносит в заглавие еще нескольких текстов: «Маленькая баллада о куске хлеба» (1959), «Баллада о Лермонтове» (1960), «Меланхолическая баллада» (1960-е), «Стихи и баллада из письма Е. Рейну» (1964), «Баллада с посылкой» (1968). Источником этих текстов (кроме «Меланхолической баллады») становится «Марамзинское собрание»; «Меланхолическую балладу» упоминает Л. Лосев в «Опыте литературной биографии» (Лосев, 2006, с. 330). По словам Е.В. Пивкиной, в XX в. литературная баллада «утрачивает свою каноническую строгость, вследствие чего она открыла широкие возможности для индивидуальной авторской инициативности» (Пивкина, 2019, с. 93). Так, в «Маленькой балладе о куске хлеба», как и в «Балладе о маленьком буксире», в центре внимания оказывается образ внешне незначительного «героя», который играет важную роль в жизни «больших» и – шире – в мироздании: «Люди в бога верят / за кусок / хлеба / или душу губят / за кусок / хлеба» («Марамзинское собрание», т. I, с. 38).

Среди «основных специфических черт явления деканонизации жанра баллады» Е.В. Пивкина отмечает «повествование от первого лица, открытое проявление лирического героя, который освещает и оценивает сюжет» (Пивкина, 2019, с. 93). В «Балладе о маленьком буксире» реализуется именно такой тип лирического повествования. Кроме того, как подчеркивает А.Ю. Полторацкая, «от старой литературной баллады произведения Бродского прежде

всего отличает большая или более очевидная философичность и парадоксальная для романтика рационалистичность формы» (Полторацкая, 2006, с. 10–11). Рационалистичность формы «Баллады о маленьком буксире» проявляется, например, в последовательном развитии лирической мысли – от иронического наблюдения за жизнью к ее философскому осмыслению. Отметим, что в «Стихах и балладе из письма Е. Рейну» («Марамзинское собрание», т. IV, с. 55) также соседствует ироническое, рациональное и возвышенное, романтическое: «...Но тут / только лютики растут», «хор предсмертный комаров» – «буду славить образ твой!»

А.Ю. Полторацкая отмечает, что в балладе Бродского практически всегда присутствует особая атмосфера загадочного пространства, есть «определенный круг тем и мотивов – смерть, призвание поэта, бездна, мрак, пересечение обыденного с запредельным» (Полторацкая, 2006, с. 11–12). «Загадочное пространство» в «Балладе о маленьком буксире» – это «дальние страны», из которых прибывают корабли, конечная цель буксира – «золотая страна», инобытие. Слово «баллада» в названии подчеркивает философскую глубину лирического повествования, в котором через сюжет о «маленьком буксире» раскрываются универсальные темы: одиночество, преодоление обстоятельств, стремление к «идеальному» миру.

В то же время название «Баллады о маленьком буксире» можно рассмотреть и как некоторый иронический ход автора. Эта жанровая форма, традиционно использовавшаяся в романтической традиции для возвышенных – эпических или романтических – сюжетов, здесь служит для рассказа о скромном, незаметном, но стойком герое. По нашему мнению, с помощью названия Бродский дважды играет с читательскими ожиданиями: создает впечатление возвышенного романтического жанра («Баллада о...»), затем снижает наметившуюся «возвышенность» прозаическим и несколько ироническим образом героя («маленьком буксире») и снова разрушает читательское ожидание самим содержанием текста.

При этом «Баллада о маленьком буксире» – одно из немногих «детских» стихотворений Бродского, где лирическое начало преобладает над ироническим, а абсурдистское высказывание практически отсутствует. Имя главного героя – еще один из немногих иронических ходов «Баллады...». Антей в мифологии – никогда не устающий великан, сын бога морей Посейдона и богини земли Геи. Уже первые строчки оказываются контрастны по отношению к названию – «Баллада о маленьком буксире»: «Это – я. Мое имя – Антей...». Герой, будто бы чувствуя неудобство, сразу подчеркивает несоответствие своего имени и своей «невеликости»: «Впрочем, я не античный герой...» (обратите внимание на «звуковые» синонимы, контекстуальные антонимы – «Антей» – «античный»). Позже, рассказывая о своей работе, буксир, едва ли не смущаясь, признается: «иногда устаю». Читателю, знакомому с греческой мифологией, понятно, что имя героя выбрано с иронией – впрочем, не разрушительной.

Перед нами взрослый герой («я был молодым»), но не растерявший детской непосредственности, «активно познающий, внимающий, открытый»

(Доронина, Романов, 2019). Наивные, проникновенные, лиричные и несколько юмористические интонации, с которыми мы встречаемся в начале, далее поддерживаются разговорными словами («не хворал», «немножко», «кружок», «дружок», «ребята», «повеселей», «хоть»), даже на уровне морфологии и синтаксиса – например, с помощью разговорной частицы («я горюю, что вот я не моряк»). На создание лирических интонаций работает и поэтика повторов. В стихотворении пять раз повторяется слово «прекрасный», и если в начале это по-детски непосредственное «кок с поварешкой прекрасной», то далее героем так обозначается лирическое восприятие мира: наяву («прекрасный пейзаж», «по прекрасным местам»), в мечтах («о прекрасных морях») и в инобытии («к прекрасному сну»). Герой наделен воображением, ему не чужд поэтический взгляд на мир. Он с теплом и сердечностью говорит о своих гостях: «Я поставлю вас здесь / среди других кораблей, / чтоб вам было в компании / повеселей». Далекие страны, откуда прибывают корабли, воспринимаются им дивной и недоступной страной, «где о сне безмятежно побережья молчат», где попугаи кричат на пальмах, но где маленькому буксиру «никогда не бросать якорей». Однако герой поэтизирует и обыденное, показывая привычное непривычным: «кранов подъемных вдалеке кружева» (образ повторяется дважды), «закат торопливый все бежит за кормой», «мерцает Нева в серебристом огне». Пожалуй, немногие могли бы описать работу в порту так же поэтично, как это делает «маленький буксир». Его не гнетет обыденность, однако герой через свой поэтический взгляд на мир все-таки противится «автоматическому» восприятию реальности.

Продолжая разговор о поэтике повторов, следует отметить, что герой трижды обозначает себя: «Я – буксир», однако ни разу не называет себя «маленьким буксиром». Т.В. Доронина и С.С. Романов замечают: «Значимо не только частое употребление местоимения 1-го лица, но и то, что „я“ становится точкой отсчета и точкой сосредоточения всего происходящего» (Доронина, Романов, 2019). У Бродского «Я» – это не столько черта «детскости» героя, сколько его попытка обрести собственную индивидуальность (на два местоимения «мы» в тексте приходится почти 40 «я» в разных грамматических формах). В «Марамзинском собрании» находим стихотворение 1964 г., которое начинается так же, как «Баллада...», и интонационно с ней совпадает: «Это Я, И.А. Бродский, / во дворе деревенской усадьбы / (жить бы мне там / и писать бы, писать бы)» (т. IV, с. 59). Лирическим героям обоих произведений важно назвать себя по имени, определить свое место в пространстве.

Тихий герой «Баллады...», несколько раз подчеркнув в монологе свою внешнюю незначительность: «извините, друзья», «хоть <...> вы и смотрите вниз» (в порт прибывают не просто корабли, но КОРАБЛИ, которые значительно больше героя), «подкормят углем» (чуть-чуть) – все же утверждает значимость своей работы и своего существования: «нельзя вам никак без меня обойтись». Поэтика повторов подчеркивает видимую однообразность жизни буксира, его каждодневные, но исключительно важные для него и других действия: «постоянно бегу, / постоянно спешу, / привожу, увожу, / привожу,

увожу». Однако утверждение героя себя в мире, обозначение собственных контуров даны не через иронические – гоголевские или чеховские – интонации, а через ощущение своей подлинности, нужности, экзистенциальной целостности. «Маленький» – чужое слово в заглавии текста, сам лирический субъект не может принять эту характеристику. Название помещает героя в определенные рамки, однако весь текст «Баллады...» становится полемикой с заголовком, преодолением указанной заданности, прозвучавшей «чужим» голосом. Герой не осознает себя «маленьким», но «маленький» становится источником героизации. Так, Бродский предлагает новую концепцию героизма: вместо великих подвигов – незаметный, но важный труд, вместо эпического масштаба – скромность, стойкость, саморефлексия, лиризм и свободное сознание.

Буксир, как ни парадоксально, осознает и отстаивает свое «человеческое» достоинство вопреки тому что, как полагают Т.В. Доронина и С.С. Романов, Баллада... – это развернутая метафора тоски и „запертости“ (Доронина, Романов, 2019). Свою «запертость» буксир проживает стоически. «Запрет» героя на мечту может пониматься как трагическая примета времени, в которое Бродский создает стихотворение (слова «заперт» и «запрет» как будто специально оказываются анаграммами друг друга).

При этом, как пишет М. Грыгель в статье о метафизике «обыденного» в стихотворениях Бродского 1960 гг., «маленькое существо не только подчеркивает величие человека в эмпирическом мире, но и напоминает о тленности всякой твари» (Грыгель, 2012, с. 115). Финальный «прорыв» в экзистенциальное вводит «Балладу о маленьком буксире» в круг «метафизической» поэзии Иосифа Бродского («Большая элегия Джону Донну», «Бабочка», «Шиповник в апреле» и др.), а также в круг его произведений, где поэт – имплицитно или эксплицитно – осмысляет факты своей биографии («От окраины к центру», «Письма к стене» и др.).

Вся «Баллада...» проникнута драматизмом прощания. Сначала это тяжесть расставаний буксира с кораблями («горько прощаться с кораблем дорогим»), после – прощание со своей командой и с городом, а затем и с жизнью. Но в этом прощании уже не слышно горечи. Буксир размышляет о том, как наконец-то сам поплывет «к прекрасному сну <...> в золотую страну» – вспомним, что большие корабли приплывают из неких прекрасных стран, оттуда, «где во сне безмятежно побережья молчат», уплывают туда же и больше не возвращаются. Смерть воспринимается лирическим героем как долгожданное путешествие, освобождение от вечной тоски по дальним краям, дорога к свободе.

«Баллада...» и образ буксира в контексте творчества Бродского

Безусловно, «Баллада о маленьком буксире» имеет параллели с другим стихотворением Бродского – «Стансы» («Ни страны, ни погоста...»), также написанным в 1962 г. (Бродский, 2019, т. 2, с. 289). В обоих стихотворениях обозначена география Санкт-Петербурга: Нева в «Балладе...», Васильевский остров и петроградский дым в «Стансах». Однако здесь (как в пушкинском

«Медном всаднике») нет прямого названия города, его «официального» имени. Для лирических героев это не советский Ленинград, а значимое для них пространство вне времени (и непременно «в дыму»), в котором проходит их жизнь и с которым предстоит прощание перед смертью. Важнейшие приметы этого пространства – вода, мосты, острова: «подо мною вода», «пустые островки» в «Балладе...»; «Васильевский остров», «душа <...> промелькнет над мостами» в «Стансах». Пространство связано с синим цветом: «синева» и «синие деревья» в «Балладе...»; «фасад темно-синий» в «Стансах». Лирические герои испытывают глубокую и бескомпромиссную привязанность к «своему» пространству: «кто-то должен остаться» – «ни страны, ни погоста не хочу выбирать». У героев особая связь с этим пространством, они не просто существуют в нем, но эмоционально проживают. В то же через интонации героев будто бы слышны намеки на «вынужденность» пребывания в этом пространстве, тоску и боль, связанную с ним. Герои сожалеют о несбывшемся: «я горюю, что вот я не моряк», «тоскую о прекрасных морях» – «из непрожитых лет». «Я должен остаться», – убеждает буксир себя и других, и в этих словах можно услышать внешнее долженствование (не «я хотел бы остаться»). Лирический герой «Стансов» сам «не хочет выбирать» другую страну – однако отчизна не отвечает взаимностью и оказывается к нему «равнодушной».

В обоих стихотворениях описывается переход в инобытие, путешествие к смерти как преодоление физических границ, посюсторонней несвободы. В «Балладе...» – это финал текста, хотя смерть здесь не называется прямо, однако буксир, тосковавший по дальним краям и «родному океану», отправляется в «золотую страну». В «Стансах» тема смерти обозначена уже в первой строке («ни погоста»); лирический герой произведения, казалось бы, физически остается в родном пространстве, однако его душа, преодолевающая границы телесного, свободно летит «над мостами» – как и буксир, в последнее путешествие. «Провожающие» лирических героев «капитан», «старый боцман в зюйд-вестке», «девочки-сестры» становятся символами прошлого – того пространства-времени, которое герои покидают.

В обоих текстах используются разговорные слова, передающие «живые» интонации лирических героев, их безусловную искренность: «по нутру», «аврал», «не хворал», «кок с поварешкой», «добрый вечер, дружок» – «впотьмах», «морось», «до свиданья, дружок»; звучит тема детства («маленький буксир» – «машут мальчику вслед»), на первый план выходит связь прошлого и настоящего, настоящего и будущего. Очевидно и ритмическое совпадение двух текстов: по большей части они написаны двухстопным анапестом: «...отхожу от причала / и спешу в темноту» – «И увижу две жизни / далеко за рекой...».

Необходимо отметить, что в «Марамзинское собрание» помещены еще несколько малоизвестных текстов Бродского, с которым перекликаются и «Баллада...», и «Стансы». В «Прощании с коллекторами» 1961 г. («Марамзинское собрание», т. II, с. 152–153), где отражен опыт участия Бродского в геологических экспедициях, также звучат темы разлуки и смерти; есть и прямые текстуальные переклички с «Балладой...» и «Стансами»: «до свидания, ребята»,

«смотрите вслед уходящему брату» («девочки-сестры», которые «машут мальчику вслед»). В послании «Нине от Иосифа 21 ноября 1970 года» («Марамзинское собрание», т. IV, с. 72) в ироническом ключе осмысливается тема «притяжения к родине»: «Рассказать Вам небылицу? / Не хочу я за границу / в европейскую столицу...». Ирония усиливается цитированием пушкинского «19 октября»: «Для меня весь мир чужбина», а также комическим написанием названия страны: «Я умру в эСэСэСэР».

Другим поэтическим «мостиком» между «Балладой о маленьком буксире» и «Стансами» («Ни страны, ни погоста...») оказываются «Стансы городу» (Бродский, 2019, т. 2, с. 288), датированные 2 июня 1962 г. Очевидны ритмические (анapest) и образные переклички трех стихотворений-«одногодок», а в названиях всех трех – отсылки к жанру «баллада». Первые строки «Стансов» и «Стансов городу» оказываются синонимичными: в них лирические герои определяют условия своей смерти через отрицание нежелательного – смерти вне Петербурга («Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать» – «Да не будет дано / умереть мне вдали от тебя...»). В обоих текстах появляется образ детства-«мальчика», трагичный на фоне ухода в вечность. Как и в «Балладе...», в «Стансах городу» художественное пространство связано с «хором воды и небес» (они же здесь – провожающие в небытие), с узнаваемостью петербургского пейзажа («гранит», «белой ночью»), а образ буксира также связан с размышлением о приходящей смерти («Все умолкнет вокруг. / Только черный буксир закричит...»).

Образ буксира, вписанный в координаты городского пейзажа, в творчестве Бродского возникает несколько раз. Самое раннее упоминание этой неотъемлемой для поэта части петербургского пространства было, по всей видимости, в XXI главе поэмы «Петербургский роман» 1961 г. (Бродский, 2001, т. 1, с. 61): «гудит буксир за Летним садом». В цикле «С февраля по апрель» (1969–1970) (Бродский, 2019, т. 1, с. 334–357) образу буксира отведена композиционная роль. Как подчеркивает Л. Лосев, буксир «в первом стихотворении <...> неподвижен, а в четвертом „пробирается к устью“». В «Стихах в апреле» – и перекличка с «апрельским» хроносом «Стансов», и петербургский локус, и знакомый нам мотив «финальности». Однако здесь это не финал жизни, но завершение зимы как тягостного, тревожного времени, «выздоровление» от нее: «В эту зиму с ума / я опять не сошел. А зима / глядь, и кончилась...», «...не кончается время тревог, / но кончаются зимы».

В стихотворении «Письма к стене» (Бродский, 2001, т. 2, с. 21) образ буксира вновь связан с темами смерти и «запертости» и подчеркивает оппозицию «свобода – несвобода»: «Проплывает буксир. Пустота у него за кормой / Золотая луна высоко над кирпичной тюрьмой». Пустота за кормой буксира – пустота, одиночество, тьма вокруг лирического героя. Стихотворение о страхе смерти («Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму...») фиксирует трагические для Бродского обстоятельства: «Бродский укрывался от ареста в психбольнице им. Кащенко в Москве, впервые был арестован, находился в тюрьме предварительного заключения, затем отправлен на психиатриче-

скую экспертизу» (Артёмов, 2023, с. 28). «Письма к стене», безусловно, рифмуются со «Стансами»: «Все равно я сюда никогда не приду умирать». В отчаянном монологе лирического героя проступает детское, незащищенное сознание: «В самом деле глядит на тебя неизвестный малыш». Так, в 1960 гг. соседство тем детства и смерти оказывается в текстах Бродского регулярным.

В «Темзе в Челси» 1974 г. (Бродский, 2019, т. 1, с. 398–400) лирический герой, оказавшись вдали от своей страны, видит буксир уже на другой реке: «Темза катится к морю, разбухшая, точно вена, / и буксир в Челси дерут басы». Образ буксира здесь вплетен в мотив памяти: «„Что ты любишь на свете сильнее всего?“ – / „Реки и улицы – длинные вещи жизни“. / „Вспоминаешь о прошлом?“ – „Помню, была зима...“», «номера телефонов прежней / и бегущей жизни». По словам самого Бродского, это стихотворение было для него достаточно важным, связанным с качественным изменением поэтики: «именно с него начинается отход от стандартной, что называется, железной метрики. Здесь я начинаю немножко разваливать размер» (Бродский, 2019, т. 1, с. 669). Упоминание буксиров в «достаточно важном» стихотворении зрелой лирики Бродского оказывается очередным сигналом значимости этого образа в художественном мире поэта.

По всей видимости, в последний раз образ буксира появляется у Бродского в эссе «Меньше единицы» 1976 г. (*Less than one*): «А серое зеркало реки, иногда с буксиром, пыхтящим против течения, рассказало мне о бесконечности и стоицизме больше, чем математика и Зенон» (Бродский, 2001, т. 5, с. 8). Это короткое упоминание буксира (снова в единственном числе) окончательно проясняет значение образа в творчестве Бродского. Буксир – это индивидуальное, свободное, противящееся автоматизму восприятия жизни, романтическое и одновременно стоическое сознание, выбор которого – плыть «против течения», «пробираться среди льдин» и показывать другим, как можно маневрировать на сложных участках пути.

«А Бродский, тот – буксир...», – напишет поэт Олег Охупкин в стихотворении «Иосифу Бродскому» (Полухина, 2015, с. 35).

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы. Образ буксира в поэзии И.А. Бродского сопряжен с темами детства и памяти, «тихого героизма», перехода из бытия в небытие, оппозицией «свобода – несвобода», а также с образом Петербурга. Буксир в художественном мире поэта – символ свободного сознания, стойкости, лирического восприятия мира и преодоления обыденности.

«Баллада о маленьком буксире», как и другие произведения Бродского, в название которых входит упоминание жанра баллады, оказывается частью общего процесса деканонизации этого жанра в XX в. Само название «Баллады о маленьком буксире» оказывается значимым для интерпретации текста. Определение «маленький» в заглавии звучит как чужая характеристика.

Название помещает героя в определенные рамки, однако весь текст «Баллады...» оказывается полемикой с названием, преодолением указанной заданности, прозвучавшей «чужим» голосом. «Маленький» становится источником героического. Сюжет о «маленьком буксире» раскрывает универсальные темы одиночества, преодоления обстоятельств, стремления к «идеальному» миру. В «запрете» лирического героя «Баллады...» на мечту о дальних странах, в его «запертости» проступают трагические черты эпохи, в которую Бродский создает стихотворение.

Произведения Бродского, которые создаются им как «стихи для детей», являются значимой частью его творческого наследия. Благодаря сопоставлению «Баллады о маленьком буксире» с другими текстами поэта («Стансы», «Стансы городу», «Стихи в апреле», «Письма к стене» и др.) можно включить ее в круг «автобиографической» и метафизической поэзии И.А. Бродского.

Список литературы

- Артёмова С.Ю. Жанровые стратегии в поэзии И.А. Бродского // Иосиф Бродский как эпоха : коллективная монография / сост. О.В. Богдановой, И.В. Романовой. СПб. : Изд-во РХГА, 2023. С. 21–35.
- Бернштейн И.Э. Детская литература советской эпохи: проблемы комментирования // Детские чтения. 2016. № 2(10). С. 105–124.
- Бродский И. Баллада о маленьком буксире // Костер. 1962. № 11. С. 7.
- Бродский И. Баллада о маленьком буксире : стихотворение. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 32 с.
- Бродский И. Слон и Маруська : стихи. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 48 с.
- Бродский И.А. Баллада о маленьком буксире // Старое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 12–13.
- Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Т. I: Стихотворения 1956–1963 гг. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
- Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Т. II: Стихотворения 1964–1971 гг. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 440 с.
- Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Т. V: Сборник эссе «Меньше единицы». СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 376 с.
- Бродский И.А. Стихотворения и поэмы : в 2 томах. Т. 1 / Иосиф Бродский ; вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. Льва Лосева. СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2019. 736 с.
- Бродский И.А. Стихотворения и поэмы : в 2 томах. Т. 2 / Иосиф Бродский ; вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. Льва Лосева. СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2019. 672 с.
- Грыгель М. Метафизика обыденности в ранней поэзии Бродского // Иосиф Бродский: проблемы поэтики : сб. науч. трудов и материалов / ред. А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артёмова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 113–122.
- Доронина Т.В., Романов С.С. Метатекстуальный характер поэтики детства в «Балладе о маленьком буксире» И.А. Бродского // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 4(35). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/09_Доронина_Романов.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
- Клоц Я. Иосиф Бродский : стихи для детей // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/iosif-brodskij-stihi-dlya-detej.html> (дата обращения: 24.02.2025).

- Левинг Ю. Бродский и живопись // Звезда. 2015. № 5. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?nput=2503&page=8> (дата обращения: 24.02.2025).
- Лосев Л.В. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии. 2-е изд., испр. М. : Молодая гвардия, 2006. 447 с.
- Пивкина Е.В. Специфика жанра баллады в отечественной поэзии 1990–2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». М., 2006. 22 с.
- Полторацкая А.Ю. Поэзия И.А. Бродского и русская балладная традиция : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». Саранск, 2019. 252 с.
- Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987–1992). СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2006. 384 с.
- Полухина В.П. Из не забывших меня. Иосифу Бродскому. In memoriam. Томск : ИД СК-С, 2015. 496 с.
- Полухина В. Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 372 с.

Сведения об авторе:

Туманова Елена Григорьевна, аспирант, преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603115, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-7792-2765; SPIN-код: 6533-7091. E-mail: tumanovaeg@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-520-528

EDN: ZZVXTN

УДК 82.09

Научная статья / Research article

От чтения к творчеству: концепт «библиотека» в романах-эссе Валерия Михайлова о русских поэтах

У.З. Джумагалиева¹, С.В. Ананьева², А.К. Калиева²

¹Атырауский университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Казахстан

²Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Алматы, Казахстан

svananyeva@gmail.com

Аннотация. Михайлов известен в мировом литературном пространстве как поэт, прозаик, лауреат многих международных литературных премий. Романы-эссе В. Михайлова «Лермонтов», «Боратынский», «Заболоцкий» получили широкую известность и положительно оценены критикой в России, Германии и Казахстане. Цель исследования – раскрыть, как в текстах биографического жанра прослеживается эволюция интереса главных героев от чтения к писательскому мастерству. В процессе становления главных героев как личностей, их литературного образования большую роль играют домашние библиотеки. Домашняя библиотека как концепт «знание» была неременной спутницей детских лет Н. Заболоцкого и В. Хлебникова, кумира русского поэта XX в. Любовь к устному слову, преданиям, сказкам переросла в любовь к книге. Человек глубокой мысли и глубокого чувства Н. Заболоцкий осознавал свое высокое призвание, но называл его обыденным словом – профессия. Наряду с чтением жажда познания мира в будущем поэте пробудила природа, картины которой отразились во многих его стихотворениях. Подражая В. Маяковскому, А. Блоку, С. Есенину, Н. Заболоцкий с его феноменальной начитанностью находился более под влиянием В. Хлебникова. Новизна данной статьи заключается и в том, что авторы показали влияние русских символистов на творчество Н. Заболоцкого.

Ключевые слова: биография, поэзия, символизм, художественный перевод, читатель, живопись

Вклад авторов. Сбор исследовательских данных – У.З. Джумагалиева; разработка идеи, написание рукописи – С.В. Ананьева; анализ данных, редактирование рукописи – А.К. Калиева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта BR271018997 «Цифровая трансформация экосистемы литературоведения, фольклористики и искусствоведения Казахстана: междисциплинарные исследования».

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

© Джумагалиева У.З., Ананьева С.В., Калиева А.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Джумагалиева У.З., Ананьева С.В., Калиева А.К. От чтения к творчеству: концепт «библиотека» в романах-эссе Валерия Михайлова о русских поэтах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 520–528. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-520-528>

From Reading to Creativity: The Concept ‘Library’ in Valery Mikhailov’s Essay-Novels about Russian Poets

Uzim Z. Dzhumagalieva¹, Svetlana V. Ananyeva²,
Almira K. Kalieva²

¹*Atyrau University, Atyrau, Republic of Kazakhstan*

²*M.O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Republic of Kazakhstan*

 svananyeva@gmail.com

Abstract. V. Mikhailov is known in the global literary space as a poet, prose writer, and laureate of many international literary awards. His essay-novels Lermontov, Boratynsky, and Zabolotsky gained wide recognition and received positive reviews from critics in Russia, Germany, and Kazakhstan. The aim of this study is to reveal how, in texts of the biographical genre, the author traces the evolution of the protagonists’ interest from reading to mastering the craft of writing. In the process of the protagonists’ personal and literary development, home libraries play a significant role. The home library, as a concept of knowledge, was an essential companion during the childhood of N. Zabolotsky and V. Khlebnikov – the idol of the 20th century Russian poet. A love for the spoken word, legends, and fairy tales grew into a love for books. A man of deep thought and feeling, N. Zabolotsky understood his high calling but referred to it with a simple word – profession. Alongside reading, the natural world awakened in the future poet a thirst for knowledge, and its imagery is reflected in many of his poems. While imitating V. Mayakovsky, A. Blok, and S. Yesenin, the widely-read N. Zabolotsky was more profoundly influenced by V. Khlebnikov. The novelty of this article lies also in its exploration of the influence of Russian Symbolists on the creative work of N. Zabolotsky.

Keywords: biography, poetry, symbolism, literary translation, reader, painting

Author’s contribution. Data collection – Uzim Z. Dzhumagalieva; development of the research idea, manuscript writing – Svetlana V. Ananyeva; data analysis, manuscript editing – Almira K. Kalieva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. This article was prepared within the framework of project BR271018997: “Digital Transformation of the Ecosystem of Literary Studies, Folklore Studies, and Art Studies in Kazakhstan: Interdisciplinary Research”.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Dzhumagalieva, U.Z., Ananyeva, S.V., & Kalieva, A.K. (2025). From Reading to Creativity: The Concept ‘Library’ in Valery Mikhailov’s Essay-Novels about Russian Poets. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 520–528. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-520-528>

Введение

Жизнь литературным произведениям «дают не только их творцы-писатели, но и те, кто эти произведения воспринимает, – читатели. А читатели разных времен и разных народов могут воспринимать одно и то же произведение по-разному. Вот почему без понимания и анализа специфики восприятия обществом текста на разных этапах исторического развития невозможно серьезное изучение истории и теории литературы», – был убежден О.П. Пресняков (Пресняков, 1978, с. 94).

Книги окружали будущего поэта, переводчика Н. Заболоцкого, жизнь которого трагическими моментами связана с Казахстаном, с детства. Главный герой романа-эссе В. Михайлова «Заболоцкий», как и герои предыдущих книг казахстанского автора «Лермонтов» и «Боратынский», увидевшие свет в серии «ЖЗЛ», придавали в своем творчестве особое значение слову *потаянный*. «Появление такого слова – важнейшее событие в истории культуры, имеющее глубокие корни. Память о них хранит уже само выражение „потаянное“» (Михайлов, 1997, с. 862).

Роман-эссе В. Михайлова «Лермонтов. Один меж небом и землей» современный исследователь П. Басинский характеризует как «еще один экскурс в тайную тайных его творчества, заглядывать куда интересно, но и жутко» (Басинский, 2021, с. 74). А. Большакова подчеркивает эмоциональный стиль изложения в сочетании «с прочтением известных текстов сквозь канву высоких бытийных категорий» (Большакова, 2021, с. 75). В. Михайлов философски прочитывает и переосмысливает художественные тексты, поэтические и прозаические. Каждый из них, «будучи пропущенным сквозь биографические факты и события, сквозь саму атмосферу лермонтовского времени, словно заново рождается на наших глазах» (Большакова, 2021, с. 75).

Чтению литературы как важнейшему фактору формирования характера, читательских пристрастий своих героев – русских поэтов, прозаиков, переводчиков XIX и XX вв. – В. Михайлов уделяет особое внимание. Первоначально роман-эссе «Лермонтов. Один меж небом и землей» увидел свет в Алматы. Цитируем по первому изданию: «Чтение „изящной литературы“ на русском, английском, французском; любимые уроки рисования и нелюбимые – музыки (прилежности не хватало); рисование акварелью и даже ваяние: огромных человеческих фигур из талого снега, целых картин – из крашеного воска: тут и охота на зайцев с борзыми, и сражение „при Арбеллах“, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом, и косами фольги. Домашние в барском доме в Тарханах и гости – все заметили в этом необыкновенном мальчике счастливые способности к искусствам» (Михайлов, 2011, с. 31).

Результаты и обсуждение

В наше беспокойное время, в период преобладания интернет-изданий, электронных книг к возрождению домашних библиотек призывают известный общественный деятель Казахстана, поэт, дипломат, тюркославист О. Сулей-

менов, председатель Союза писателей Беларуси А. Карлюкевич и другие деятели культуры разных стран, поскольку они хранят и передают последующим поколениям накопленные человечеством знания. «До нас дошли из прошлого надписи, вырезанные на камнях, на черепаших панцирях, на деревянных дощечках. Но более распространенным в Древнем мире стал материал для письма, изобретенный в Египте. Его делали из мякоти тростника, изобильно росшего в долинах Нила. Египтяне в своих документах называли его *p-p-r*: они не изображали в письме гласных звуков. Римляне огласовали это слово по-своему: *papirus* (папирус), древние греки исказили в произношении и согласные, и гласные, назвав этот материал *biblos* (библос). Популярность его в Греции со временем стала столь велика, что название папируса получило новое значение: *biblio* (библио) – *книга*. Отсюда *библиотека* – *собрание книг*. „Библия“ – название Священного писания христианской религии некогда означало просто *книга*» (Сулейменов, 2011, с. 392). И в заключении резюмирует: «К каждой книге надо относиться как к Библии» (Сулейменов, 2011, с. 392).

Российский литературовед Н.А. Анастасьев в одной из своих последних статей «Толстой, Абай и другие» пишет об удивительном явлении, когда «в отсутствие прямых переключек и сколько-нибудь откровенного диалога протягиваются невидимые и неведомые связующие нити» между творчеством Л.Н. Толстого и Абая Кунанбаева. Внимательно сопоставляя «Круг чтения» Л.Н. Толстого и «Слова назидания» Абая Кунанбаева, «итог тяжелых раздумий о религии, этике, истории, бытии и быте», Н.А. Анастасьев прослеживает, как «сходятся не только мысли, <...> но и формы мыслей, правда скрещение происходит в пространстве неевклидовой геометрии» (Анастасьев, 2020, с. 45).

Изучая казахский язык по народной поэме «Кыз-Жибек», восхищаясь красотой казахского слова, глубиной поэзии, В. Михайлов обратил внимание на то, что язык поэмы при его внешней простоте сложен и богат, ибо он корневой, идущий из глубин народного духа. И поэзия Пушкина близка всем, потому что русский поэт смог достичь высочайшей простоты, свойственной народной поэзии.

Мы разделяем точку зрения О. Сулейменова: «Чтобы написать свою первую книгу, надо прочесть, впитать в себя тысячу написанных до тебя» (Сулейменов, 2011, с. 388). А поэтически это звучит следующим образом: «Так, в мир входя, мы изменяем мир» (Сулейменов, 2011, с. 388).

Завершив два романа-эссе о М. Лермонтове и Е. Боратынском и издав книги в Москве, В. Михайлов прекрасно отдает себе отчет, что «ни одна такая книга, даже самая выдающаяся, не может исчерпать своей темы – жизни того или иного человека. Но даже и множество книг, посвященных одному герою, не в силах установить окончательную истину: предмет исследования все равно останется недостижим, как ускользающий в непомерную даль горизонт. Всякий раз это только попытка приблизиться к тому, что столь же недостижимо, как и влекущее» (Михайлов, 2018, с. 10).

Н. Заболоцкий учился у автора «Слова о полку Игореве», читая его «любовно и внимательно» (Михайлов, 2018, с. 23). Называет «Слово...» одним

«из главных учебников чтения» и О. Сулейменов: «Снова и снова через годы возвращаюсь к „Слову...“, и оно открывается мне новыми глубинами» (Сулейменов, 2011, с. 387). В древнерусском полногласном слове «хороброе» («Долго ночь меркнет <...> Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо») «автор стремился особо выделить в этом месте гласный „о“. Этот колокольный звук в русском языке напитался минорным, горестным смыслом <...> Поэт использовал эту звуковую краску как тонический подтекст, дополняющий словесную картину предчувствием или предсказанием печального исхода предстоящей утраты битвы. Он в своем давнем двенадцатом веке уже обладал осознанно высочайшим чувством слова и звука, которое незнакомо даже нынешним стихотворцам» (Сулейменов, 2011, с. 388).

Домашнюю библиотеку в квартире на канале Грибоедова Н. Заболоцкий подбирал взыскательно: «Место красивейшее: рядом, весь словно бы в драгоценных каменных узорах, с разноцветными куполами храм Спаса на крови, в двух шагах Невский проспект, Казанский собор с просторной колоннадой, Дом книги, где располагался Детгиз» (Михайлов, 2018, с. 12). Пушкин, Тютчев, Боратынский, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Бунин, Гёте, Байрон, Шекспир, Шиллер, Мольер, Библия, мировой эпос и другие издания.

На Первом съезде советских писателей (август 1934 г.) критикуют самых ярких из молодых – Н. Заболоцкого и П. Васильева. Бывают странные совпадения, жизнь и творчество обоих поэтов связаны с Казахстаном – Карагандой и Павлодаром.

В селе Михайловском, в Кулундинской степи заключенный Н. Заболоцкий в феврале 1944 г. вспоминает о стихотворном переводе «Слова о полку Игореве». Восемь лет молчания: стихи заключенному поэту писать запрещалось. Н. Заболоцкий обретает свободу, становясь вольнонаемным до конца войны, 18 августа 1944 г. подан рапорт о воссоединении семьи. Рукопись начатого перед арестом «Слова о полку Игореве» попадает в руки переводчика, супруга сберегла начальные страницы. В Караганде перевод памятника древнерусской литературы завершен. В письме к другу Н. Степанову (20 июня 1945 г.) Н. Заболоцкий пишет: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, *иной*, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит – это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская. Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки; но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими

формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней!» (Михайлов, 2018, с. 491).

Любовь к «Слову...» у Н. Заболоцкого из детства. Но здесь появляется имагологический дискурс: «иной, не нашей мерой измерил его художник». Имагологические модели авто(биографического) нарратива, их сохранение/воссоздание в художественных текстах подтверждает тот факт, что в творчестве писателя, в эпистолярном наследии, безусловно, находят отражение факты биографии. В современной гуманитарной науке автобиографический нарратив воспринимается как опыт «когнитивного наложения культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев» (Сапогова, 2005, с. 63).

На раннего Н. Заболоцкого повлияли уроки В. Хлебникова, живопись Брейгеля, Босха, Анри Руссо. Драгоценное воспоминание о книжном шкафу отца – агронома А. Заболотского всегда с поэтом. Шкаф он называет любимым наставником и воспитателем. Именно тогда он выбрал себе профессию писателя. В девятнадцать лет разместил статью в студенческом журнале «Мысль» Педагогического института имени А.И. Герцена о символизме, о его внутренней философии. Душа символиста видит жизнь через призму искусства. Символист всегда мыслит.

Н. Заболоцкий «уверенно осмысливает теоретические убеждения и методы символистов, начиная с Эдгара По, Верлена, Бодлера и заканчивая Бальмонтом, Брюсовым и Андреем Белым. В заключении он убедительно опровергает взгляды поэта Льва Эллиса, автора книги „Русские символисты“. Эллис понимал символизм не просто как художественное направление, а как средство, и разделял „идейный символизм“ на несколько разрядов: моралистический (Ибсен), метафизический (Рене Гиль), индивидуалистический (Фридрих Ницше), коллективный, соборный и т.д.» (Михайлов, 2018, с. 23). Н. Заболоцкий пишет о литературной преемственности, что является, безусловно, важным для развития литературного процесса. Самые дорогие учителя для начинающего поэта – А. Пушкин и В. Хлебников.

Прежде чем приступить к романам-эссе об известных русских поэтах прошлых веков, В. Михайлов написал очерки о П. Васильеве, Ю. Кузнецове. Всех поэтов В. Михайлов делит на два типа. У поэтов первого типа поэтический талант вспыхивает очень рано, подобно звезде (С. Есенин, А. Рембо), у поэтов второго типа духовное созревание длится всю жизнь, и лишь смерть останавливает восхождение (Пушкин, Фет, Тютчев, Гёте, Кузнецов).

Ю. Кузнецов, продолжатель поэтических традиций своих предшественников, по мнению В. Михайлова, «был необходим России в ее нынешние страшные времена, а значит, он необходим будущему. Он был наделен редким по пронитаемости даром слышать голос крови, он воплощал в слове этот прикровенный голос родовой памяти с потрясающей выразительностью. Все это – корневые свойства национального поэта. Надо ли снова напоминать, что в поэзии Кузнецова, как облака в небе, клубятся русские, славянские мифы, в ней живут обновленной жизнью предания, былины, песни, поговорки – все

наше кровное, изустное, народное, что исподволь и составляет сказку русского лица, отличную от всех других на Земле. И все это не нарочито (как, видимо, полагают некоторые толкователи), а естественно, умно, живо и свободно. Это же тот самый русский дух в ярком, вольном словесном воплощении...» (Михайлов, 2008, с. 91).

В. Михайлов убедительно отстаивает свою точку зрения на уникальность поэтического дарования Ю. Кузнецова, предлагая читателям безвременно ушедшего от нас поэта самим взять в руки томики его стихов и убедиться в этом.

Заключение

Творчество, полет вдохновения, поэзия – дорога Н. Заболоцкого и высоко чтимого им В. Хлебникова в мировую поэзию. В книге А. Мамаева «Астрахань Велимира Хлебникова», жанр которой автор определяет как документальную повесть, фамильной библиотеке отведен целый подраздел второй главы – «Дом-музей В. Хлебникова в Астрахани». Возникают интересные параллели: отец Н. Заболоцкого – агроном, отец В. Хлебникова – известный ученый-натуралист. Оба увлечены наукой, помогают крестьянам и горожанам. Библиотека Хлебниковых отличалась разнообразием книг и атласов самой разной тематики: от орнитологии до медицины.

Любимой книгой В. Хлебникова был поэтический сборник Уолта Уитмена в переводе К. Чуковского.

Одна из ключевых тем творчества В. Хлебникова – человек и природа, как и у Н. Заболоцкого. Музыка небесных сфер звучит у В. Хлебникова, Н. Заболоцкого, В. Михайлова-поэта.

Концепт «библиотека» широко представлен в современном издательском деле: издательский дом «Библиотека Олжаса» (Алматы, Казахстан), серия «Астраханская губернская библиотека» (Астрахань, Россия), библиотека семейного чтения (Новогрудок, Беларусь) и др. Таким образом, жизнь героев в романах-эссе В. Михайлова включает их биографии как основной источник и ключевой момент творчества. Творческая рецепция и интерпретация поэтического наследия Н. Заболоцкого даны В. Михайловым в русле мирового литературоведения и литературных традиций.

Список литературы

- Анастасьев Н.* Толстой, Абай и другие. Примечания к «Кругу чтения», «Словам назидания» и еще нескольким сочинениям того же рода // Простор. 2020. № 7. С. 140–155.
- Басинский П.* Вышла в свет новая биография Лермонтова // Литература Казахстана в зарубежных источниках / отв. ред. С. Ананьева. Алматы : Press Co, 2021. С. 74.
- Большакова А.* Один меж небом и землей... // Литература Казахстана в зарубежных источниках / отв. ред. С. Ананьева. Алматы : Press Co, 2021. С. 75–76.
- Михайлов А.В.* Поворачивая взгляд нашего слуха // А.В. Михайлов. Языки культуры. М., 1997. С. 860–870.

- Михайлов В. Заболоцкий. М. : Молодая гвардия, 2018. 652 с.
- Михайлов В. Крестный путь Юрия Кузнецова // Керуен. 2008. № 2. С. 49–96.
- Михайлов В. Один меж небом и землей. О Лермонтове. Алматы : Мектеп, 2011. 400 с.
- Пресняков О.П. А.А. Потебня и русское литературоведение конца XIX – начала XX в. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. 229 с.
- Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1. № 2. С. 63–74.
- Сулейменов О. Глиняные книги и другие // О.О. Сулейменов. Литература – это жизнь. О литературе и литераторах. Алматы : Библиотека Олжаса, 2011. С. 391–397.
- Сулейменов О. Очертания слова // О.О. Сулейменов. Литература – это жизнь. О литературе и литераторах. Алматы : Библиотека Олжаса, 2011. С. 384–388.

Reference

- Anastasiev, N. (2020). Tolstoy, Abai, and others. Notes to the Circle of Reading, Words of Edification, and several other works of the same kind. *Prostor*, (7), 140–155. (In Russ.)
- Basinsky, P. (2021). A new biography of Lermontov has been published. In S. Ananyeva (Ed.), *Literature of Kazakhstan in Foreign Sources* (p. 74). Almaty: Press Co. (In Russ.)
- Bolshakova, A. (2021). One Between Heaven and Earth... In S. Ananyeva (Ed.), *Literature of Kazakhstan in Foreign Sources* (pp. 75–76). Almaty: Press Co. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. (1997). Turning the View of Our Hearing. In A.V. Mikhailov, *Languages of Culture* (pp. 860–870). Moscow. (In Russ.)
- Mikhailov, V. (2011). *Alone Between Heaven and Earth. About Lermontov*. Almaty: Mekte. (In Russ.)
- Mikhailov, V. (2018). *Zabolotsky*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.)
- Mikhailov, V. (2008). The Way of the Cross by Yuri Kuznetsov. *Keruen*, (2), 49–96. (In Russ.)
- Presnyakov, O.P. (1978). *A.A. Potebnya and Russian Literary Criticism of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Saratov University Press. (In Russ.)
- Sapogova, E.E. (2005). Autobiographical narrative in the context of cultural and historical psychology. *Cultural and Historical Psychology*, 1(2), 63–74. (In Russ.)
- Suleimenov, O. (2011). Clay books and others. In O.O. Suleimenov, *Literature is Life. About Literature and Writers* (pp. 391–397). Almaty: Publishing House Library of Olzhas. (In Russ.)
- Suleimenov, O. (2011). The outlines of a word. In O.O. Suleimenov, *Literature is Life. About Literature and Writers* (pp. 384–388). Almaty: Publishing House Library of Olzhas. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Джумагалиева Узим Зинешовна, магистр педагогических наук, заведующая кафедрой русской филологии, Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, Республика Казахстан, 060011, Атырау, пр-т Студенческий, д. 1. ORCID: 0000-0003-0495-7769. E-mail: uzima8282@mail.ru

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом международных связей и мировой литературы, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. ORCID: 0000-0001-7349-1590. E-mail: svananyeva@gmail.com

Калиева Альмира Кайыртаевна, кандидат филологических наук, заместитель генерального директора Института по науке, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. ORCID: 0000-0003-2645-0918; SPIN-код: 6498-0405. E-mail: Almira_kalieva.8@mail.ru

Bio notes:

Uzim Z. Dzhumagalieva, Master of Pedagogic Sciences, Head of the Department of Russian Philology, Atyrau University, 1 Studenchesky Ave, Atyrau, 060011, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0495-7769. E-mail: uzima8282@mail.ru

Svetlana V. Ananyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and World Literature, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0001-7349-1590. E-mail: svananyeva@gmail.com

Almira K. Kalieva, PhD in Philology, Deputy General Director for Science, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2645-0918; SPIN-code: 6498-0405. E-mail: almira_Kalieva.8@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-529-538

EDN: AIXKQN

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Мифопоэтика М. Мокаева: архетип горы

Р.А. Керимова

*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
Нальчик, Россия*
✉ K.roza07@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются образные реализации одного из ключевых архетипов в поэтике М. Мокаева. Гора как форма материального мира являет собой архетип «верха», символизирует силу, связь с божественным началом. Путь духовного просветления сопряжен с мотивом преодоления трудностей и испытаний. Мифологические номинации выступают носителями ценностных ориентиров, соотносятся с мотивом вдохновения и творческого роста. В поэзии балкарского писателя наблюдается новая информация о символе, представленная в виде авторских ассоциаций, восходящих к прецедентным текстам. Доказывается, что художественная система М. Мокаева на глубинном уровне тесно связана с архаическими представлениями народа, культурно-историческим хроно-топом. Соотнесенность пространственной семантики с мифологическим кодом обнаруживается в поэтическом тексте посредством локативных антитез (профанное/сакральное, свое/чужое). В результате выявлено, что архетипический символ «гора», с одной стороны, – это фрагмент индивидуальной картины мира, а с другой – он взаимодействует с универсальными для мировой литературы категориями и ценностными ориентациями. Мифологема горы – это не только отсылка к мифу как к тексту, но и к мифу как жанру, что создает предпосылку к мифологической ситуации («жизнь – восхождение»). Изучение идиостиля поэта сквозь призму понятия «архетип как мыслеформа» (по Ю. Лотману) позволяет глубже проникнуть в авторский замысел, целостно представить художественно-эстетическую систему писателя.

Ключевые слова: карачаево-балкарская поэзия, М. Мокаев, мифологема, идиостиль, архетип, символ, гора

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Керимова Р.А. Мифопоэтика М. Мокаева: архетип горы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 529–538. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-529-538>

© Керимова Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Mythopoetics of M. Mokaev: The Mountain Archetype

Rauzat A. Kerimova

Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

✉ K.roza07@mail.ru

Abstract. Examined the figurative realizations of one of the key archetypes in the poetics of M. Mokaev. The mountain, as a form of the material world, is an archetype of the ‘top’, symbolizing strength, connection with the divine. The path of spiritual enlightenment is associated with the motive of overcoming difficulties and trials. Mythological nominations act as carriers of value guidelines, correlate with the motive of inspiration, creative growth. In the poetry of the Balkarian writer, new information about the symbol is observed, presented in the form of author’s associations dating back to precedent texts. It is proved that the artistic system of M. Mokaev at a deep level is closely connected with the archaic ideas of the people, the cultural and historical chronotope. The correlation of spatial semantics with the mythological code is revealed in the poetic text through locative antitheses (profane/sacred, one’s own / someone else’s). As a result, it was revealed that the archetypal symbol of the mountain, on the one hand, is a fragment of an individual picture of the world, on the other hand, it interacts with universal categories and value orientations for world literature. The mythologem of the mountain contains not only a reference to myth as a text, but also goes back to myth as a genre, which creates a prerequisite for a mythological situation (‘life is an ascent’). Studying the poet’s idiostyle through the prism of the concepts of ‘archetype as a thought form’ (according to Yu. Lotman) allows us to penetrate more deeply into the author’s intent, to holistically present the artistic and aesthetic system of the writer.

Keywords: Karachay-Balkar poetry, M. Mokaev, mythology, idiostyle, archetype, symbol, mountain

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Kerimova, R.A. (2025). Mythopoetics of M. Mokaev: The Mountain Archetype. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 529–538. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-529-538>

Введение

Исследуя проблему функционирования архетипа в художественном тексте, необходимо учитывать его связь с прообразом («первотворением») – мифом; как отмечает К. Юнг, «выражения архетипов – мифы и сказки» (Юнг, 1991, с. 291).

Семантическое наполнение данного концепта у Элиаде значительно отличается от юнговской «концепции бессознательного», основанной на психологическом принципе изучения архетипов. Подход Элиаде основан на причастности архетипов к бытию, который может быть обозначен как онтологический (Элиаде, 1987). Ю. Лотман разграничивает символ на воплощенный мифологическим сознанием знак и архетипический символ, который потенциально

способен создать мифологическую ситуацию (Лотман, 1999). Особый интерес представляют архетипы последнего типа – устойчивые элементы индивидуальной картины мира каждого писателя. На основе таких архетипических символов поэт моделирует и переосмысливает окружающую его реальность. По сути, геокультурное пространство выступает одним из средств отражения картины мира его носителей. Влияние тысячелетнего опыта «коллективного бессознательного» на духовный мир индивида, согласно гипотезе Юнга, происходит на всех уровнях развития – сверхэмпирическом, мировоззренческом, творческом (Юнг, 1997).

В мифопоэтической модели мира пространственные архетипы включают два компонента – центр (мировая ось) и путь. Гора трактуется как образ мира, некая матрица Вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. В.Н. Топоров, описывая многофункциональность мифологемы, отмечал, что «гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации древа мирового» (Топоров, 1994, с. 311). По мнению Д.Н. Замятина, географические образы представляют собой устойчивые единицы, формирующиеся в результате человеческой деятельности (Замятин, 2006, с. 10). Г. Гачев отмечает, что все сферы жизнедеятельности этноса (Космос, Логос и Психея) развиваются вокруг метакода национальной онтологии. Аналогичные выводы сделаны английским ученым Р. Рейдом, который исследуя проблему связи человека с местом или ландшафтом в аспекте «несовпадения этноса с топосом», ввел термин «асимметричный этнотоп» (Tuan, 2002). Учитывая причастность природно-культурного ландшафта к сферам разума, духа, а также привнесенную в него знаковость, данную категорию можно соотнести с принятыми в науке терминами «ноосфера», «пневматосфера», «семиосфера» (Свирида, 2009).

Исследование проблемы художественного пространства с опорой на отражение географических объектов в литературоведении обширно. Рассмотрение универсальных образов позволяет выделить их общекультурный, архетипический компонент и периферийную область индивидуально-авторских ассоциаций.

Для достоверности результатов мы стремились охватить все периоды наследия М. Мокаева, связанные с обозначенной проблематикой. Цели и задачи определили методологию исследования – сочетание сравнительно-исторического, историко-литературного, типологического, структурно-семантического методов, позволяющих выявить особенности творческой индивидуальности балкарского поэта.

Результаты и обсуждение

Традиционное мировоззрение, свойственное сознанию тюркоязычных народов Северного Кавказа, ярко иллюстрируют фольклорные памятники. Географическая структура Балкарии с горами, «возвышающимися над повседневной равниной человечества», естественным образом предопределяет

основную онтологическую константу карачаево-балкарской культурной истории, воплощенную в категорию «вертикаль» (Гачев, 1999; Кучукова, 2005, с. 166). Антропогоническая философия народа носит астральный характер и уходит корнями в историю происхождения Ёрюзмека (центрального героя карачаево-балкарского нартского эпоса) из хвостатой звезды (метеорита). Вертикальное миромоделирование также связывается с этимологией имени Ёрюзмека (кар.-балк. «ёр» – высота, «юзмек» – осколок, частица), то есть «частица высоты» (Нарты, 1994, с. 617). В основу этнонима «таулу» (люди гор/балкарец) заложен пространственный смысл. В мифопоэтических представлениях северокавказских горцев «каменная биография» человека замыкает круг: человек рождается из камня, всем смыслом его земного бытия является актуализация «каменного» начала, после физической кончины он вновь превращается в камень (Нарты, 1994, с. 391). Так сформировалась универсальная для карачаево-балкарской литературы модель картины мира, где роль вертикального вектора выполняет мифологема «гора».

Axis mundi в культуре этноса представлена реальной горой Эльбрус (кар.-балк. «Минги тау» – «Вечная гора»), который в историческом прошлом и в настоящем играет важную роль духовной составляющей народа. Обозначенные факторы раскрывают исключительность мифообраза «гора» в художественном сознании карачаево-балкарского народа. «Совокупные национальные метафорические максимумы, включающие системы метафор – языковых знаков, метафор-концептов, метафор-действий (поведенческих метафор), результаты всей метафорогенной деятельности человека, как лингвистической, так и нелингвистической природы в определенных своих участках будут совпадать у носителей разных культурных архетипов одного периода или у носителей одного культурного архетипа в различные исторические периоды» (Лагута, 2004, с. 105).

В поэзии М. Мокаева, помимо основного (универсального) понятия, символика *горы* включает эмоциональный и культурный компоненты, отражает авторское мировосприятие, имеет дополнительные смысловые приращения и раскрывает одну из важнейших основ художественного видения мира – взаимоотношения человека и природы. Образ горы в творчестве балкарского писателя основан на семиотических оппозициях и концептуальных метафорах, характерных для мифопоэтической картины мира. Гора – архетип «верха», источник энергии, жизненной и творческой силы – олицетворяет идею духовного возвышения. В конкретном случае обращение к первоисточникам стоит рассматривать не как простое использование готовых образов, сюжетов, мотивов; мифологизм выступает в качестве основополагающей черты мировоззренческой системы поэта. Уже в ранних стихотворениях М. Мокаева архетип горы находит разнообразное воплощение в сюжете произведений, а лирический герой оказывается «героем пути»: «Я поднимаюсь на гору крутую, / Кругом снега, а села далеки, / Но пусть метель куражится, лютая, / Мой путь – вперед, буранам вопреки» (Мокаев, 2004, с. 90). Мотив пути (в конкретном случае «путь наверх») является важнейшим, сюжетообразующим. Суть на-

родной антропософии «жизнь – восхождение» проходит лейтмотивом через все творчество М. Мокаева. Например, в одном из программных произведений «В пути» отражается этническое мировидение горца, его философско-эстетическая система: *«Мы в борьбе с бедою многоборцы, / Нам победа радости несет. / Жизнь – гора, а люди – это горцы, / Горцы – покорители высот»* (Мокаев, 2004, с. 139). В мифо-фольклорной традиции карачаево-балкарского этноса подъем также рассматривается как один из методов освоения пространства. Истоки развития данного концепта восходят к древнетюркским традициям, к кочевничеству. В поэзии М. Мокаева вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей движения/подъема, отражает традиционные представления в коллективном сознании этноса. Концепт «гора» в тексте может коррелировать с понятиями «усилие», «подъем». Народная мысль гласит: *«Таўгъа минмей, тюз кёрюнмез»* («Не взобравшись на гору, долину не увидишь») (КБФ, 1996). Преодоление высоты содержит в себе элемент героизации, который восходит к карачаево-балкарскому эпосу. Напор, натиск, противостояние сложностям, вызов времени, устремленность «вверх», уверенность в своей правоте, романтические настроения характеризуют лирику М. Мокаева: *«Дожди и бураны мешают идти. / Как трудно в пути скалолазам! / Но все побеждают в тяжелом пути / Горящее сердце и разум. / Не мчит их, художников, / сказочный конь, / Не ждут их для отдыха скамьи, / Лишь смелой души негасимый огонь / Вступает в борьбу с ледниками. / Не дальностью пройденных верст, а иной / Измерена мерой победа, / Победа измерена здесь глубиной, / Широкой значимостью следа»* (Мокаев, 2004, с. 205). В данном аспекте М. Элиаде отмечает, что «идея „восхождения“ на Небо по веревке, дереву (горе) или лестнице широко распространена на всех пяти континентах...» (Элиаде, 1994, с. 106). Сложность подъема объясняется тем, что движение вверх связано с риском, так как вертикальное пространство неустойчиво само по себе (Лакофф, 2004; Fosse, 1997). Мотив манящей и зовущей дали, воспевание богатырских жортуулов (набегов/странствий), совершаемых в поисках подвигов, является одним из ключевых аспектов в художественном мире М. Мокаева: *«Всегда в пути я. / Правда, иногда / И волки воют за моей спиной, / И ждет змееподобная беда, / Но смелость горцев всякий раз со мною. / Все дальше, дальше трудный путь держу, / Мне не страшны ни бури, ни обвалы. / На скалы, как на компас, я гляжу, / С надеждою гляжу на наши скалы»* (Мокаев, 2004, с. 50).

Метафора духовного восхождения как преодоление и подъем в гору распространена в мировой литературе, однако М. Мокаев вкладывает в ее основу выраженный культурно-ландшафтный образ: *«Баксанское ущелье. Здесь во-круг / Все камни, камни... / Словно непреложным / Они усилием сотен тысяч рук / Принесены к обочинам дорожным. / Все претерпели, все превозмогли, / Узнали град и ливень, зной и стужу. / О камни, – знак родной моей земли, / Вы звезд небесных, верю я, не хуже! / И древний узкий путь среди камней / Через столетия и хребты протянут. / Под вешним солнцем камни все светлей, / Как будто вновь они горами станут. / О камень края моего!»* (Мокаев, 2004,

с. 129). Автор также подчеркивает неразрывность связи своей судьбы с судьбой малой родины (камень выступает в качестве культурного кода): *«Как ты [камень], Невзгоды жизнь моя переносила. / Когда я был на грани немоты, / Вдруг снова слово обрело силу. / Враги стреляли в ярости мне вслед, / Но спасся я от смертоносной пули. / Ни сплетня подлая, ни злой навет / Моих стремлений не перечеркнули. / Смотрю на гор сверкающих гряды, / – И счастлив я, рад песни ветра слушать. / Я осторожно меж камней пройду, / Чтоб дум их молчаливых не нарушить»* (Мокаев, 2004, с. 158). С архетипом горы связаны такие универсальные понятия, как поиск судьбы, счастья, вдохновения: *«Мечта моя – как башня, как скала! / Душа покой нашла в Баксане ныне»; «С тобой помирился я... / Розов рассвет / И зелен простор поднебесный. / Я – море, я – горы, я – снова поэт, / Слагающий вольные песни!»* (Мокаев, 2004, с. 210).

Поэтическое пространство реализуется по вертикально-парадигматическому принципу, связанному с концепцией прапамяти. При выстраивании индивидуальной картины мира важное место отводится пространственным реалиям, тем самым предвосхищая в поэтической практике культурные концепты и ценностные аттракторы эпического памятника. В творчестве М. Мокаева устойчивы ключевые мотивы «Нартиады»: полет, путешествия, странствия, преодоление препятствий. Так происходит постижение самого себя через познание мира (Хакуашева, 2014, с. 214). Метафора восхождения рассматривается и в аспекте хаоса, вызванного противопоставлением освоенного пространства чужому. Оппозиции «свой – чужой» в творчестве формируются в лирике выселения: *«Горсть золы запить глотком воды, / – Горцы так решались жить, бывало, / Когда черной тучей беды / Над горами небо закрывало. / На чужбине горца смерть нашла, / – И шептал он в муке несказанной: / «Как целебны были и зола, / И вода родимого Баксана!»* (Мокаев, 2004, с. 305).

Так при помощи «ландшафтного кода» автор выражает мировоззренческие, философские и эстетические аспекты. Привязка сюжета к конкретному ландшафту (топонимике) реализует принцип поиска «мистики в конкретном» – Фоссе использует хайдеггеровскую теорию (Юнг, 1997; Fosse, 1997, pp. 267–269). В разработке авторской художественно-эстетической рефлексии ландшафт как хранитель информации о народе и индивидуальной картине мира участвует в создании «ландшафтного текста». При этом наблюдается использование мотива треугольника, остроконечной вершины, а устремленность вверх символизирует, согласно тюркской мифологии, восхождение духа, иногда может означать защиту: *«Вновь радуга, как мост, хребты венчая, / С высотным пиком связывает пик. / Балкарии края и Карачая – Одна у нас судьба, один язык. / Встанут на фоне неба нерушимо, / Как братское единство и союз, / На общем основанье две вершины – Наш символ дружбы, вечный наш Эльбрус»* (Мокаев, 1985, с. 84). *«У домов наших стены толсты, / Поднялись они прочно и стройно. / Стены наших домов, как щиты, / За которыми людям спокойно»* (Мокаев, 2004, с. 78). Заостренность олицетворяет божественный знак, символ жизни, продолжение рода. В мифологии этноса жизнь представляется в виде пространства, имеющего свои отрезки. Универсальная мифологема традиционно соотносится с дорогой, в данном случае

с подъемом, в котором сосредоточены внешние и духовные испытания (преодоление препятствий и достижение цели). В тексте актуализируется идея восхождения и бесконечного подъема в символике устремленности вверх. Постигание пространства происходит вертикально: с одной стороны, это представлено постоянным движением вверх, а с другой – использованием образов, символизирующих вертикаль (гора, дерево). Вектор вертикального движения изначально заложен и подчеркнут в тексте композиционно и семантически. В описании ландшафта родины лексически акцентировано с помощью глагола «подняться/взобраться» («кётюрюлюрге/минерге/ёрлерге») и наречия «вверх» («ёр»), указывающих на движение в вертикальном направлении: «*Ввысь взбираюсь. / Идти нелегко мне*»; «*С надеждой к реке я спешил с высоты*»; «*Селенье Булунгу в кольце Кавказских гор! / Ты ближе всех лежишь к снегам, / к вершинам, к солнцу*» (Мокаев, 1988, с. 11). Метафорические оппозиции выступают ключевыми аксиологическими маркерами при создании окружающей действительности. Акцессорным фактором также могут служить прямые или конкретные обозначения вертикали с указанием на полет, движение вверх: «*Учама, метрогъа да киреме / – Малкъарны бийик жолун кёреме*» – «Летаю, и в метро захожу и там вижу / – высокую дорогу Балкарии» (Мокаев, 2001, с. 49); «*Эл анга кёл этдирди: / «Бар, хайда, бар! Сен кишисе! / Дуния сейирге къарар, / Бек бийик тёнпеге ёрле да, къууан!*» – «Сельчане вдохновляют его: / «Иди, давай, иди! Ты мужчина! / Поднимись на самую высокую вершину и радуйся, / увидев все красоты мира!» (Мокаев, 2001, с. 257)¹. При этом семантика данного концепта оказывается шире, чем сам предмет. Мифологема «гора» раскрывается при помощи художественных значений: от стихии и космоса до выражения психологического состояния персонажа. Смысловое отождествление природного и культурного кодов имеет под собой глубокое философское обоснование.

В мировоззрении карачаево-балкарского этноса гора напрямую связана с культом камня. Характерное для творчества М. Мокаева одушевление неживого (камня), поклонение природе в целом традиционны для северокавказского поликультурного пространства. Обозначенные черты символистской поэтики в творчестве М. Мокаева указывают на склонность автора к выстраиванию параллелей между человеком и природой, максимальному приближению и растворению в ней. Данная особенность просматривается при обозначении пространственных категорий, использовании соматизмов «къаяны/тауну **башы**» – «голова скалы/горы» (вершина), «къаяны **сырты**» – «спина скалы» (хребет), «къая **жух**» – «морда» (выступ), «тауну **эрини**» – «край, уступ» (горы, яра) «къаяны ёшюну» – «грудь горы» и др. «Мокаевский ландшафт» – это не просто модель мироустройства балкарского этноса, отражение человеческого сознания, вписанного в некое пространство или местность, которое попутно раскрывает внутреннее состояние героя. Так происходит слияние образов с местностью, топосом. Смысловое отождествление природы и человека является значимой константой. Достигается этот эффект благодаря тому, что

¹ Подстрочный перевод Р.А. Керимовой.

образы, используемые поэтом, обладают широким семантическим диапазоном. К примеру, в идиолексиконе М. Мокаева доминирует антропоморфная метонимия признака. Так, горы часто представлены в виде разветвленных метафор, которые очеловечены: *«Голос из прошлого / Зазвенел в ухе горы»*; *«За нас молится Дочь Скалы»*; *«Знавали и нашествия чумы, / Знавали наводнения и лавины. / Но горской чести не роняли мы. / Свидетели – и горы, и долины»*. В пантеоне мифологических образов горы, нашедших отражение в творчестве М. Мокаева, нельзя обойти вниманием персонаж мудрого старца. Историзм мышления, психологический контраст в обрисовке национального характера – доминирующие черты творчества М. Мокаева. Достаточно распространенными в текстах являются образы богатырской головы, белого старца, которые в традиционной культуре тюрко-монгольских народов носят инициальный характер. Так, автор переосмысливает метафору гора/холм – седовласый старец, где «белый старец» выступает в роли предка – медиатора между природой и человеком, космосом и социумом. Поэт с помощью мифологемы «гора» апеллирует к системе архаических представлений народа (к кодексу чести горца). Опираясь на характерные черты эпического героя (мудрого старца, воина) создаются оригинальные решения в творчестве. Архетип горы наполняется мифопоэтическим содержанием, приобретает значение «божественное, духовное, высшее начало, источник вдохновения». Происходит отсылка к одному из названий Эльбруса – Шат-тау (кар.-балк. «священный, святой, мудрый», заместитель кагана в тюркском каганате) (Ugurlu, 1998). Также лексема «шат» участвует в названии древнего карачаевского родового союза и племени Шадыбек (князь Шат). Шат-тау упоминается в стихотворении М. Лермонтова: *«У Казбека с Шат-горою / Был великий спор...»* (Лермонтов, 1992, с. 46).

Заключение

Таким образом, мифологему «гора» необходимо рассматривать как важнейший архетипический символ художественной картины мира М. Мокаева. Балкарский поэт успешно сочетает различные мифологические элементы. Однако эпический текст – основной культурный пласт в развитии архетипа. Пространственный символ многогранен, подвержен трансформации, но вместе с тем имеет признаки амбивалентности и, помимо основного (универсального) понятия, включает эмоциональный и культурный компоненты, отражает авторское мировосприятие, имеет дополнительные смысловые приращения. Горное пространство в художественной картине мира М. Мокаева космологично, автор ощущает внутреннюю связь с ландшафтом, прослеживается глубокое переживание их древности и первозданной чистоты.

Список литературы

- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия : космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт Ди-Дик, 1999. 367 с.
- Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. 488 с.

- Карачаево-балкарский фольклор : хрестоматия / сост., вступ. ст., коммент. Т.М. Хаджиевой. Нальчик : Изд. центр «Эль-Фа», 1996. 592 с.
- Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики : карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. 309 с.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 256 с.
- Лермонтов М.Ю. Сильней страданий роковых : Стихотворения, поэмы. М. : Воениздат, 1992. 558 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров : человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
- Мокаев М.Х. Избранные произведения : в 2 томах. Т. 2. Нальчик : Эльбрус, 2001. 416 с.
- Мокаев М.Х. Жугьтур мюйюз. Нальчик : Эльбрус, 1970. 138 с.
- Мокаев М. Х. Мельница жизни : Стихи и поэмы / пер. с балкар. Нальчик : Эльбрус, 2004. 417 с.
- Мокаев М. Х. Свет жизни : Стихотворения и поэмы / пер. с балкар. Л. Шерешевского. Нальчик : Эльбрус, 1988, 79 с.
- Мокаев М. Х. Мост в ущелье : Стихотворения, поэмы / пер. с балкар. Л. Шерешевского. Нальчик : Эльбрус, 1985. 277 с.
- Нарты : героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева [и др.] ; пер. текстов Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой ; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т.М. Хаджиевой. М. : Наука, 1994. 654 с.
- Свирида И.И. Метаморфозы в пространстве культуры. М. : Индрик, 2009. 464 с.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
- Хакуашева М.А. Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик : Издательский отдел КБИГИ, 2014. 172 с.
- Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
- Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М. : Изд-во МГУ, 1994. 58 с.
- Юнг К.Г. Архетип и символ / предисл. А.М. Руткевича ; примеч. В.М. Бакусева. М. : Ренессанс, 1991. 297 с.
- Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / пер. с англ. М. : Совершенство ; Киев : Port-Royal, 1997. 384 с.
- Fosse J. Ein sky ven // T. Vesaas. Dikt i samling. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag, 1997. P. 267–269.
- Tuan Y-F. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2002. 235 p.
- Uğurlu K. Orhun anıtları. Ankara : Mayıs, 1998. 136 p.

References

- Eliade, M. (2010). *Aspects of the Myth* (N.K. Garbovskij, Trans., Comments). Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Eliade, M. (1987). *Cosmos and History. Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Fosse, J. (1997). Ein sky ven. In T. Vesaas, *Dikt i samling* (pp. 267–269). Gyldendal Norsk Forlag.
- Gachev, G. (2008). *Mentality of the peoples of the world. Eurasia: the space of the nomad, the farmer and the mountaineer*. Moscow: Institut Di-Dik Publ. (In Russ.)
- Hadzhieva, T.M. (Comp.). (1996). *Karachay-Balkar folklore. Chrestomathy*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.)
- Jung, K.G. (1991). *Archetype and Symbol* (A.M. Rutkevich, Preface, V.M. Bakusev, Notes). Moscow: Renaissance Publ. (In Russ.)

- Jung, K.G. (1997). *Soul and Myth: Six Archetypes*. Moscow: Sovershenstvo Publ.; Kiyev: Port-Royal. (In Russ.)
- Khakuasheva, M.A. (2014). *Mythological Images and Motifs in Folklore, Literature and Art*. Nalchik: Publishing department of KBIGI. (In Russ.)
- Kuchukova, Z.A. (2005) *Ontological Metacode as the Core of Ethnopoetics: Karachay-Balkarian Mentality in the Mirror of Poetry*. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov. (In Russ.)
- Lakoff, D., Johnson, M. (2004). *Metaphors by Which We Live* (A.N. Baranova, Trans., Ed., A.V. Morozova, Trans.). Moscow: URSS Publ.
- Lermontov, M.Yu. (1992). *Stronger than Fatal Suffering. Poems*. Moscow: Military Publishing House. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1999). *In Side Thinking Worlds*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
- Mokaev, M.Kh. (1985). *Bridge in the Gorge. Poems and Verses* (L. Shereshevskij, Trans.). Nalchik: Elbrus. (In Russ.)
- Mokaev, M.Kh. (1988). *Light of Life. Poems and Verses* (L. Shereshevskij, Trans.). Nalchik: Elbrus. (In Russ.)
- Mokaev, M.Kh. (2004). *Mill of Life. Poems and Verses*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.)
- Mokaev, M.Kh. (2001). *Selected Works* (Vol. 2). Nalchik: Elbrus. (In Russ.)
- Mokaev, M.Kh. (1970). *Zhug'utur Muyuz*. Nalchik: Elbrus. (In Balkar.)
- Ortabaeva, R.A.K. (Comp.), Hadzhieva, T.M. (Commens, Trans.). (1994). *Narty: The Heroic Epic of the Balkars and Karachays*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Svirida, I.I. (2009). *Metamorphoses in the Space of Culture*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Toporov, V.N. (1995). *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic*. Moscow: Progress – Kul'tura Publ. (In Russ.)
- Tuan, Y-F. (2002). *Space and Place. The Perspective of Experience* (9th ed.). University of Minnesota Press. 235 p.
- Uğurlu, K. (1998). *Orhun Anitlari*. Mayıs.
- Zamyatin, D.N. (2006). *Culture and Space. Modeling of Geographical Images*. Moscow: Znack Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Керимова Раузат Абдуллаховна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 360000, Российская Федерация, Нальчик, ул. Пушкина, д. 20. ORCID: 0000-0003-1964-4511; SPIN-код: 1548-5430. E-mail: K.roza07@mail.ru

Bio note:

Rauzat A. Kerimova, PhD in Philology, Senior Researcher in the Sector of Karachay-Balkar literature, Institute of Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 20 Pushkina St, Nalchik, 360000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1964-4511; SPIN-code: 1548-5430. E-mail: K.roza07@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547

EDN: ABEMJW

УДК 821.111

Научная статья / Research article

Роман Донны Тартт «Тайная история» в контексте кризиса постмодернизма

П.А. Табакова^{}, А.Ю. Перевезенцева^{}

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний
Новгород, Россия*

 aperevezentseva@hse.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление специфических черт постмодернистского и метамодернистского дискурса в романе Д. Тартт «Тайная история», синтез которых позволяет характеризовать произведение как переходное явление, отражающее кризис базовых установок постмодернизма и становление художественной парадигмы метамодернизма. Научная новизна работы связана со смещением ракурса анализа текста с рассмотрения нравственной проблематики и жанрового своеобразия на включение романа в контекст фундаментальных изменений эпохи пост-постмодернизма. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что поэтика «Тайной истории» во многом определяется спецификой эстетики постмодернизма. Это выражается в мозаичности сознания рассказчика и отсутствии морально-этических императивов, активности интертекстуальных включений, формирующих смысловое поле романа, разрушении противопоставления между «элитарной» и «массовой» культурой. Во второй части выдвигается и доказывается тезис о том, что дебютный роман Д. Тартт обладает чертами, выходящими за рамки постмодернистской парадигмы, в нем обнаруживаются ключевые тенденции, присущие метамодернизму: обращение к травмирующему опыту прошлого, проблеме рефлексии и выражения искренних переживаний, стремление к созданию устойчивой социальной общности в противовес постмодернистской разрозненности.

Ключевые слова: Д. Тартт, американская литература, постмодернизм, метамодернизм, роман

Вклад авторов. Разработка идеи исследования, написание и редактирование рукописи – А.Ю. Перевезенцева; сбор и анализ исследовательских данных – П.А. Табакова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Табакова П.А., Перевезенцева А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Табакова П.А., Перевезенцева А.Ю. Роман Донны Тартт «Тайная история» в контексте кризиса постмодернизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 539–547. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547>

Donna Tartt's Novel *The Secret History* in the Context of the Crisis of Postmodernism

Polina Al. Tabakova^{ID}, Anna Yu. Perevezentseva^{ID}✉

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉aperevezentseva@hse.ru

Abstract. This study aims to identify the unique features of postmodernist and metamodernist discourse in D. Tartt's novel *The Secret History*. The synthesis of these characteristics enables the characterization of this work as a transitional phenomenon, reflecting the crisis of the fundamental attitudes of postmodernism and the formation of the artistic paradigm of metamodernism. The scientific novelty of the work is related to the shift of the text analysis perspective from the consideration of moral issues and genre uniqueness to the inclusion of the novel in the context of fundamental changes of the post-postmodern era. The findings of this study demonstrate that the poetics *The Secret History* are predominantly shaped by the distinctive characteristics of postmodernism, as manifested through the narrator's mosaic consciousness, the absence of moral and ethical imperatives, the intertextual inclusions that contribute to the novel's semantic field, and the dissolution of the dichotomy between 'elite' and 'mass' culture. The subsequent section aims to substantiate the thesis that D. Tartt's debut novel exhibits characteristics that transcend the postmodernist paradigm, thereby unveiling pivotal tendencies inherent in metamodernism: an appeal to the traumatic experience of the past, the issue of reflection, the articulation of authentic sentiments, and the aspiration to establish a cohesive social community, in contrast to the postmodern disconnectedness.

Keywords: D. Tartt, American literature, postmodernism, metamodernism, novel

Author's contribution. Development of the research idea, manuscript writing & editing – Polina Al. Tabakova; research data collection & analysis – Anna Yu. Perevezentseva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Tabakova, P.A., & Perevezentseva, A.Yu. (2025). Donna Tartt's Novel *The Secret History* in the Context of the Crisis of Postmodernism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 539–547. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-539-547>

Введение

Первый роман современной американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» (Donna Tartt, *The Secret History*) вышел в 1992 г. и стал всемирной литературной сенсацией: *an immediate critical and commercial success*,

one of those rare novels that makes as much of a splash in literary circles as it does on the bestseller lists (Thorp, 2022). По прошествии трех десятилетий роман все еще остается дискуссионным не только в научной среде, но и в медийном пространстве. Новый всплеск интереса к произведению произошел под влиянием интернет-пространства и включил в круг поклонников творчества Тартта *a whole new generation Z* (Thorp, 2022). «Тайная история» оказалась романом, объединившим не только разные поколения, но и культурные традиции.

Роман «Тайная история» Д. Тартта включается в контекст эпохи смены эстетической парадигмы, когда постмодернистский дискурс постепенно нивелируется, а характерные черты постмодернистской литературы, такие как утрата историчности, насилие симулякров, стратегии деконструкции и бунта, постепенно теряют свою привлекательность, превращаются в своего рода штампы. Намечаются пути преодоления «безучастной иронии», «бессодержательности» постмодернизма (Морозов, 2019), поиск духовной глубины или же возвращение к ней. Радикальное отрицание и постмодернистская чувствительность порождают чувство незащищенности (Hebdige, 2003), происходит отчуждение субъектности за счет ее детерминации внешними социальными конструктами (Rectenwald, 2021). Повсеместное ощущение напряжения и упадка актуализируют темы насилия (роман «Американский психопат» Б. Эллиса, 1991), расторгнутой и дискретной реальности («Лавина» Н. Стивенсона, 1992; «Подземный мир» Д. Делилло, 1997), трансгуманизма («Вакуумные цветы» М. Суэнвика, 1987).

Из критики позиции отрицания исходят характерные для американской литературной практики 1990 гг. тенденции возрождения традиционных форм, синтеза экспериментального и традиционного стилей, акцентуации личностного начала и расширения канона путем включения в него ранее маргинализированных голосов, мультикультурности. По мнению Т. Савваса и К. Коффмана, примерно с 1989 г. американская литература обращается к художественному правдоподобию, анализу материальной природы текста, свободе от иронического модуса (Savvas, Coffman, 2019).

Дебютный роман Д. Тартта возникает в обстановке уязвимости постмодернистского сознания – пространство произведения еще подчиняется игровому началу, деконструкции и интертекстуальным включениям, но уже намечает будущие тенденции метамодернистской литературы – особую субъектность, отход от языкового детерминизма постструктуралистов. Г.И. Лушникова отмечает, что «граница между постмодернизмом и постпостмодернизмом весьма размыта, достаточно сложно провести демаркационную линию между конкретными произведениями по этому параметру. Задача усложняется тем, что даже в творчестве одного писателя прослеживается смешение отчетливо выраженных черт постмодернизма и новых тенденций, описываемых в рамках пост-постмодернизма <...>» (Лушникова, Осадчая, 2021, с. 204).

Результаты и обсуждение

Роман «Тайная история» Д. Тартт в парадигме постмодернизма

«Тайная история» становится переходным произведением, поскольку синтезирует черты двух культурных и мировоззренческих систем. Рассмотрим, какие постмодернистские установки реализованы в дебютном романе Донны Тартт.

В литературоведческом дискурсе в «Тайной истории» проблематизируется природа соотнесенности этических категорий. Однако акцент на морализаторском начале представляется неверным, поскольку роман, в большой степени соответствующий постмодернистскому мироощущению, выходит за рамки противопоставления добра и зла. Стоит вспомнить показательный момент травестирования сюжета «Преступления и наказания» в тексте Тартт: в сцене перед похоронами Банни, когда Ричард при виде слез отца убитого студента внутренне глубоко кается в содеянном: *Oh, God... God help me, I'm sorry* (Tartt, 2004, p. 357), но в следующем абзаце трагическое напряжение резко снижается недовольными бытовыми восклицаниями мистера Коркорана, а завершает неожиданное эмоциональное изменение неуместное в состоянии траура предложение отца выпить пива: *Any of you kids care for a beer?* (Tartt, 2004, p. 358). Далее художественное пространство вновь выравнивается и возвращает исповедальный нарратив: *I killed the old pawnbroker woman and her sister Lizaveta with an axe and robbed them* (Tartt, 2004, p. 365).

Такой разрыв в тональности текста характерен для постмодернистского художественного письма. Сознание рассказчика Ричарда, моделирующее действительность, сталкивается с внешним вмешательством и порождает неоднозначность восприятия – общее настроение внутреннего покаяния и проживания вины обрывается, возникает ситуация «неопределенности». Категория истинности в постмодернистском произведении размывается, исчезают четкие бинарные оппозиции. «Тайная история» как постмодернистский текст не центрируется вокруг идеи «преступления – наказания», а смещает границы устойчивых представлений.

Категория прекрасного в романе принимает облик ужасающего, отвратительного и мортального: *Death is the mother of beauty, terror, terrible* (Tartt, 2004, pp. 38–39). Куртуазное восхищение и преклонение Ричарда перед Камиллой сменяется животным вожделением, жадой насилия. Божественное и сакральное предстает не как организующее и упорядочивающее начало, а как первородная и жестокая сила: *let God consume us, devour us, unstring our bones. Then spit us out reborn* (Tartt, 2004, p. 38). Проявляет себя и постмодернистская чувствительность, которая создает сплошную относительность художественного текста. Уязвимое и восприимчивое сознание Ричарда акцентирует детали, смещает фокус, вызывает сомнения в происходящем. Все повествование выстраивается на полутонах, жизнь предстает рассказчику ускользающей, неясной, утверждается невозможность ухватить реальность: *couldn't quite get the drift of* (Tartt, 2004, p. 143).

Пространство текста романа «Тайная история» конструируется посредством болезненного сознания, мифологических и интертекстуальных элементов и описаний переходных состояний сна и болезни. Размытые границы между реальностью и сном/бредом, а также прерывающееся время соответствуют постмодернистской эпистемологической неуверенности. Подобно делезовской *rhizome*, беспорядочно переплетенным и несвязанным побегам, текст Тартт разветвлен, полон лабиринтов из комнат и коридоров, разрозненных предметов, интерьерам свойственна пейзажная текучесть. Сюжетность стремится к хаотичности – желание студентов жить вечно воплощается через попытку воссоздать дионисийскую мистерию, разрушить рамки привычного бытия, деконструировать личность и освободиться от эго: *lose this maddening self, lose it entirely* (Tartt, 2004, p. 34). Разрозненность внешняя поражает и сознание рассказчика, что клиницизируется шизофреническими симптомами. Ф. Джеймисон в статье «Постмодернизм и общество потребления» определяет шизофрению как одну из характеристик постмодернистского сознания, понимая под ней «опыт изолированных, разъединенных, дискретных материальных означающих, которые не удастся связать в последовательный ряд» (Jameson, 1987, p. 119). Подобным образом мозаичное мышление Ричарда, выхватывающее и концентрирующее конкретные образы пространства, смешивает и деформирует их – они то застывают, то размываются. Художественное пространство романа лишено структурного и образного постоянства, постмодернистски «чуждо жесткости и замкнутости концептуальных построений» (Чотчаева, Сосновский, 2017, с. 179). Текст Тартт представлен как «гиперреальность», где «фантазии становятся фактами, традиционные знаки утрачивают значение, а люди выглядят потерянными и отстраненными от мира, который кажется им фальшивым, словно кино» (Litzler, 2013, pp. 32–33).

Еще одна черта постмодернизма в романе «Тайная история» – интертекстуальность. Ю. Кристева, продолжая идеи М.М. Бахтина, определяет такую контаминацию текстов, как «постоянный диалог». Д. Тартт создает высоко аллюзивное пространство, отсылающее не только к произведениям античности, но и к средневековой, реалистической и модернистской литературе. Такой плотный и активный интертекст создает смысловую многослойность произведения и расширяет интерпретационное поле. Посредством этого воплощается постмодернистская идея множественности действительности – повествование озаряется слепящим блеском – *a dazzle of fractured color* (Tartt, 2004, p. 25) – прошлых эпох. Художественная реальность «Тайной истории» находится в неразрывной связи с множеством других литературных традиций, преломляющихся и видоизменяющихся в сознании рассказчика: «В изложении Ричарда переписывается или переиначивается смысл исходного текста, так как он вырывает из контекста сцены и фразы на свое усмотрение...» (Hargreaves, 2001, p. 60). Произведение воссоздает ряд литературных и культурных практик – древнегреческих мистерий, похоронных обрядов, жертвоприношений, средневековых куртуазных правил, военных сражений и отчаянного веселья *jazz age*.

Многослойность и неоднородность романа также связана с характерным постмодернистским сломом грани между высоким и низким искусством, которое отсылает к лиотаровскому «закату метанарраций», деконструкции канона и крахом больших идей в культурном пространстве. В контексте жанровой природы текст представляет смесь «высоких» (философский роман, социальная сатира, роман воспитания) и «низких» (детективный триллер, мелодрама, университетский роман) жанров (Mäkelä, 2022, p. 1505). Явления массового искусства проникают в поле большой литературы, создавая особую ситуацию разделения планов чтения: рецепция произведения может осуществляться на разных уровнях, с декодированием тех смыслов, которые способен уловить читатель. В духе постмодернистской иронии Д. Тартт синтезирует элементы элитарной академической и вычурной китчевой культуры. Китчевость вгрызается в монументальность происходящего – мистериальное действо, убийство и ритуальное очищение скрываются под вывеской *Burger King*, постерами *The Fleshtones* и вырезками из журналов на дверях комнат в общежитии.

Можно отметить, что поэтика романа «Тайная история» соответствует многим чертам постмодернистского мироощущения – отсутствию структурированной модели мира, хаотичности, полидискурсивности, смешению массовой и элитарной культуры. Сознание рассказчика дискретно, оно моделирует мир, не подчиненный четким морально-этическим категориям.

Кризис постмодернистских установок в романе как поворот к метамодернистскому мироощущению

Несмотря на большое влияние постмодернистской эстетики на «Тайную историю», в произведении прослеживаются черты перехода к новой культурной эпохе. Четкое разграничение постмодернистского и метамодернистского дискурсов вряд ли осуществимо, однако можно утверждать, что попытка увидеть в дебютном произведении Д. Тартт черты становящейся художественной парадигмы продуктивна.

Метамодернизм – одна из современных концепций, стремящихся охватить и зафиксировать реальность после заката постмодерна. Термин закрепился в научном дискурсе с выходом в 2010 г. эссе «Заметки о метамодернизме» Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, в котором авторы попытались описать структурные культурные явления, берущие начало в 1990 гг. Концепция возникает в ответ на крах идей децентрированности и отсутствия истинности, когда постмодернизм, нивелировав субъективное переживание и психологизм, начинает изживать себя. Метамодернизм декларирует отказ от жестокой иронии, равнодушия, имитации, цинизма и непрерывной игры, предлагая «возвыситься от банкротства постмодерна» (ван дер Аккер, 2020, с. 45), «реконструировать, возродить дискурс и великие повествования» (Сербинская, 2017). Это поиск «глубины и духовности» в условиях общества потребления, ядерного кризиса и экологической катастрофы. Метамодернистское сознание вырастает «на обломках сюрреализма и множественности XX в.», стремится «дать человеку надежду на жизнь после симулякров» (Сербинская, 2017).

Ключевыми концепциями направления становятся «новая искренность», возвращение историчности, принцип «осцилляции» (колебаний между иронией и неоднозначностью постмодерна, «энтузиазмом» и надеждой модерна), переход к неоромантизму и магическому реализму. В романе «Тайная история» лишь намечаются определенные переходные тенденции, а поворот к метамодернизму выражается во внутреннем конфликте самих постмодернистских идей.

В противовес кризису постмодернистской иронии, отобравшей у общества возможность искренней репрезентации и глубокого чувствования, возникает особая субъектность метамодернистского сознания, которое обостряет проблему личного ощущения. Появляется потребность в подлинных историях, психологизме, отходе от главенства конструкции в сторону содержания. История Ричарда – ретроспективное проживание травмы, концентрированное страдание, вокруг которого сосредоточена личность рассказчика. Жизнь рассказчика расколота – детские годы были насильственно уничтожены им в памяти, взрослая жизнь обернулась одиночеством и социальной изоляцией.

Мир-коллаж романа управляется старыми и новыми богами, христианской моралью и древнеиндийскими представлениями, стройностью античной мысли и разрозненными впечатлениями модернизма. В этом пространстве смерть предстает продолжением лабиринта жизни, которое не прекращает страдание и не дает ответов. Ричард тяжело переживает свою несостоятельность, пытается найти точку опоры в компании друзей. Глубокая рефлексия рассказчика – это не постмодернистская игра, а скорее поворот к метамодернистскому чувствованию, эмоциональному надрыву. Ричард стремится зафиксировать переживание вины, не находя для него подходящего вербального выражения. Состояние и поведение студентов Джулиана после убийства Банни – метамодернистское мерцание. Никто из них не говорит прямо, что чувствует и переживает, поскольку постмодернизм отобрал у человека слова для искреннего высказывания. Герои переживают этический опыт «чувства вины», который, по Л. Витгенштейну, не поддается вербализации, поскольку является «сверхъестественным» (Витгенштейн, 1989, с. 224), глубоко личным и ускользает от мира языка. Попытка вновь заговорить о нем является метамодернистским желанием вновь проникнуть в субъективное, внутреннее сознание.

Переходной чертой романа становится невозможность создания устойчивой общности наряду со стремлением к ней. Постмодернистское сознание фрагментарно, его связи с окружающими непрочны. Философ Бён-Чхоль Хан, анализируя общество последних десятилетий, отмечает слом оппозиции «Я» и «Другого», что приводит к разрушению социальных отношений и «глубокой усталости» (Хан, 2023). Метамодернизм противопоставляет разрушению личности и разрозненности потребность в социализации, реагируя на обострившуюся в обществе идею индивидуализма и личной ответственности. «Тайная история» во многом является исследованием природы и границ дружеской общности, возможности выстраивания близости в современном мире.

Ричард стремится обрести чувство принадлежности и единства в «стране забвения, своеобразном перекошенном раю, где прежние ориентиры были узнаваемы, но расположены слишком далеко друг от друга, разбросаны в пространстве» – *an amnesia-land, a kind of skewed Heaven where the old landmarks were recognizable but spaced too far apart, and disarranged* (Tartt, 2004, p. 346). Интенсивное ощущение инаковости порождает у него желание влиться в общество студентов Джулиана. От идеализации друзей Ричард приходит к осознанию их индивидуальных характеров и переживаний. Отношения студентов Джулиана болезненные и обостренные – в попытках найти корень их связи Ричард выдвигает множество предположений: *And if love is a thing held in common, I suppose we had that in common, too* (Tartt, 2004, p. 7), *At one time I had liked the idea, that the act, at least, had bound us together; we were not ordinary friends, but friends till-death-do-us-part* (Tartt, 2004, p. 425). Признание зависимости проживается рассказчиком мучительно: *I missed them more than I would have admitted* (Tartt, 2004, p. 140). Любовь и страх, ненависть и забота остаются невысказанными, утаенными – проявляется все та же проблема постмодернистской отчужденности личности, кризиса языка.

Общение в группе строится на контрастах и крайностях, включающих и эротическое влечение, и зависть, и жестокость. Но главное, что объединяет студентов-классиков, – стремление вырваться из мира пластиковой бездушности современности, остаться юными, забальзамировать опыт общности, вечно «жить и знать, что все останется в точности таким же, как сейчас».

Заключение

Роман Д. Тартт «Тайная история» отражает наметившийся в литературе последнего десятилетия XX в. кризис парадигмы постмодернизма. Характерные для постмодернизма художественные приемы ярко проявляются в этом произведении, но намечаются и новые тенденции. Постмодернистская эстетика выражается в деформации художественного пространства, неустойчивости представлений о границах добра и зла, восприятии реальности через призму искаженного сознания, болезненной иронии. Активное использование интертекстуальных включений, взаимодействие которых оказывается принципиально важным для формирования смыслового поля романа, также является характерной чертой постмодернизма. В то же время иронии сопутствует стремление к искренности и духовности, а моральный нигилизм сосуществует с душевными терзаниями и раскаянием.

Таким образом, роману «Тайная история» присуща не только постмодернистская раздробленность и текучесть, но и обращение к внутренней трагедии. Роман Д. Тартт включается в контекст литературы травмы, неприятия хаотичной и безликой современности, экзистенциального страха смерти и одиночества. В произведении актуализируется не постмодернистское ироничное и абстрагированное сознание, а ранимое и чувствительное метамодернистское.

Список литературы

- Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В.М. Липки ; вступ. ст. А.В. Павлова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
- Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. 1989. № 4. С. 238–245.
- Лушиникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Контаминация тенденций постмодернизма и пост-постмодернизма в творчестве Дж. Франзена // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 200–211. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-17>
- Морозов А.В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 3. С. 238–249. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10032>
- Сербинская В. На пути к литературе метамодернизма // *Metamodern* : 2017. 25 марта. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. А. Салин. М. : АСТ, 2023. 161 с.
- Чотчаева М.Ю., Сосновский В.Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 2(197). С. 177–182.
- Hargreaves T. Donna Tartt's *The Secret History*: A Reader's Guide. London : Continuum, 2001.
- Hebdige D. *Hiding in the Light. On Images and Things*. New York : Routledge, 2003. 270 p.
- Jameson F. *Postmodernism and Consumer Society* / Ed. H. Foster // *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern*. Washington : Bay Press, 1987. P. 111–125.
- Litzler St.A. Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: an Analysis of the *Secret History* by Donna Tartt // *ETD Archive*. 2013. Vol. 842. URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/etdarchive/842> (accessed: 15.04.2025).
- Mäkelä H. Tartt, Donna // *The Encyclopedia of Contemporary American Fiction 1980–2020* / Eds. P. O'Donnell, S.J. Burn, L. Larkin. Chichester : Wiley-Blackwell, 2022. P. 1504–1510. <https://doi.org/10.1002/9781119431732.ecafo133>
- Rectenwald M. Why Postmodernism Is Incompatible with a Politics of Liberty // *MisesInstitute* 2021. April 5. URL: <https://mises.org/mises-wire/why-postmodernism-incompatible-politics-liberty> (accessed: 03.01.2025).
- Savvas Th., Coffman Ch.K. American fiction after postmodernism // *Textual Practice*. 2019. Vol. 33. № 2. P. 195–212. <https://doi.org/10.1080/0950236X.2018.1505322>
- Tartt D. *The Secret History*. New York : Vintage Books, 2004. 560 p.
- Thorp C. *The Secret History*: A murder mystery that thrills 30 years on // BBC. 2022. October 21. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20221020-the-secret-history-a-murder-mystery-that-thrills-30-years-o> (accessed: 10.01.2024).

Сведения об авторах:

Табакова Полина Алексеевна, студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0009-0005-5159-398X. E-mail: patabakova@edu.hse.ru

Перевезенцева Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5351-2008; SPIN-код: 1277-6277. E-mail: aperevezentseva@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-548-557

EDN: AVPTKK

UDC 82.01

Research article / Научная статья

American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression in *Home Boy* by H.M. Naqvi

Saif Raed Nafia Fakhruddin

University of Wasit, Wasit, Iraq

✉ snafia@uowasit.edu.iq

Abstract. The contemporary British-born Pakistani author H.M. Naqvi (b. 1973) has written two novels. His first novel, *Home Boy* (2009), narrates the socio-cultural dilemma of the Muslim character Chuck and how the American society scents him as a lower individual in post-9/11 attacks. This study focuses on the oppression of Muslim minority characters in American society, as I assume that America is reflective of the violent society, which is an essential problem to the oppression of Muslims in the selected novel. Using textual analysis methodology, I examine the depictions of Muslim minority characters by applying the concept of violence and its related critical insights of oppression by the American socio-feminist philosopher, Iris Marion Young. The objective of this study, thus, is to examine the author's depictions of the American society as the violent society that oppresses the Muslim minority characters in the selected novel. The findings lie in demonstrating the Muslim characters' oppressed state as a signifying factor of their vulnerable position amidst the violent American society.

Keywords: novel, violence, society, character, Muslim identity, oppression

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Fakhruddin, S.R.N. (2025). American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression in *Home Boy* by H.M. Naqvi. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 548–557. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-548-557>

Систематическое насилие со стороны американцев как признак угнетения мусульман в романе Х.М. Накви «Домашний мальчик»

Саиф Раед Нафия Фахруддин

Васитский университет, Васит, Ирак

✉ snafia@uowasit.edu.iq

Аннотация. Цель настоящего исследования – раскрыть художественное своеобразие и острый социальный смысл творчества современного пакистанского писателя британского происхождения Х.М. Накви (род. 1973). Х.М. Накви написал два романа. Его первое произведение «Домашний мальчик» (2009) рассказывает о социокультурной дилемме, с которой сталкивается мусульманин Чака, о том, что американское общество воспринимает его как неполноценного человека после терактов 11 сентября. В статье показано, как в американском обществе подвергаются преследованию и дискриминации представители мусульманских меньшинств. Вопрос об угнетении мусульман в романе является центральным. Америка в целом представлена как общество насилия. Использование социологического метода, а также работ феминистского социального философа Айрис Мэрион Янг позволило представить в исследовании картину тотального насилия в романе по отношению к мусульманским меньшинствам. В заключение предложен вывод о том, что роман писателя является ярким острым социальным произведением, в котором на примере главного героя Чака раскрыты методы и инструменты расового насилия и способы противостояния ему, а американское общество представлено как система тотального насилия.

Ключевые слова: роман, насилие, общество, персонаж, мусульманская идентичность, угнетение

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

Для цитирования: *Fakhrulddin S.R.N. American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression in *Home Boy* by H.M. Naqvi // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 548–557. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-548-557>*

Introduction

At the beginning of the 20th century, precisely on September 11, 2001, four American passenger planes were hijacked by suicide terrorists who crashed them into three vivid areas in America, leaving more than 2000 people dead. The tragic event of the 9/11 attacks was a watershed moment in the lives of all Americans. Muslims have not been an exception, as the tragic event has touched them just as much as any other Americans. They have been concerned in various ways as the incident undermined their social standing and called their place on the American demographic map into doubt. The shocking events of this tragedy have been echoed

by many media outlets that have tackled Muslims from different standpoints. As for the American media, it has conveyed negative stereotypical images of Muslims, considering them as “aggressive people” who are ignorant of humanity (Samaie, Malmir, 2017, p. 12). However, the ensuing War on Terror “<...> rendered Muslim people more visible as a uniquely threatening ‘enemy other’, further fomenting their racialisation” (Jardina, Stephens-Dougan, 2021, p. 2). This stereotype has been used continuously from the past till nowadays, with the othering of Muslims, setting them as enemies, which further enlarges their dilemma in America.

This feeling of irreparable split has been felt deeply by the Muslim diaspora, who are seen as a source of threat as belonging to the same Others as the terrorists. Indicting Muslims with terrorism generates intimidation towards Islam, which further results in the exclusion and discrimination of Muslims in the social, cultural and civic life in the West: “negative stereotypes about Muslims as terrorists have always contributed to an exaggerated fear, hatred, and hostility towards Islam and resulted in discrimination and exclusion of Muslims from social, political, and civic life in some Western societies” (Haider, Al-Salman, Al-Abbas, 2021, p. 7). In fact, ‘stereotypes’, ‘exclusion’, ‘discrimination’, ‘hatred’ and ‘hostility’ provoke violence against the Muslim minority groups in the Western host societies, including Muslims inside the multicultural American society. In *Behind the Backlash: Muslim Americans After 9/11* (2011), the American sociologist Lori Peek emphasises the increase of violence towards Muslims by highlighting the “verbal harassment; violent threats and intimidation; physical assault; religious profiling; and employment, educational, and housing discrimination that Muslims faced following 9/11” (Peek, 2011, p. 16). In this sense, Muslims in America have to face not only negative stereotypes but also systematic violence that results in their oppression, as violence is one face of oppression of any minority group in the American host society.

However, reactions toward all the forms of oppression against Muslims have made their way into the development of ideas. As a result, Muslim authors, through their literary works, have been open to the collective demands of their group as they seem apprehensive about how to establish their identities and place themselves amid the oppressive culture of the American society: “the hostility and prejudice towards Arabs in general and Muslims in particular based on various political events, particularly after the 9/11 tragedy, attracted attention to the meaning of citizenship and maintaining identity found in such works” (Abdelsalam, 2023, p. 197). Muslim authors have also been compelled to express their community’s reactions to the increased sense of violence and oppression against them (Bujupaj, 2016; Khalid, 2023; Majaj, 2008). Therefore, their literary works concentrated mostly on these issues affecting the Muslim minority in America’s multicultural society.

The contemporary British-born Pakistani author H.M. Naqvi, through his novel *Home Boy* (2009), portrays the lives of three young Muslim characters in America. The first one, Chuck, a Pakistani immigrant residing in New York City, narrates the tale under his true name, Shehzad. Chuck is part of a group of Pakistani companions including Jimbo (Jamshed) and Ali Chaudhry (AC). As a team, they live bright, joyful lives amid the city’s global tapestry, frequenting bars, exchanging clever

conversation, and fitting in with the cosmopolitan throng. They are urban men who identify as more American than Pakistani and are deeply established in their urban lifestyle.

However, the tragic events of the 9/11 attacks have disrupted this feeling of assimilation. After the incident, the sociopolitical scene shifts radically, with a wave of Islamophobia and discrimination spreading throughout America. Consequently, Chuck and his companions, formerly unnoticed in New York City, are being noticed because of their South Asian look and Muslim background. As a Muslim minority, they started being treated with discrimination and exclusion by the Americans, while also being set up as a part of the terrorist group inside America.

The novel has been examined by numerous literary studies that dealt with different thematic issues concerning Muslims, such as alienation and Othering (Pathan, Ahmed, 2019), terrorism (Rashid, Jabeen, Shahbaz, 2020), psychological borders (Ullah, Ahmad, Qazi, Rehman, 2021), Islamophobia (Hai, 2022), resisting neoliberalism (Shah, Sheeraz, 2022), marginalisation and resistance (Zaib, 2023), and disruption and multiculturalism (Aziz, Nadeem, 2024). This study, however, aims to explore the state of oppression experienced by the Muslim minority characters due to the American violence that had played a pivotal role in oppressing Muslims in post-9/11 attacks, as depicted in the selected novel. In the course of the analysis, this study applies the concept of violence and its related critical insights of oppression by the American political theorist Iris Marion Young (1949–2006). By using this concept, this study underscores the issue of the oppression of the identity of Muslim minority characters under the violence of the American society in the aftermath of the 9/11 attacks, as the issue of Muslim identity in post-9/11 literature has been a subject of many scholars who have explored different angles of this subject matter (Arslan, Yasin, 2021; Fakhrulddin, 2024; Hauso, 2020; Imtiaz, Azam, 2022; Wolfson, 2023), except the issue of oppressed Muslim identity who live under the violence of the American society. The scope of the present study is limited to Naqvi's depictions of the American violence and the oppression of Muslim minority characters in the selected novel and to the conceptual framework of violence and its related critical insights of oppression. The focus of the study is on how Naqvi depicts the oppressed state of Muslim minority characters amidst the violent American society.

Methodology

The concepts of oppression and violence are apparent in different literary works. Examples of oppression and violence exemplify many themes and techniques used by authors to unravel the lurking meaning of these concepts and how they influence the lives of minority groups in the host society. In literary studies, scholars identify the shape of oppression and violence in relation to the physical and mental aspects of the minority groups (Bashir, Aurangzeb, Bibi, 2022; Egya, 2020; Kuortti, Ruokkeinen, 2020; Manikome, Rombepajung, Lolowang, 2021; Nisa, 2023; Umeh, 2024). In both cases, oppression and violence cause dangerous

treatment of the minority groups and place them in vulnerable conditions. This study investigates the imagology, representation and cross-cultural encounters that stand for the impotent depiction of Muslim minority identity in Naqvi's novel *Home Boy*. This study attempts an in-depth analysis of the selected work, which includes a textual analysis methodology of the novel. The novel will be examined in light of the social approach by applying the concept of violence and its related critical insights of oppression by Young (1990). This study intends to focus on the analysis of the Muslim minority characters, which in turn helps in a better understanding of the state of Muslims' oppression that they face under the violence of the American society. A careful analysis of the selected work will establish the fact that the American society has developed an oppressive and violent power in controlling, humiliating and torturing the Muslim minority group and curbing their presence in the post-9/11 epoch. The analysis will also bring to light the fact of the vulnerable state of the Muslim minority group in America.

Analysis and Discussion

American Systematic Violence as an Imputes of Muslim Oppression

In her notable book, *Justice and the Politics of the Differences* (1990), Young connects violence to oppression, where she defines violence as a powerful means harnessed by the dominant group to impose their oppression on specific minorities who belong to specific groups in the society. This typical form of oppression uses physical attack or torture to persecute the minority groups in America: "<...> many groups suffer the oppression of systematic violence. Members of some groups live with the knowledge that they must fear random, unprovoked attacks on their persons or property, which have no motive but to damage, humiliate, or destroy the person. In American society women, Blacks, Asians, Arabs, gay men, and lesbians live under such threats of violence, and in at least some regions Jews, Puerto Ricans, Chicanos, and other Spanish-speaking Americans must fear such violence as well. Physical violence against these groups is shockingly frequent" (Young, 1990, p. 61).

Similarly, in Naqvi's *Home Boy*, the Muslim minority characters are being oppressed through acts of physical violence exerted upon them by American society after the terrorist attacks of 9/11, September 2001. This can be seen clearly through the situation of the Muslim protagonist Chuck facing a group of gangsters at one of the bars in New York City who insulted and beat him for no reason: "then there was a flash, like a lightbulb shattering, a ringing in my ears, the metallic taste of blood in my mouth. I didn't quite see the fist that knocked me flat on my back" (Naqvi, 2010, p. 24). Though Chuck is a Muslim, he enjoys his time at the bar like any other American. The act of physical violence by a group of American gangsters upon Chuck is an obvious example of the violence of the dominant group in the American society. The physical violence exerted by American society against Chuck is massive, as it leads to the complete obliteration of Chuck. That is, Chuck becomes devoid of his rights and social practices, and he cannot cope with the whole

oppressive society. As a rule of thumb, violence is a direct, vital tool to exert oppression against the Muslim minority group in all cases.

Young asserts that “the oppression of violence consists not only in direct victimisation, but in the daily knowledge shared by all members of oppressed groups that they are liable to violation, solely on account of their group identity. Just living under such a threat of attack on oneself or family or friends deprives the oppressed of freedom and dignity, and needlessly expends their energy” (1990, p. 62). Similarly, in the novel, the Muslim characters face the same situation. In the following textual evidence, Chuck expresses his fears over the endless violations and threats by the police officers who used to ‘target’ and check him ‘everywhere’ and ‘every corner’: “<...> there’s sadness around every corner? There are cops everywhere? You know, there was a time when a police presence was reassuring, <...> but now I’m afraid of the, I’m afraid all the time. I feel like a marked man. I feel like an animal. It’s no way to live. Maybe it’s just a phase, maybe it’ll pass, and things will return to normal, or maybe, <...> history will keep repeating itself” (Naqvi, 2010, p. 206).

In the above textual evidence, Chuck’s fears of the police officers’ threats and violations are indications of the violence of the American society that results in his oppression amidst the prevailing tyrannical culture of the Americans. The oppression that emerges against Chuck is due to his identity as a Muslim who belongs to a Muslim minority group. This is the severest form of oppression since it deprives the Muslim minority group of their rights, freedom and dignity.

Young argues that the concept of violence overlaps with the concept of cultural imperialism, which results in irrational violence between the minority group and the dominant group: “Cultural imperialism, moreover, itself intersects with violence. The culturally imperialised may reject the dominant meanings and attempt to assert their own subjectivity, or the fact of their cultural difference may put the lie to the dominant culture’s implicit claim to universality. The dissonance generated by such a challenge to the hegemonic cultural meanings can also be a source of irrational violence” (Young, 1990, p. 63).

To further connect Young’s view with our subject, once the Muslim minority group disagrees with the American dominant group, they become opposing and do not show any form of acceptance of the dominant American culture. Accordingly, the Muslim minority group becomes adverse towards any form of American imperialism and its dominant culture. In the long run, such adversity formulates violence between the Muslim minority group and the dominant American group, which ends up ultimately in the oppression of the Muslims. In the following textual evidence from the novel, Chuck comments on the violence of the American society at the time when he prepares reactionary acts against the Americans, as he no longer accepts the dominant culture of the American society by any means, saying that “when somebody hits you, you hit back” (Naqvi, 2010, p. 40). Here, the reactionary acts that Chuck prepares for show the violence of the dominant American culture, as his statement above reveals how he lives under the threats of the American society that inflicts violence upon him at any time. Chuck’s situation demonstrates

how the Muslim minority group lives in worse conditions under the dominance of the American society that inflicts violence on them. It further unveils their oppression as they are persistently inspected and controlled by a higher and mightier dominance called American imperialism that incarnates the concept of cultural imperialism and its oppression (Fakhrulddin, Bahar, 2022, p. 9; Fakhrulddin, Bahar, Zainal, Awang, 2023, p. 373). This can be seen in the following evidence spoken by Chuck: “you could feel it walking down some streets: people didn’t avert their eyes or nod when you walked past but often stared, either tacitly claiming you as their own or dismissing you as the Other” (Naqvi, 2010, p. 45). In this sense, the Muslim minority group faces violence and oppression by the dominant American imperialism.

Young furthermore debates violence in terms of injustice that can be induced through stereotypical images of minority groups (Young, 2010, p. 63). The Muslim minority group, of course, can be linked to Young’s discussion of the stereotypical images of these minorities. To explain, once the Muslim minority is portrayed in stereotypical ways by the Americans, unjust violence occurs against them. That is, they become vulnerable to several attacks just because the Americans see them as outsiders or terrorists. As such, stereotypes motivate American society to commit violence against the Muslim minority. In the following textual evidence from the novel, Chuck’s interrogation by a police officer, Grizzly, reveals such a situation:

Grizzly: You are a terrorist?

Chuck: No, sir.

Grizzly: You a Moslem?

Chuck: Yes, sir.

Grizzly: So you read the Ko-Ran?

Chuck: I’ve read it.

Grizzly: And pray five times a day to Al-La?

Chuck: No, sir. I pray several times a year, on special occasions like Eid (Naqvi, 2010, p. 113).

In the above textual evidence, the concept of violence lies in Grizzly’s depiction of Chuck in a stereotypical way as a ‘terrorist’. Here, violence can be begotten as a consequence of stigmatisation towards the religion of Islam and their followers, the Muslim minority, who are perceived as terrorists. The tendency of American society to create stereotypical images lies behind the rationalisation given to violence and deliberate injustice of the Muslim minority group. As a matter of fact, violence and injustice toward the oppressed Muslim minority group cannot be eliminated unless there is a “change in cultural images, stereotypes, and the mundane reproduction of relations of dominance and aversion in the gestures of everyday life” (Young, 2010, p. 63).

Conclusion

Through the textual analysis methodology and applying the selected conceptual framework to Naqvi’s novel *Home Boy*, this study has explored the issues of oppression that the Muslim minority group characters face by examining the

author's depictions of both violence and American society. Violence has been explored through the physical attacks and stereotypes that the Muslim character Chuck has experienced from the American society, which tortured and described him as a terrorist. Violence has also been explored through the dominance of American imperialism, which has played a crucial role in violating, subjugating and depriving Chuck of maintaining any form of power and sociocultural stability in the society. The acts of violence practised toward Chuck highlighted his vulnerable position and further revealed his oppression amidst the dominant American society. Therefore, it is safe to conclude that this study has demonstrated the systematic violence of American society as a motivation for the oppression of the Muslim minority group in the post-9/11 epoch. Future research can be done on the selected novel by applying the theory of post-traumatic stress disorder (PTSD) by the Austrian psychologist Sigmund Freud (1856–1939), which highlights the issue of Muslim characters' trauma related to violence.

References

- Abdelsalam, H.M. (2023). The immigrant experience in Yussef El Guindi's *Pilgrims Musa and Sheri in the New World*. *Egyptian Journal of Linguistics and Translation*, 11(1), 193–217. <https://doi.org/10.21608/ejlt.2023.215327.1037>
- Arslan, M., & Yasin, S. (2021). Post-9/11 resurgence of Muslim identity through the eyes of Mohsin Hamid's *The Reluctant Fundamentalist*. *Pakistan Journal of Multidisciplinary Research*, 2(1), 137–152.
- Aziz, S.K., & Nadeem, F. (2024). H.M. Naqvi's *Home Boy*: A socio-cultural conflict analysis in the context of disruption and multiculturalism. *Pakistan Journal of Humanities & Social Sciences*, 12(1), 474–490. <https://doi.org/10.52131/pjhss.2024.v12i1.1811>
- Bashir, M., Aurangzeb, S., & Bibi, A. (2022). Traumatic elements of oppressed black American: Micro-aggression in Colson Whitehead's *The Nickel Boys*. *PAL Arch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*, 19(3), 707–717.
- Bujupaj, I. (2016). Parents and daughters in two novels by Arab American authors: “Khalas, Let Her Go”. *Anafora-Časopis za Znanost o Književnosti*, 3(2), 185–209.
- Egya, S.E. (2020). *Nature, Environment, and Activism in Nigerian Literature* (1st Ed.). Routledge.
- Fakhruddin, S.R.N. (2024). From the oppression of patriarchy and inferiority to freedom: The reconstruction of Muslim women's selfhood in *Brick Lane* by Monica Ali. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 7(8), 29–32. <https://doi.org/10.32996/IJLLT.2024.7.8.4>
- Fakhruddin, S.R.N., & Bahar, I.B. (2022). Social oppression and American cultural imperialism: The crisis of the Muslim minority groups' identity in *Terrorist* by John Updike. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 11(1), 1–10. <https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.11n.1p.1>
- Fakhruddin, S.R.N., Bahar, I.B., Zainal, Z.I., & Awang, M.E. (2023). Unearthing the social oppression of Muslim identity under American imperialism in *The Submission* by Amy Waldman. *International Journal of Arabic-English Studies*, 23(1), 361–376. <https://doi.org/10.33806/ijaes2000.23.1.19>
- Hai, A. (2022). H.M. Naqvi's *Home Boy* as a response to post-9/11 Islamophobia and as implicit critique of Mohsin Hamid's *The Reluctant Fundamentalist*. *Ariel: A Review of International English Literature*, 53(3), 113–147. <https://doi.org/10.1353/ari.2022.0028>

- Haider, A.S., Al-Salman, S., & Al-Abbas, L.S. (2021). Courtroom strong remarks: A case study of the impact statements from survivors and victims' families of the Christchurch Mosque Attacks. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 35, 735–770. <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09872-4>
- Hauso, A.R. (2020). *Muslim Otherness in Post-9/11 Novels: A Postcolonial Outlook on the Fictional Representation of Muslim Otherness in Post 9/11 Novels* [Master's Thesis]. University of Agder. <https://uia.brage.unit.no/uia/xmlui/handle/11250/2681317>
- Imtiaz, U., Azam, Sh., & Mudasser, S. (2022). Clash of civilisations in post 9/11 world: Portrayal of Muslim and non-Muslim characters in *Falling Man*. *Journal of Positive School Psychology*, 6(9), 896–910.
- Jardina, A., & Stephens-Dougan, L. (2021). The electoral consequences of anti-Muslim prejudice. *Electoral Studies*, 72(3), 102364. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102364>
- Khalid, A., Rehman, F.U., Saddique, Z., Ruqaiya, U., & Ilyas, M.Z. (2023). Relinking structural violence: Social discrimination in Mohsin Hamid's *The Reluctant Fundamentalist*. *Journal of Survey in Fisheries Sciences*, 10(2S), 3250–3263.
- King, S. (2020). *Make Change: How to Fight Injustice, Dismantle Systemic Oppression, and Own Our Future*. Houghton Mifflin.
- Kuortti, J., & Ruokkeinen, S. (Eds.). (2020). *Movement and Change in Literature, Language, and Society*. Academia.
- Majaj, L.S. (2008). Arab-American literature: Origins and developments. *American Studies Journal*, 52(2). <http://www.asjournal.org/52-2008/arab-american-literature-origins-and-developments/#>
- Manikome, M., Rombepajung, P.A., & Lolowang, I.S. (2021). Violence against African-American slaves as seen in Solomon Nothup's *Twelve Years a Slave*. *SoCul: International Journal of Research in Social Cultural Issues*, 1(6), 363–373. <https://doi.org/10.53682/soculijrcsscli.v1i6.4336>
- Naqvi, H.M. (2010). *Home Boy*. Harper Collins Publishers.
- Nisa, A.A. (2023). *Oppression Experiences by Female Characters in Susan Abulhawa's The Blue Between Sky and Water Novel (2015)* [Bachelor's Thesis]. UIN Syarif Hidayatullah Jakarta. <https://repository.uinjkt.ac.id/dspace/handle/123456789/78770>
- Pathan, I., & Ahmed, H. (2019). Alienation and Othering in post 9/11 American society: A Study of HM Naqvi's *Home Boy*. *SSRN*, 1–7. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4038644>
- Peek, L. (2011). *Behind the Backlash: Muslim Americans after 9/11*. Temple University Press.
- Rashid, A., Jabeen, S., & Shahbaz, S. (2020). Re-writing Muslim identity and self against Western discourse of terrorism in Naqvi's *Home Boy*. *Sir Syed Journal of Education & Social Research (SJESR)*, 3(2), 68–75. [https://doi.org/10.36902/sjesr-vol3-iss2-2020\(68-75\)](https://doi.org/10.36902/sjesr-vol3-iss2-2020(68-75))
- Samaie, M., & Malmir, B. (2017). US news media portrayal of Islam and Muslims: A corpus-assisted critical discourse analysis. *Educational Philosophy and Theory*, 49(14), 1–16. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1281789>
- Shah, A.M., & Sheeraz, M. (2022). Resisting neoliberalism: A study of HM Naqvi's *Home Boy*. *Pakistan Journal of Social Research*, 4(2), 683–693.
- Strmic-Pawl, H. (2020). *Understanding Racism: Theories of Oppression and Discrimination* (1st ed.). SAGE Publications.
- Ullah, I., Ahmad, S., Qazi, M.H., & Rehman, H.J. (2021). Essentialist borderlands, monolithic Othering and migrated locales: Analysis of HM Naqvi's *Home Boy*. *Pakistan Journal of Society, Education & Language*, 7(2), 22–35.
- Umeh, D.N. (2024). Patriarchy and oppression: A study of Chinua Achebe's *Things Fall Apart* and Buchi Emecheta's *Second Class Citizen*. *Nigerian Journal of Arts and Humanities (NJAH)*, 4(1).
- Wolfson, R. (2023). (Mis)Reading in the age of terror: Promoting racial literacy through counter-colonial narrative resistance in the post-9/11 Muslim novel. *College Literature: A Journal of Critical Literary Studies*, 50(2–3), 237–267.

Young, I.M. (1990). *Justice and the Politics of Difference*. Princeton University Press.

Zaib, A. (2023). Marginality as a site of resistance: Disrupting and challenging the status quo in H.M. Naqvi's *Home Boy*. *Euroasian Journal of English Language & Literature*, 5(2), 50–75.

Bio note:

Saif Raed Nafia Fakhruddin, PhD in English Literature, Lecturer of English Literature, Department of Translation, College of Arts, University of Wasit, Kut, Wasit, Iraq. ORCID: 0000-0002-0350-711X. E-mail: snafia@uowasit.edu.iq

Сведения об авторе:

Фахруддин Саиф Раед Нафия, кандидат наук по английской литературе, преподаватель английской литературы, кафедра переводоведения, факультет искусств, Васитский университет, Ирак, Васит. ORCID: 0000-0002-0350-711X. E-mail: snafia@uowasit.edu.iq

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-558-570

EDN: AWRLKN

UDC 82.09:504:32

Research article / Научная статья

Whose Water? A Critical Analysis of Climate Change, Hydropolitics and Environmental Justice in the Indian Graphic Novel *All Quiet in Vikaspuri*

Rahamath Nisha S , S. Horizan Prasanna Kumar

Department of English and Foreign Languages, College of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, India
 nishanitz14@gmail.com

Abstract. This study explores the role of Indian literature in addressing socio-political and environmental issues with a primary case study of Sarnath Banerjee's graphic novel *All Quiet in Vikaspuri* and investigates how the novel employs narrative fiction to expose not only several interlocking factors contributing to water scarcity and destruction of habitat but also an array of political projections. This novel is deeply questioning the critical issues of population control, environmental justice and economic restructuring. Employing qualitative literary analysis, the research delves into how the novel critiques socio-political structures and underscores the need for urgent changes to prevent further environmental degradation and human suffering. The findings reveal Banerjee's novel urges readers to reflect on their role in the environment, far beyond mere entertainment. The novel disrupts global paradigms, questions established socio-political ideas and proposes a new horizon for life on Earth with full responsibility in respecting our environmental boundaries while pursuing social justice. The study finds that texts such as *All Quiet in Vikaspuri* are important environmental education and advocacy tools inspiring readers to imagine and implement a sustainable society. This research urges for a more inclusive understanding and enactment of sustainable solutions across all the ecologic-social nexus.

Keywords: novel, author's image, concept, interpretation, narrative, genre, composition

Author's contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Rahamath Nisha S; manuscript writing & editing – S. Horizan Prasanna Kumar. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Nisha S, R., & Kumar, S.H.P. (2025). Whose Water? A Critical Analysis of Climate Change, Hydropolitics and Environmental Justice in the Indian Graphic Novel *All Quiet in Vikaspuri*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 558–570. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-558-570>

© Nisha S R., Kumar S.H.P., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Чья вода? Критический анализ изменения климата, гидрополитики и экологической справедливости в индийском графическом романе «В Викаспури все спокойно»

Рахамат Ниша С , С. Хоризан Прасанна Кумар

Кафедра английского и иностранных языков, Инженерно-технологический колледж, Институт науки и технологий SRM, Каттанкулатур, Индия
 nishanitz14@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роль индийской литературы в решении социально-политических и экологических проблем на примере графического романа Сарнатха Банерджи «В Викаспури все спокойно». Исследуется, как используется повествовательная фантастика, чтобы выявить не только взаимосвязанные факторы, способствующие нехватке воды и разрушению среды обитания, но и ряд политических прогнозов. Роман ставит под сомнение важнейшие вопросы контроля рождаемости, экологической справедливости и экономической реструктуризации. Качественный литературный анализ показывает, как критикуются социально-политические структуры, подчеркивается необходимость срочных изменений для предотвращения экологической катастрофы и человеческих страданий. В результате можно сделать вывод, что Банерджи призывает задуматься о своей роли в сохранении окружающей среды, выйдя за рамки простого развлечения. Роман разрушает глобальные парадигмы, ставит под сомнение устоявшиеся социально-политические идеи, пропагандируя полную ответственность за жизнь на Земле, уважение экологических границ и стремление к социальной справедливости. Такие тексты, как «В Викаспури все спокойно», являются важными инструментами экологического образования и пропаганды, вдохновляющими читателей на создание и реализацию устойчивого общества, призывающими к более инклюзивному пониманию и принятию устойчивых решений во всех эколого-социальных связях.

Ключевые слова: роман, образ автора, концепция, интерпретация, повествование, жанр, композиция

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Рахамат Ниша С; написание и редактирование рукописи – С. Хоризан Прасанна Кумар. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Nisha S, R., & Kumar, S.H.P. Whose Water? A Critical Analysis of Climate Change, Hydropolitics and Environmental Justice in the Indian Graphic Novel *All Quiet in Vikasपुरи* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 558–570. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-558-570>

Introduction

One of the densest countries in terms of demography, India, is inching towards more challenges revolving around its water. The long-term consequences of climate change along with uneven regional distribution have made an unequal access to

water sources even worse, and this has caused far lesser reserves than ever before as well as intensifying socio-economic disparities. This in turn engenders what is called Hydropolitics, linking together contested issues of control and exploitation of the waters to a myriad political, economic and social injustice. The highest stakes are for industries and agriculture – they depend on the country's key river systems: Ganges, Yamuna and Brahmaputra. The culture of the people found within, besides its economy – these rivers are lifeblood for India, a hugely populous nation. However, they are burdened as never before, and people feel the knock-on effect. This suggests that approaches to water governance in India are complex and multi-pronged, necessitating a continuous process of reviewing & tweaking strategies that can be drawn up based on evolving challenges. The at most cause of resistance is originally found due to these natural resources, which include water disputes prevailing not only as disparities between the local but also at state-based international relations. Several states across the country have had water wars and woes, among which the Cauvery River dispute between Tamil Nadu and Karnataka is one of the most fiercely contested over decades. This controversy serves as an apt demonstration of the challenges in governing water resources collectively, which are usually followed by prolonged and bitter conflicts because common people stake their claims (Puthucherril, 2022, pp. 1–73). To mitigate these challenges, the Inter-State River Water Disputes (IRWD) Act was enacted by Indian government in 1956. The Act was enacted to give a legal basis for the obtaining of water from rivers flowing through more than one State. Though the Act has seen several amendments over time, a major intervention by none other than Supreme Court came in 2016 but the usefulness of it to act as an instrument for resolving water conflicts is not that huge. The problems at a structural level are too deeply entrenched in historical injustices, regional imbalances and the existence of diffuse multi-sectoral (and cross-regional) interests. This has left water management in India victim to constant quibbling and mutual acrimony. The repercussions of this feud have had a material impact on our social-economical stability.

The distressed climate due to the threatening sign of global warming does not help, changing weather patterns only worsens rainfall variability making situation worse for water stressed state like most parts in India are. Monsoons, the lifeline for much of India have failed in recent years and weather patterns are volatile with droughts being severe in some parts while floods occur increasingly elsewhere. Water availability, especially in arid regions that are severely water-stressed and experiencing non-seasonal shifts in rainfall patterns. This has in turn turned into a water crisis that prevails through most part of the country distressing agricultural productivity, food security and aggravating socio-economic disparities (Matin et al., 2018, pp. 197–205). The water resources of climate change do not focus solely on quantity; it also affects that in any aspect. There has been widespread destruction of water bodies due to the pollution caused by industrial wastes, discharge of human sewage and increasing agricultural dispel. Millions of people already depend on the nearly dead Ganges River, which is considered sacred in Hindu culture but increasingly defiled by human waste and industrial contaminants. While there have been some attempts to tackle these issues. However, efforts by the Indian government

to address these issues, such as the ‘Namami Gange’ project of cleaning up the holy River Ganges has faced major hurdles. But it has not been implemented in a uniform way and there have been disparate results that simply illustrate the challenges associated with trying to manage such gigantic environmental remediation (Mathur, 2020, pp. 54–64). It is more of a social and economic challenge that endangers the existence of millions, just as an environmental aspect.

According to NITI Aayog’s report, over 600 million people will be under high water stress in India by the year 2030 while cities like Mumbai, Jaipur, Lucknow and Chennai are already facing acute water scarcity (Ghosh, 2021, pp. 131–38). The decline in groundwater, which supplies more than half of urban and rural areas with drinking water, seems to be a worrying point (Sengupta, 2019). Water scarcity in India has a broader impact on national economic growth. Agriculture, the backbone of the Indian economy along with industry, energy generation and domestic use requires water. Ineffective water management threatens to cripple economic growth, perpetuate poverty and increase social inequality. Water scarcity can also result in intra- and inter-community, state, or even nation-state conflict as it increases conflict for a scarce resource. With these challenges comes an urgent necessity for the development of resilience strategies that consider the intricate and inter-linked forces driving water scarcity. Those strategies must also be supported by sound overarching development plans that focus on the effective use of water resources as related to climate change. This calls for a move towards integrated water management that acknowledges the linkages among multiple human uses of water as well as the complexity in governing and managing such an important natural resource. Figure 1 illustrates the feedback loop between poor water governance, environmental degradation and social inequalities, underscoring the need for comprehensive management reforms.

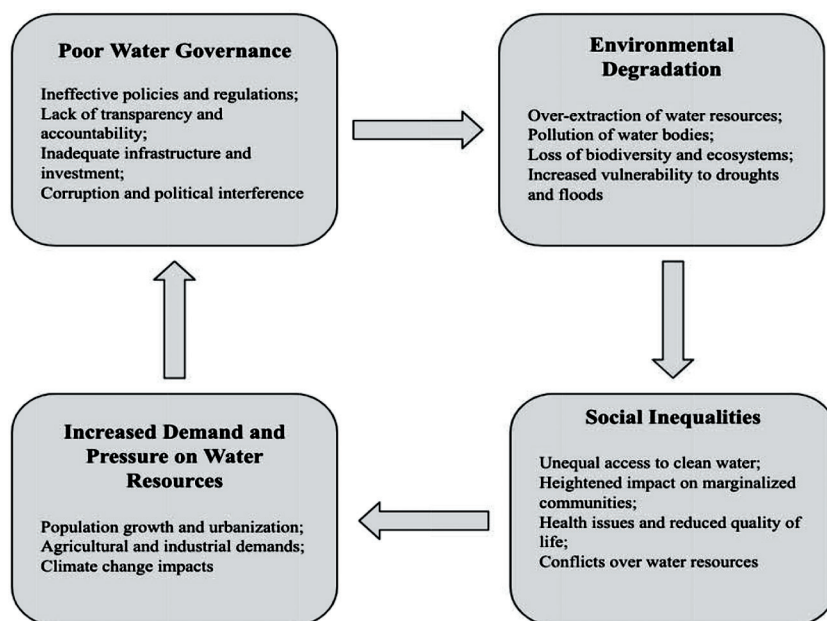

Figure 1. Feedback Loop of Poor Water Governance and Environmental Degradation

Source: created by Rahamath Nisha S, S. Horizan Prasanna Kumar.

Research on water conflicts in India should consider an inter-disciplinary lens and include social, economic, political as well environmental aspects of water management. Specifically, we need to explore our historical legacies and governance agendas that prefigure current practices alongside the power structures around water (Mustafa, 2007, pp. 484–501). These insights can help identify viable and sustainable water management strategies, benefiting all in the country. This calls for an inclusive process, where states participate together with their citizens in making decisions.

The water crisis of India is a complex ecosystem level issue which needs immediate solutions. Rapid climate change, growing national population and excessive industrialization are taxing the water economy in a way that has led to depleting reserves nation-wide, as well inequality. Water scarce countries are particularly vulnerable to lack of clean water for drinking, washing and hygiene in the time of COVID-19. The current unprecedented public health crisis further underscores the urgent need for effective water governance, together with innovative and integrated approaches to managing our limited freshwater resources sustainably. Interdisciplinary research and integrated water management strategies can tackle the issues of water scarcity in India to make sure that its water resources are set up for sustainable development, aligned with equitable growth objectives.

Results and Discussion

Political Ecology and Water Scarcity in All Quiet in Vikaspuri

Political Ecology may be defined as the study on how power relations, economic processes, and social disparities rule the use of natural resources. As such, the topic cuts across various disciplines and provides the framework for analyzing the relationships between environmental issues and politico-social stakeholders. In this regard, such effects could not result from the conservation virtue, as portrayed by Banerjee. It is evident that he has based his story on the negative aspects associated with the water crisis – the recurring scenario. Moreover, he has decided to bring the scenario during dystopian life in the modernist Delhi. The above-described approach demonstrates how the socio-political characteristics led to resource allocation disparities (Greenberg and Park, 1994). Figure 2 represents the relationships between power structures, economic systems, and environmental degradation as discussed in the novel.

All Quiet in Vikaspuri is a graphic novel that discusses the impacts of water scarcity in a negative socio-economic manner. It challenges the current political and economic structures as water crisis is the recurring theme that disrupts urban life (Gupta, 2018, pp. 144–58). All the scientific illustrations have vividly described the effects of the commodity scarcity on the ordinary citizen, who is the classic victim. Moreover, the privatization of the resource has sustained class differences and aspects of environmental conservation. The industry has been criticized for consuming an enormous quantity of water as Banerjee mocks it by saying “mining is a thirsty business” (Banerjee, 2015, p. 11). The author has decried the industry and other organizations’ activity, echoing the environmental justice components

concerning commodity marginalization. This narrative extends comics studies to urban discourse by offering insights into urban inequities and social justice concerns (Sarkar and Bhattacharya, 2022, pp. 697–717). The novel also discusses intersectionality of environmental justice with development by investigating how gendered relations are impacted in the face of water crisis (Madan, 2018, pp. 125–143). The plot of *All Quiet in Vikaspuri* is about Girish, a plumber with some psychic talents who goes on the search for The Saraswati. The novel takes place in a dystopian Delhi where the crisis for water has drained away at its very part of being a society. The title ‘All Quiet in Vikaspuri’ reflects the timbre of much deeper meaning and ‘Quiet’ representing a chilling silence of dry taps. That silence is a metaphor to that of the water which is gone in Delhi. Through Girish’s journey, Banerjee highlights poor urban planning and the catastrophic effects of privatization practices, also elucidates how absurd water withdrawal is contributing to this crisis.

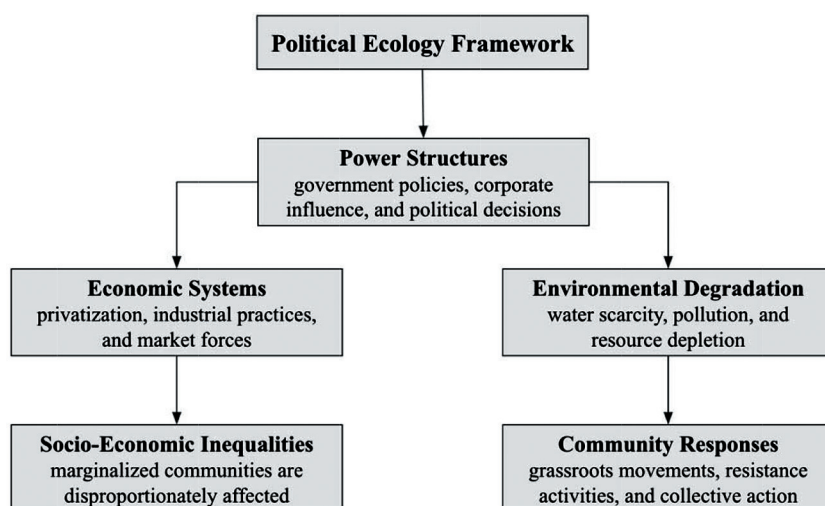

Figure 2. Political Ecology Framework in *All Quiet in Vikaspuri*

Source: created by Rahamath Nisha S, S. Horizan Prasanna Kumar.

There is also a broader critique on display in the novel of neoliberal urbanization, including an examination of exactly how profit trumps people, particularly concerning public infrastructure. For Banerjee, the resistance against these policies involves communities organizing for holding group meetings in response to water scarcity. Through a narrative that uses mythical symbolism as well as many languages, Banerjee invites readers to contemplate what it means to create cities and manage resources ethically. It is a persuasive case in how literature can make us lean towards community, collaborative solutions are what the world need to tackle environmental change, and it makes a reader think about his place in promoting sustainability and social justice.

From a political ecology lens, Banerjee’s *All Quiet in Vikaspuri* delves into the psychological and cultural consequences of ecological crises. In the world of novel, cultural ways and practices are tested by scarcity, like a reality where food is hardly available leading them to search for sustenance resulting in poverty-stricken society

struggling against psychological impacts due ecological disturbance. Not only does this approach critique the status quo, but it also helps us to imagine an alternative future where communities are able to flourish by embracing more just and sustainable forms of environmental governance. Emphasizing community resilience and collective action, Banerjee went on to provide a sequence that supports an original environmental justice logic whereby there is arguing for the wellness of all citizens, particularly those most subject to climate change and resource depletion.

In *All Quiet in Vikaspuri*, Banerjee uses visual storytelling to ensure that imagining connections of readers with natural resources and metropolitan environments is seen as central.

The novel, with its intricate portrayal of characters and captivating imagery paints a vivid picture of the true nature behind urbanization-driven economic development at the cost of environmental sustainability. Urban life is upended by water scarcity, while environmental damage recasts the social underpinnings of development myths that pass as incontestable. The novel illustrates community responses and resistance acts of marginalized groups that emphasize the urban futures they help create even in a dystopia riddled with systemic limitations and natural destruction. While this interdisciplinary storytelling does more than a great contribution to urban studies, environmental justice and calls for additional research on the ethics of planning. Reading Banerjee today challenges us to think about what role ordinary citizens and stakeholders have in creating a sustainable city that also seeks an egalitarian urbanism. This critique of failed urban planning and governance in the capital, especially as concerned with water management is part of what makes this novel a strong one. No safe passage Banerjee raises several other aspects including water pollution, theft and the impact on poor residents in Patna where corporatization largely sank everything else.

The novel probes into subjects that are no less than a war itself and is reflective of the political turbulence in Delhi during its ruling by Arvind Kejriwal, brought to power with great public elation as well as skepticism. The book also shows how industrial accidents, pollution, overpopulation and the class divide in South Delhi compound to create a living context conducive for water crisis that renders life unbearable on daily basis for residents of the city. Banerjee offers a critique of what is happening by saying this is not just about water scarcity, it's also something related to governance (Connor, 2015). Banerjee concludes the book with a potent image of an empty plate, representative for real change in hunger's wake. What a poignant reminder of the price we pay for environmental destruction and how immediate those measures need be. With this chilling image, Banerjee also highlights the necessity of addressing the underlying causes of effort and implement sustainable improvements which always ensures relief for everyone. In this way, the novel holds itself up as both a warning and almost a manual for how to prevent such collapse, essentially asking readers if they are going to be responsible enough to live in cities that wont transform into 'Captive Cities'.

Banerjee uses multiple point of views to illustrate the frictions caused by water scarcity. The integration of his narrative in global discourses on environmental

justice and water management also highlights, yet again, how the local is a microcosm for the larger scheme of things that include most parts of this interconnected planet (Boast 2020, p. 76). Banerjee documents how the global competition for diminishing water resources is a very local issue although also appears to have an even larger more positional significance. Central to these narratives is the psychological fallout of inhabiting a global landscape where water, once presumed infinitely abundant now functions as an industrial commodity. Characters navigate an environment whose hostility leaves a distinct emotional toll. Understanding this psychological dimension is essential if we hope to comprehend the magnitude of the disaster in its entirety, as it speaks directly to what human deprivation really feels like and how vulnerable, when converted into a commodity that characterizes all primary goods (McLeman, 2013).

All Quiet in Vikaspuri by Banerjee is a scathing narrative of how private interests with massive influence have made Delhi's water woes worse. In doing so, Banerjee critiques the narrative of economic development by revealing the ecological disasters and social marginalization bound up in it. He gives the example of how economic gains usually increase at environmental and social cost, making clear it only exacerbates existing disparities. In that sense, the novel becomes a mirror, because it reflects to society in general what are we doing when profit comes before people and ecosystems (Daiya, 2018, pp. 3–10).

Fiction to Real-Life Socio-Political Implications

The issue of water scarcity is not confined to reality alone; it is also a significant theme in fictional works that reflect real-world concerns. For instance, *Weathering With You*, a 2019 Japanese film's portrayal of excessive rain disrupting daily life mirrors the broader implications of water management and scarcity in urban settings like Tokyo (Amzah et al., 2023, pp. 285–307). This cinematic depiction can be likened to the situation in Banerjee's *All Quiet in Vikaspuri* where water scarcity serves as a central narrative device, underscoring the socio-political ramifications of resource mismanagement. Additionally, the film's narrative of characters attempting to control weather conditions reflects a broader human desire to mitigate climate change impacts, including water scarcity issues (Amzah et al., 2023, pp. 285–307). Similarly, Banerjee's novel highlights the desperate measures that societies may resort to when facing severe environmental crisis, reinforcing the urgent need for equitable and sustainable water policies. Water injustices act as an indicator of diminishing democratic values and the need for more equitable governance (Fioret, 2023). Fioret's linear argument structure explores various philosophical frameworks, and his focus on the broader social and political harms beyond mere distribution issues (Siefert, 2024, pp. 120–23). Power inequities must be addressed through the active inclusion of diverse voices and perspectives in resilience-building processes to achieve equitable outcomes. This inclusivity engages transformative impacts, which ensure not only the rights-based resilience are facilitated but also in vulnerable communities (Matin et al., 2018, pp. 197–205).

Banerjee stresses the need for communication, collaboration and conflict resolution processes to manage these tensions effectively. Evidence-based examples which demonstrates that cooperation and shared management practices among nations can alleviate water conflicts. Such mutual activities as co-operative management and conservation projects are necessary for sustainable water resources utilization (Chellaney, 2015). For instance, shared water infrastructure projects of dams and irrigation among downstream countries can increase the supply as well as quality of their water resources which potentially promotes regional stability and collaboration. Typical of many environmental injustices in the world we see multiple communities gathering and fighting to save their environment demanding fair development. *All Quiet in Vikaspuri* is an example of one such grassroots response.

Attention to leadership, community empowerment and inclusive development approaches can motivate mainstream movements demanding equitable environmental policies and practice in real-world settings. What that does, in turn, is it makes the legislators more inclined to pass broadly inclusive policies that can deal with near-future crises like water shortages (Hill, 2017, pp. 827–843). The fictional narrative in *All Quiet in Vikaspuri* is a microcosm of those larger socio-political trends and demonstrates how community dynamism can act as an effective counter to state-governmental failure. The storyline calls for strategies that enable marginalized communities to push for environmental justice and their rights, through the policymakers as well as different stakeholders. *All Quiet in Vikaspuri* also echoes the cry of many environmental movements across the world where communities stand to protect their environment and livelihoods. He paints community in a positive light and the importance of collectively working towards social and environmental justice. It is not just the portrayal of a dystopia in fiction, but rather an exclamation mark that seeks to alert readers and get them to realize their own capacity for creating change within community. And yet the story of *All Quiet in Vikaspuri* reveals that however dilatory government action might be, civic initiatives can force our leaders to answer for inadequacies. This discussion of Banerjee's influence as a fictional writer on socio-political outcomes raises questions about the ways in which fiction might motivate concrete real-world activism and spur policy evolution. *All Quiet in Vikaspuri* is a compelling exploration of the potential pollution and political transition related to water scarcity. The novel reveals the urgent requirement for governance in a collective and community-wide context, where inclusive decision-making can pave way to address this environmental injustice. By intertwining fiction and reality, the novel stands as an example to warn us of how our world should start stepping out to solve environmental issues happening which are socio-politico-oriented.

Hydropolitics and Governance in India: Perspectives from Indian Writing

With the enormous diversities in hydrological landscapes and governance systems, there is an important area of research that Indian hydropolitics offers. With a rich tapestry of literature across Indian genres and perspectives on hydropolitics and governance it would have provided an interesting flavor to understanding these

issues. Thus, the water resources of India – they range from monsoon-fed rivers to those perennials in nature with a variety of climatic regions and landscapes – offers a vast expanse for hydropolitics. To also educate citizens on the vast socio-economic implications that water-triggered internal displacement has in local communities, moreover their intersections with broader environmental outcomes of water management policies – some literary works exaggerated their themes or elements.

In Indian literary space, hydropolitics incorporates cultural narrations with political and environmental dimensions. In his graphic novel, *All Quiet in Vikaspuri*, for example, Sarnath Banerjee illustrates a dystopic world where water scarcity play, an increasing role. The fast-paced fiction is written against the backdrop of India's endeavors to modernize its water resources whilst capturing some nuances in governance especially with regards on how scarce resource like water can be balanced between allocation and sustainability. For example, he shows the rural version of governments response to water scarcity – a fictional scheme called *Girish Jal Vitaran Yojana* (Girish Water Distribution Policy), attempting make, water distribution fair. All this just show the nitty-gritties of real-world problems that India is facing in water resources management – access and sustainability (Banerjee 2015). Indian literature further stresses how some of the country's major rivers like Ganges, Yamuna and Brahmaputra are culturally as well as spiritually significant. Making them virtually sacred to a civilization that is more defined by these rivers than large parts of the world outside of India it has influenced since the dawn of modern history. Water is also a ubiquitous symbol of collective memory and social values, themes that are frequently integrated by authors as they emphasize water beyond its instrumental role. This vivid depiction highlights the versatile nature of water in every day Indian life, being one part, sustenance and two parts symbolic: purity or godly reverence. In addition, Indian writers critique the role of courts and state governments – as well as government-run regulators like Central Water Commission – in both resolving water disputes among states and generally managing its shared resources. These institutions are shown to be crucial in the conservation of atmosphere, even handed distribution of water and shaping infrastructure. On the other hand, how these systems in some cases are unproductive for progress and can also cause bureaucracy or political corruption (Iqbal, 2015, pp. 25–28). The literature often considers grassroots movements, socio-economic disparities and community responses to water crisis highlighting the wider implications of hydropolitics in India.

Indian novels deal with water scenarios varies from extinction of societies to transformation following a collapse and apocalypse in socio-political dynamics and their stories are cautionary ones, reminders of the dangers that come with not caring about our environment and failing to receive good governance. Non-fiction, in contrast, deal more heavily with environmental impacts on the real world, community responses or policy efficacy at addressing water-related crises. This dual focus on hydropolitics and mythscapes; speculative and factual discourses not only enable Indian literature to access the complex value systems intertwined with them, but also ensures an understanding of the layered realities surrounding these prolonged

conflicts. In Indian discourses on hydropolitics, the entanglement of environmental considerations with cultural storytelling and a particular form of governmental critique creates a complex view not only related to India's water governance challenges. This interdisciplinary perspective not only furthers our understanding of the environmental sustainability and human well-being at stake, but also expands those aligned to discussions on water governance in India. This means that through speculations based on varying levels of fiction and non-fiction, Indian literature calls upon a heterogeneous readers to participate in the discussion about how water is managed in India. Indian literature is integral in understanding the complexities of hydropolitics and governance in India. Comprising a mosaic of cultural, environmental and political narratives, these writings offer approaches into some of the struggles and successes India endures to manage its water resources. In expanding across the intersections of hydrology, governance and society these works have been essential to a wider argument about environmental sustainability in India.

Conclusion

Indian fictions such as *All Quiet in Vikaspuri* explore the nuanced relationship between social and political dynamics of climatic advance impacts. More than just a story, narratives like these offer an in-depth look at the trade-offs every human must make between desires and limitations – ultimately functioning as cautionary narratives for today. Sarnath Banerjee's graphic novel is perceived as reflective to balance between resource allocation and social equity built upon the critical challenges of our times. One of the prominent features in this novel is how it looks beyond mere entertainment value and prompts readers to think carefully. By doing so, it effectively motivates and educates its readers to take their individual or collective responsibilities as the stewards of Earth into consideration. The study elaborates on Sarnath Banerjee's critique of the societally debilitating effects by resource depletion and water scarcity, thus underpinning the need for a sustainable solution. In using this qualitative analysis, the relationship between worlds of fiction and real-world action is explored – to help readers think through how a literary imagination can come into play with its politics. What is new about Banerjee's work, however, is the way it weaves a compelling narrative together with a call for action. *All Quiet in Vikaspuri* infuses local narrative with an awareness of pressing environmental issues, the novel asks readers to reflect on their stewardship and alter behavior for a sustainable legacy that lasts beyond. The novel critiques existing socio-political structures, as well as envisions a society whose policies and social norms are such that environmental care and justice is central.

This way of narrative leads the novel into a social realist mode, encouraging readers to do something serious about environmental conservation. The narrative shows how storytelling can act as the driver for meaningful action and public policy, being a form by which good conscience creates ripple effects of sustainable practices. Burning up encourages readers to attract the stories of these characters and develop into protectors for a planet on which environmental limits are revered,

where radical transformation is welcome. In this way, *All Quiet in Vikaspuri* and other Indian writings offer not just a critique of the present-day environmental imaginations, they also provide templates around which to conjure new futures. They add to the larger narrative of sustainability by calling for comprehensive solutions that can encompass all aspects from ecological and social elements related to climate change. They harness the power of storytelling inspiring a global movement for climate justice that will remain on this planet well into future generations.

References

- Amzah, N., Ismail, H., & Ng, L.S. (2023). Climate Change in the Movie Weathering with You-Critical Discourse Analysis of Environmental Issues. *3L: Language, Linguistics, Literature The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 29(3), 285–307. <https://doi.org/10.17576/31-2023-2903-20>
- Banerjee, S. (2015). *All Quiet in Vikaspuri*. Harper Collins.
- Boast, H. (2020). The Water Wars Novel. *Humanities*, 9(3), 76. <https://doi.org/10.3390/h9030076>
- Chellaney, B. (2015). *Water, Peace, and War: Confronting the Global Water Crisis Paperback*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Connor, R. (2015). *The United Nations World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World*. UNESCO Publishing.
- Daiya, K. (2018). South Asia in Graphic Narratives. *South Asian Review*, 39(1–2), 3–10. <https://doi.org/10.1080/02759527.2018.1514131>
- Fioret, C. (2023). *The Ethics of Water: From Commodification to Common Ownership*. Bloomsbury Publishing.
- Ghosh, P. (2021). Water Stress and Water Crisis in Large Cities of India. In Yu. Himiyama, S. Anand (Eds.), *Advances in Geographical and Environmental Sciences* (pp. 131–138). https://doi.org/10.1007/978-981-15-8237-0_11
- Greenberg, J.B., & Park, T.K. (1994). Political Ecology. *Journal of Political Ecology*, 1(1), 1–12. <https://doi.org/10.2458/v1i1.21154>
- Gupta, S. (2018). Sarnath Banerjee's *All Quiet in Vikaspuri* as Text/Image Activism and Cli-Fi. *South Asian Review*, 39(1–2), 144–158. <https://doi.org/10.1080/02759527.2018.1509549>
- Hill, D.P. (2017). The Discursive Politics of Water Management in India: Desecuritising Himalayan River Basins. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 40(4), 827–843. <https://doi.org/10.1080/00856401.2017.1380576>
- Iqbal, A.R. (2015). Inter-States water sharing: A case study of hydro-politics in India. *Margalla Papers*, 19(1), 25–38.
- Madan, A. (2018). Slow Violence and Water Racism in Sarnath Banerjee's *All Quiet in Vikaspuri*. *South Asian Review*, 39(1–2), 125–143. <https://doi.org/10.1080/02759527.2018.1509548>
- Mathur, A. (2020). Namami Gange Scheme – A Success or mere propaganda? *GLS Law Journals*, 2(2), 54–64. <https://glslawjournal.in/index.php/glslawjournal/article/download/30/39>
- Matin, N., Forrester, J., & Ensor, J. (2018). What is equitable resilience? *World Development*, 109, 197–205. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.04.020>
- McLeman, R.A. (2013). *Climate and Human Migration*. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139136938>
- Mustafa, D. (2007). Social Construction of Hydropolitics: The Geographical Scales of Water and Security in the Indus Basin. *Geographical Review*, 97(4), 484–501. <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2007.tb00408.x>
- Puthucherril, T.G. (2022). Water Federalism, Tribunalization of Water Justice and Hydro-Politics: India's Inter-State River Water Disputes Act at 65 Years. *Columbia Journal of Asian Law*, 35(1), 1–73. <https://doi.org/10.52214/cjal.v35i1.9192>

- Sarkar, R., & Bhattacharya, S. (2022). Urban comics and social justice: restructuring neoliberal spaces of Delhi in Sarnath Banerjee's *All quiet in Vikaspuri*. *Journal of Graphic Novels & Comics*, 14(5), 697–717. <https://doi.org/10.1080/21504857.2022.2153892>
- Sengupta, S. (2019). Towards Day Zero. India is fast running out of water due to pollution, over-extraction and changing climate. *Water and Sanitation*, 18–23.
- Siefert, K. (2024). Cameron Fioret. The Ethics of Water: From Commodification to Common Ownership. *Environmental Philosophy*, 21(1), 120–123. <https://doi.org/10.5840/envi-rophil20242111>

Bio notes:

Rahamath Nisha S, Research Scholar, Department of English and Foreign Languages, College of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Tamil Nadu, 603203, India. ORCID: 0000-0002-6883-6416. E-mail: nishanitz14@gmail.com

S. Horizan Prasanna Kumar, Associate Professor, Department of English and Foreign Languages, College of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Tamil Nadu, 603203, India. ORCID: 0000-0003-2079-1244.

Сведения об авторах:

Рахамат Ниша С, научный сотрудник кафедры английского и иностранных языков, Инженерно-технологический колледж, Институт науки и технологий SRM, Индия, 603203, Тамил Наду, Каттанкулатур. ORCID: 0000-0002-6883-6416. E-mail: nishanitz14@gmail.com

С. Хоризан Прасанна Кумар, доцент кафедры английского и иностранных языков, Инженерно-технологический колледж, Институт науки и технологий SRM, Индия, 603203, Тамил Наду, Каттанкулатур. ORCID: 0000-0003-2079-1244.

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-571-577

EDN: BFIGGM

УДК 82.02

Научная статья / Research article

Феномен расслоения идентичности в поэтике модернизма

Дз.К. Хетагурова^{ID}

Владикавказский научный центр Российской академии наук, с. Михайловское, Республика Северная Осетия – Алания, Россия

✉ dze-khe@yandex.ru

Аннотация. Цель – репрезентация идеи дробности восприятия собственного «Я» в границах поэтического текста на примере сращения мистического, реального и условно игрового пространства в стихотворениях О. Паса и Г. Малиева. Научная новизна заключается в выбранном аспекте изучения путей самоидентификации субъекта в поле модернистского дискурса на примере мексиканской и осетинской литературы. Впервые в истории осетинских филологических изысканий произведение Малиева подвергается комплексному литературоведческому анализу в контексте межкультурных связей и влияний. В текстах Паса и Малиева эксплицируется теория о расслоении цельности понимания мира и человека в нем. У Паса цикличность временной петли и разделение лирического «Я» отражает как актуальные приемы модернизма – сюрреалистические игры с подсознанием и творческими техниками, так и идею извечного поиска идеального, потерянного времени, гармоничного и непреходящего «сейчас». У Малиева проблема идентичности проявляется в поиске себя, через попытку встречи с ускользающим гостем, суть которого в чем-то родном, близком и, одновременно, потустороннем и трансцендентном. Общность мировосприятия поэтов состоит в одинаковом выборе поэтического пространства (ночная, безлюдная улица) и в невозможности соприкоснуться с двойником, тенью, гостем как воплощением феномена уробороса, временной петли самоотторжения в мире закольцованного одиночества. В результате исследования представлено утверждение, что поиск самости в литературе начала XX в. уходит из трагической реальности в игровую, условную сферу, когда сама идея становится семантическим центром, а конечный результат не столь важен, как стремление к нему.

Ключевые слова: метафора, принцип уробороса, расслоение «Я» лирического субъекта, поэтика модернизма, осетинская литература

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2025 г.; отрецензирована 20 мая 2025 г.; принята к публикации 25 июня 2025 г.

© Хетагурова Дз.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Хетагурова Дз.К. Феномен расслоения идентичности в поэтике модернизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 571–577. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-571-577>

The Phenomenon of Identity Stratification in the Poetics of Modernism

Dzerassa K. Khetagurova

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, vill Mixajlovskoe, North Ossetia – Alania, Russian Federation

✉ dze-khe@yandex.ru

Abstract. The aim of the work is to represent the idea of the fractional perception of one's own self within the boundaries of the poetic text using the example of the fusion of mystical, real and conventional playspace in the poems of O. Paz and G. Maliev. The scientific novelty of the research lies in the chosen aspect of studying the ways of self-identification of the subject in the field of modernist discourse based on the example of Mexican and Ossetian literature. For the first time in the history of Ossetian philological research, Maliev's work is subjected to a comprehensive literary analysis in the context of intercultural connections and influences. Paz's and Maliev's texts explicate the theory of stratified wholeness of understanding of the world and man in it. In Paz, the cyclical nature of the time loop and the division of the lyrical self reflects both the current methods of modernism – surrealistic games with the subconscious and creative techniques – and the idea of the eternal search for the ideal, lost time, the harmonious and enduring “now”. In Maliev's work, the problem of identity manifests itself in the search for the self, through an attempt to meet the elusive guest, whose essence is something native, close and, at the same time, otherworldly and transcendent. The commonality of the poets' worldview consists in the same choice of poetic space (night, deserted street) and in the impossibility to come into contact with a doppelgänger, a shadow, a guest, as an embodiment of the phenomenon of Ouroboros, a temporary loop of self-rejection in the world of looped loneliness. The result of the study presents the assertion that the search for selfhood in the literature of the early twentieth century moves away from tragic reality into a playful, conventional sphere, when the idea itself becomes the semantic center, and the end result is not as important as the striving for it.

Keywords: metaphor, principle of Ouroboros, stratification of the lyrical subject's self, poetics of modernism, Ossetian literature

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2025; revised May 20, 2025; accepted June 25, 2025.

For citation: Khetagurova, Dz.K. (2025). The Phenomenon of Identity Stratification in the Poetics of Modernism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 571–577. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-571-577>

Введение

В искусстве начала XX в. тема самопознания и исследование границ личности в целом приобретает основополагающее значение. Если в истории предыдущих эпох внутренние и внешние проблемы «Я» в пределах художе-

ственного пространства укладывались в привычную схему конфликтов психологических, социальных, политических, то XX в. вышел на совершенно иной уровень, связанный с подсознанием, суггестивностью и разладом внутри самого себя. Ощущение такого «нового» человека точно определяет Ф. Кафка – эталонный представитель эпохи модернизма: «каждый человек безвозвратно потерял в самом себе» (Кафка, 1994, с. 423), «подобен овце, потерянной ночью в горах, или овце, бегущей вслед за этой овцой» (Там же, с. 419). Личностные проблемы, конфликты извне переместились внутрь человеческого сознания. В стремлении воссоединиться с истинной идентичностью саморефлексия индивида XX в. – это движение по бесконечному коридору со множеством дверей, каждая из которых ведет все глубже и глубже в собственную психику.

Результаты и обсуждение

Повышенное внимание к внутреннему миру пришло в модернизм из культуры XIX в.: романтизма (байронический герой, тема двойничества в произведениях Р.Л. Стивенсона, А. фон Шамиссо) и реализма (тончайший психологизм и галерея типичных образов в шедеврах У. Теккерея, Ч. Диккенса, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого). Несомненная культурная преемственность в разработке теории самопознания является одним из факторов для появления целой галереи модернистских персонажей, уникальных в своей индивидуальности и одновременно безликости (некто К. из кафкианских реальных кошмаров, посторонний Мерсо из повести А. Камю с его экзистенциальным восприятием мира и человека).

В эстетике модернизма личность потеряла опору в собственном сознании. Понятие целого вытеснялось дробным, когда субъект ощущает себя как сращение множества определяющихся и невыявленных «Я».

Модернизму как направлению свойственно переосмысление уже имеющихся норм и правил, разрушение законов традиционного познания, эксперименты с образом и словом. Границы между реальностью, сном, галлюцинациями и бредом стирались, все пласты восприятия становились одновременно важными и бессмысленными. Исследование собственного «Я» для людей искусства явилось универсальным путем познания вечного абсолюта, истины. Тема нового лирического героя XX в., который разбивает свою личность на сегменты в попытке найти целостность, разрабатывается в творчестве двух представителей различных национальных культур – мексиканского поэта, эссеиста-культуролога, исследователя цивилизаций Запада и Востока Октавио Паса (1914–1998) и осетинского поэта, писателя Г.Г. Малиева (1886–1942).

Сочетание традиции собственного этноса и вбирание философско-эстетического наследия всей истории мировой цивилизации – отличительная черта идеосферы мексиканского и осетинского поэтов. О. Пас в равной степени принадлежал как латиноамериканской, так и европейской культуре: «универсализм – характернейшая черта мышления Октавио Паса, равно как и его

поэзии» (Кофман, 1991, с. 238). Малиев писал на русском и на дигорском диалекте осетинского языка, освещал актуальные темы осетинской, русской и мировой литературы. Общность восприятия прослеживается в поэтике мексиканского и осетинского авторов, так как «некоторые идеи вызревают в разных умах и географических местностях почти одновременно, они „носятся в воздухе“» (Резник, 2001, с. 10), и только истинный талант может уловить и адекватно выразить их в своем творчестве. Сходство трактовки проблемы дробности личности проявилось в двух поэтических текстах – «Улица» (*La calle*) Октавио Паса и «Неведомый» (1913) Г.Г. Малиева.

Оба произведения отличаются сюжетным (одиночество лирического героя, улица как источник странного, измененного пространства и времени) и идейным тождеством (поиски внутреннего «Я», раздвоение лирического субъекта).

Стихотворение «Улица» О. Паса относится к 1930 гг. XX в. и является квинтэссенцией идей романтизма, экзистенциализма и сюрреализма: *Es una calle larga y silenciosa. / Ando en tinieblas y tropiezo y caigo / y me levanto y piso con pies ciegos / las piedras mudas y las hojas secas / y alguien detrás de mí también las pisa: / si me detengo, se detiene; / si corro, corre. Vuelvo el rostro: nadie. / Todo está oscuro y sin salida, / y doy vueltas y vueltas en esquinas / que dan siempre a la calle / donde nadie me espera ni me sigue, / donde yo sigo a un hombre que tropieza / y se levanta y dice al verme: nadie.* – «Это длинная и тихая улица. / Я иду во тьме, спотыкаюсь и падаю, / и встаю, и слепыми ногами ступаю / на немые камни и сухие листья, / и кто-то за мной тоже наступает на них: / если я останавливаюсь, он останавливается; / если бегу, бежит. Оборачиваюсь: никого. / Все темно и без выхода, / и я кружу и кружу на углах, / которые всегда ведут к улице, / где никто меня не ждет и не следует за мной, / где я иду за человеком, который спотыкается, / встает и, увидев меня, шепчет: никого»¹ (Paz, 1960, pp. 143–144).

Цикличность композиции, ее закольцованность демонстрирует принцип Эшера (лестница, переходящая в новую лестницу, и так в бесконечность) или парадокс уробороса (вечное кружение по кругу). Лирический герой слышит шаги за спиной, которые оказываются в итоге его собственными, а все действие разворачивается либо во сне, либо в некой пространственно-временной петле. Раздвоение лирического героя Паса это и игра в романтическое двоемирие в калейдоскопе вероятностей, и сюрреалистический словесный кубик Рубика. Два «Я» в стихотворении «Улица» – это и рецепция картины типичной раздробленности человека XX в. в глубинах собственного сознания, когда поиски идентичности приводят в лабиринты темных улиц, выхода из которых нет. Другие возможные трактовки определяются сферой возможных теорий путешествий во времени, демонстрируя доказательство причинно-следственной петли или временного парадокса, когда повторяющаяся последовательность событий является взаимной причиной друг друга. А невозможность

¹ Стихотворение приводится в подстрочном переводе Дз.К. Хетагуровой.

прикоснуться к самому себе – это еще и иллюстрация принципа запрета Паули: «две частицы никогда не могут находиться в одном и том же состоянии» (Паули, 1947, с. 13). Другими словами, два объекта никогда не занимают одно и то же место в одно и то же время, а если нарушить это положение, то при их приближении друг к другу они будут взаимоотталкиваться. Оттого лирический субъект уходит от себя самого при движении к самому себе.

Одно из самых известных эссе О. Паса называется «Лабиринт одиночества», в нем демонстрируются основные идейные маркеры: «Одиночество – глубинный смысл человеческого бытия. <...> Человек – это всегда тоска и поиск сопричастности. <...> Одиночество нас раздваивает: обретая самознание, мы в то же время стараемся от себя уйти» (Пас, 2000, с. 103–104).

Если у Паса анализируемое произведение представляет собой своеобразную эстетическую игру со смыслами и условностями, то у Малиева – это элегическое размышление, тоска по утраченному. Разделение лирического героя в стихотворении «Неведомое» предполагает варианты, ни один из которых его не удовлетворяет («призрак», «некто родной», «скиталец», «мертвец», «чародей», «леший»): «За окном моей темницы / Точно призрак роковой, / Осторожно, осторожно / Ходит кто-то в час ночной. <...> Но лишь к двери направляюсь, / Чтоб впустить скитальца в дом, / Он уходит, расплываясь / В тихом сумраке ночном. / Кто же он – мертвец воскресший, / Иль бездомный чародей, / Что блуждая, точно леший, / По ночам страшит людей?» (Малиев, 1996, с. 107–108). Возникает предположение, что ночной неуловимый гость – это воплощение самого лирического субъекта, являющегося загадкой для себя: «Лишь слышу приближенье / Тихих сказочных шагов, / От тоски и сожаленья / Разрыдаться я готов. / Что-то близкое, родное / Уловлю в том госте я, / И встает тогда бывшее / В ярких красках для меня» (Малиев, 1996, с. 107). В эзотерике соприкосновение с потусторонним вызывает приступы ностальгии и тоски, что в свою очередь может играть важную роль, помогая людям соединиться со своим прошлым, своей культурой и своим внутренним «Я». У Малиева за маской трансцендентной тайны скрывается пустота внутренней потерянности героя в бесконечно повторяющемся ночном кошмаре.

Любимым поэтом движет поиск истины и красоты вечной. Для Паса и для Малиева в их творческих изысканиях важно стремление к обретению неизменного, вечного, настоящего. Когда воцарится здесь и сейчас в своей нерушимой стабильности, тогда все страдания-старения-умирания и расслоение идентичности станут неактуальными химерами. Ведь извечный казуатор эволюции художественного познания – это борьба с линейным течением времени, отсюда «все алчут возвращения общества к первозданной свободе, а человека – к изначальной чистоте. И тогда Истории больше не будет. И попытка временем – сомнения, вечная необходимость выбирать между добром и злом, справедливым и несправедливым, реальным и иллюзорным – прекратится. Вновь воцарится непрестанное настоящее, всеобщее единение; вещи и люди сбросят маски, и мы узрим наконец их истинные лики» (Пас, 2000, с. 120). Именно к обретению единственно верного лица стремятся лирические герои

О. Паса и Г. Малиева. В условном лабиринте Паса тень человека – это сам человек, его двойник, копия, стремящаяся объединиться с оригиналом. У Малиева, несмотря на намеренно мистическую атмосферу, семантическое поле все то же – поиск самогармонии в попытке настичь неведомого гостя, чтобы найти внутреннее спокойствие и перестать, наконец, вспоминать потерянное и забытое. В тотальном царствовании Хроноса личность в поэтическом пространстве текстов Паса и Малиева все сильнее погружается в катакомбы одиночества и отдалается от своей инвариантной сущности.

Заключение

Одна из актуальных тем всего XX в. – поиски самоидентичности субъекта в стремительно меняющемся мире, потеря собственного «Я», раздробленность и стремление постичь истину, представлены в творчестве Паса и Малиева. Для мексиканского поэта в закольцованности лабиринта мрачных улиц отражена суть человеческого сознания в бесконечной попытке понять самого себя. Внешний мир также источник страданий героя Малиева, там за стенами дома обитает тайный визитер, мистический двойник героя, нечто глубоко родное и навсегда утерянное. Невозможность догнать себя у Паса и увидеть ускользающего гостя для Малиева – суть их личной поэтической временной петли, когда именно семантика движения – бег по темной улице и открывание входной двери в пустую ночь – единственно возможное смысловое ядро обоих текстов.

Список литературы

- Кафка Ф. Из дневников // Ф. Кафка. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 3: Афоризмы. Письмо отцу. Письма. Из дневников / пер. с нем. Е. Кацевой. М. : Художественная литература ; Харьков : Фолио, 1994. С. 347–505.
- Кофман А.Ф. Утопия Октавио Паса // Иностранная литература. 1991. № 1. С. 236–240.
- Малиев Г.Г. Ираф : Соч. на осет. и рус. яз. Владикавказ : Ир, 1996. 184 с.
- Пас О. Диалектика одиночества // О. Пас. Освящение мига : Поэзия. Философская эссеистика / сост. В.Г. Резник, пер. с исп. А. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2000. С. 103–120.
- Паули В. Общие принципы волновой механики / пер. с нем. К.В. Никольского. М. ; Л. : ГИТТЛ, 1947. 332 с.
- Резник В. Октавио Пас, или усилие быть // О. Пас. Избранное. В поисках настоящего времени. Нобелевская лекция 1990 г. Поэзия. Эссе. Проза / пер. с исп., вступ. ст. В. Резник ; коммент. Б. Дубина. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. С. 5–26.
- Paz O. La calle // Octavio Paz. Libertad bajo palabra. México : Fondo de Cultura Económica, 1960. P. 143–144.

References

- Kafka, F. (1994). From Diaries. In F. Kafka, *Collected Works* (Vol. 3, pp. 347–505). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; Kharkov: Folio. (In Russ.)
- Kofman, A.F. (1991). Utopia of Octavio Paz. *Foreign Literature*, (1), 236–240. (In Russ.)

- Maliev, G.G. (1996). *Iraf* (poems in Ossetian and Russian). Vladikavkaz: Ir. (In Russ.)
- Paz, O. (2000). Dialectics of Solitude. In O. Paz, *Sanctification of the Moment: Poetry. Philosophical Essays* (A. Pahonyaylo, Trans., pp. 103–120). Saint Petersburg: Symposium. (In Russ.)
- Pauli, W. (1947). *General Principles of Wave Mechanics*. Moscow; Leningrad: GITTL Publ. (In Russ.)
- Reznik, V. (1990). Octavio Paz, or the effort to be. In O. Paz, *Favorites In Search of the Present. Nobel Lecture. Poetry. Essays. Prose* (pp. 5–26). Moscow: TERRA – Book Club. (In Russ.)
- Paz, O. (1960). The Street. In O. Paz, *Freedom Through The Word* (pp. 143–144). The Economic Culture Fund.

Сведения об авторе:

Хетагурова Дзерасса Казбековна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Центр скифо-аланских исследований, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Российская Федерация, Республика Северная Осетия – Алания, 363110, Пригородный район, с. Михайловское, ул. Вильямса, д. 1. ORCID: 0009-0004-2399-763X; SPIN-код: 9413-7991. E-mail: dze-khe@yandex.ru

Bio note:

Dzerassa K. Khetagurova, PhD in Philology, Senior Researcher of the Research Department, Center for Scythian-Alan Studies, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1 Vil'yamsa St, vill Mixajlovskoe, Prigorodny District, 363110, North Ossetia – Alania, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-2399-763X; SPIN-code: 9413-7991. E-mail: dze-khe@yandex.ru

ЖУРНАЛИСТИКА

ИНДИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСФЕРЕ: КРЕАТИВНЫЙ КАПИТАЛ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА

JOURNALISM

INDIA IN THE GLOBAL MEDIA SPHERE: CREATIVE CAPITAL AS A DRIVER

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-578-588

EDN: BKUUJP

UDC 659.3

Research article / Научная статья

Gandhi as a Brand: How Intermedia Advertisements Subvert His Transversal Values

Dhananjay Rai^{ID}, Akash Singh Thakur^{ID}✉

Central University of Gujarat, Vadodara, India

✉ akashsinghthakur97@gmail.com

Abstract. Examined the process of media reinterpretation of Mahatma Gandhi's legacy in 20th–21st century Indian advertising. Drawing on 37 case studies, it demonstrates how the philosopher's transversal values (ahimsa, swaraj) are supplanted by commercial narratives, reducing his ideas to utilitarian slogans. As a result, Gandhi's iconography in popular culture transforms the philosopher into a brand serving consumer society, while advertising practices dilute his political philosophy, emphasizing superficial symbols (clothing, glasses) within the framework of heteronomous preferences. In the contemporary digital world, Gandhi's transversal values are under threat. This process reflects a global trend of commodifying historical figures, where depth is replaced by questionable utility. The methodological framework combines visual analysis of advertising imagery and discourse analysis of its interplay with Gandhi's original texts, worldview, and his archetype as a moral sage and mentor. The study contributes to the debate on the conflict between cultural memory and the logic of media markets.

Keywords: Mahatma Gandhi, India, iconography, advertising texts, media, media culture, satyagraha

Authors' contribution. Development of the research concept, manuscript editing – Dhananjay Rai; research data collection & analysis, manuscript writing – Akash Singh Thakur. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 29 March, 2025; revised 23 April, 2025; accepted 14 June, 2025.

© Rai D., Thakur A.S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Rai D., & Thakur A.S. (2025). Gandhi as a Brand: How Intermedia Advertisements Subvert His Transversal Values. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 578–588. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-578-588>

Ганди как бренд: эволюция разрушения трансверсальных ценностей в медийной рекламе

Д. Рай , А.С. Такур

Центральный университет Гуджарата, Ваходара, Индия

 akashsinghthakur97@gmail.com

Аннотация. Исследуется процесс медийного переосмысления наследия Махатмы Ганди в индийской рекламе XX–XXI вв. На материале 37 кейсов демонстрируется, как трансверсальные ценности философа (ахимса, сварадж) замещаются коммерческими нарративами, что приводит к редукции его идей до утилитарных лозунгов. В итоге иконография Ганди в популярной культуре превращает философа в бренд, обслуживающий интересы потребительского общества, рекламные практики нивелируют его политическую философию, акцентируя поверхностные символы (одежда, очки) в контексте гетерономных предпочтений. В современном цифровом мире трансверсальные ценности Ганди находятся под угрозой. Этот процесс отражает глобальный тренд коммодификации исторических фигур, где глубина подменяется сомнительной полезностью. Методологическая основа включает визуальный анализ рекламных образов и дискурс-анализ их взаимодействия с оригинальными текстами Ганди, его мировоззрением, образом праведника, наставника-мудреца. Исследование вносит вклад в дискуссию о конфликте между культурной памятью и логикой медиарынков.

Ключевые слова: Махатма Ганди, Индия, иконография, рекламные тексты, медиа, медийная культура, сатьяграха

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, редактирование рукописи – Д. Рай; сбор материалов, анализ данных и написание рукописи – А.С. Такур. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 марта 2025 г.; отрецензирована 23 апреля 2025 г.; принята к публикации 14 июня 2025 г.

Для цитирования: Rai D., Thakur A.S. Gandhi as a Brand: How Intermedia Advertisements Subvert His Transversal Values // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 578–588. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-578-588>

Introduction

The article examines the nature of Gandhi's representation in mediatised Indian popular culture in intermedia advertisements. In order to do so, first, this paper explores what Gandhi's own transversal values and iconography represent, revealing

two contradictory developments – the dichotomy between the iconography of *res publica* and the popular representation of Gandhi, covering the contents of thirty-seven cases, delving into the essence of representation, including explicit and implicit branding.

Before moving further, it is contingent to underscore the meaning of mediated popular culture. The term ‘mediatization’ refers to the incremental influence of the media as a meta-process (Livingstone, Lunt, 2014) on a range of societal facets, such as politics, religion, culture, and daily life. The term mediatized popular culture refers to how the media shapes popular culture of beliefs and customs of a common community. The larger impact of mediatization on society, behaviour, and people’s perceptions of the world happens through proliferation of media technologies or the growth of media content and is most easily visible in common iconographies of popular culture.

Gandhi’s Transversal Values and Iconography in Mediatized Popular Culture. Gandhi (1869–1948) remains one of the essential referential points in Indian everyday life and popular culture (Rai, 2022). His form of political action, Satyagraha or non-violent resistance against injustice is well documented and debated due to its transformative impact both on the participants in Satyagraha and oppositional forces. It builds on the ideas of commons, inclusivity and anti-passivity (Gandhi, 1910, 1927, 1929, 1968). Other epistemological interventions which are anti-binary and anti-lexical priority and constitute the ‘transversal values’ are rooted in Gandhi’s non-territorialised theorisation, for example, his ‘modern civilisation’ critique rejecting binaries and prioritisation between countries (Rai, 2025). His bodily clothing, walking stick, spectacles, loincloths, spinning wheel, ascetic image, sandals, ashrams, talking while walking, seating images while listening or working, giggling with children, presence of male and female images, visiting colonies of underclasses – all images point out two distinctive transversal values - decentralisation and accessibility (Rai, 2023). Gandhi’s ‘body is/as the message’ which is half-naked, symbolises minimalism and transparency. This chosen asceticism with secular body is a conscious political message against state violence with an intersectional appeal, building his transverse against sectarian nationalism, religious symbolism, masculinity, absolute binary, othering, humiliation, sublime violence, and majoritarianism of popular bodies.

Contradictory Developments. Gandhi’s iconography in mediated popular culture, happens via two contradictory agencies. First is the state-led iconography creating popular sites of Gandhi’s iconography with compromised transversal values. This is a heteronymous state with centralised and societal binaries. This is exhibited in roads, institutions and flagship policies (like Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act), named after Gandhi, his pictures on currency, his framed photographs in government institutions, using his spectacle for Government’s flagship programme Swachh Bharat Abhiyan (Clean India Mission). State intervention has expanded Gandhi’s iconography in far-reaching corners and yet there is the marginalisation of Gandhi’s ‘anti-violent state’ and ‘transverse’ by ‘heteronomy’ and ‘sectarian nationalism’ in this Gandhi of *res publica*.

Second, people's iconography in mediatised popular culture emphasises on Gandhi's message, example, use of 'Gandhi' diary, Gandhi placards in protest movements, cartoons in newspapers and walls, Gandhi as sign of peace, his high-rise sculptures in metropolitan cities, low-rise sculptures in small towns and villages, murals, as a character/image in Indian films, postage stamps and so on. Here, Gandhi's image is democratised in vivid forms (Benjamin, 1969), reinventing Gandhi's transverse via massive production and circulation.

Gandhi and Indian Intermedia Advertisements. Advertisements are an essential part of a mediatised popular culture as these generate discourse around products, creating brands, and impacting customer's behaviour. These are a part of consumer-centric brand normalisation with psychological and emotional techniques to connect with a heterogeneous base of customers. Advertisement works on the 'negative principle, anything which does not bear its seal of approval is economically suspect' (Horkheimer, Adorno, 2002). In Indian advertisements, Gandhi as a philosopher (Bilgrami, 2001) gives way to Gandhi as a brand. Gandhi's numerous transversal values as discussed earlier, Satyagraha, participation in Indian Freedom struggle, Swaraj, truth and non-violence – all make him a viable brand, as an appropriate advice. However, Gandhi's expansive transverse philosophy is replaced by narrow utility-centric advertisement/branding.

Brands have appropriated Gandhi through consumption and ownership. For instance, in 1920s there were cigarettes bearing his name, and he himself cautioned people against accepting any advertisement/branding of his name without his signature (Khanduri, 2012; Gonsalves, 2010). After independence, the government of India passed the Emblems and Names (Improper Use) Act of 1950. This law differentiates between public and private benefits, wherein it specifies individuals whose names and likenesses cannot be used for trade or business without government permission. The name M.K. Gandhi appears on the list. Modifications to the 1950 Act in 1982 permitted the authorised use of postal stamps, souvenirs, state-backed institutions, and government-approved circulation for various purposes. Yet, advertisements featuring Gandhi's name and likeness have circulated in India both before and after its enactment (Mazzarella, 2010).

Materials and Methods

The following sections give content analysis of certain 36 advertisements and 17 specific infographics in India retrieved from Adspot (an advertising archive commercial database)¹, which will be discussed thematically. These advertisement and infographics issued since the end of 1940s till 2023.

The selection of these was based on purposive sampling, focusing on materials from 2007 onwards that explicitly or implicitly summoned Gandhi's imagery, values, or symbolism. This period marks a renewed interest in national identity and

¹ See references of the 36 advertisements and 17 specific infographics in India retrieved from Adspot. <https://docs.google.com/document/d/1-nJ0kdLhyjKYvnUD8DWMKj9NGpAcmS7N/edit?usp=sharing&ouid=110601087379243514676&rtpof=true&sd=true>

heritage within Indian advertising, coinciding with the rapid expansion of broadband internet and the growing significance of digital platforms as key sites for advertising. The cases were chosen for their thematic relevance, heterogeneity of sources (government campaigns, FMCGs, financial institutions, etc.), and public visibility, ensuring a representative spread of Gandhian ideals appropriated in commercial and state narratives. Table² explains the representation of Gandhi in Indian intermedia advertisements in terms of distortion of Gandhi's transversal values.

Case 1: Little Gandhi Ad-Lifebuoy. The advertisement portrays a young boy dressed up like Gandhi, wearing spectacles and carrying a broom. The kid starts to clean his locality, and after seeing him, other kids join him. It ends by stating, 'The world can be changed by only those who have no fear!' (Divya, 2007).

Case 2: Gandhiji Ke Teen Bandar-Lifebuoy. It revolves around the theme of Gandhi's three monkeys, narrating the principles of 'hear no evil, speak no evil, see no evil' to school children; the last kid (acting as a monkey) is not able to come to stage due to bad health, bringing in the importance of using Lifebuoy soap for health and hygiene (Chrome, 2004).

Case 3: Hutchison Essar. The ad uses old clips of the massive crowd with general public and leaders attending Gandhi's funeral procession, followed by a text, 'In 1942, Winston Churchill called this man a useless, half-naked fakir. Don't jump to conclusions. Open your mind. ESSAR' (David, 2002).

Case 4: The Gandhi Font. It states, 'Gandhi saw things differently...we decided to recreate his vision for the current generation of Indians'. After this, his spectacles are broken and replaced by the image of a new Hindi 'Gandhifont' (गान्धीजीफॉन्ट) 'in the regional Devanagari script, where each letter has trademark Gandhi glasses subtly incorporated' (Burnett, 2012).

Case 5: Maha Cement. It depicts a kid renovating an old statue of Gandhi in bad condition, using Maha Cement, ending with the quote, 'Strong personalities are built strong. Maha Cement number 1 strong cement' (Maha, 2015).

Case 6: Western Union-Franklin/Gandhi. It shows the Western Union demo billboard of Gandhi strategically placed around the outlets that showed many businesses. It says, 'The billboards generated conversation way beyond their locations; the result, 100% of all express transactions in these outlets, were through Western Union' (Erickson, 2012).

Case 7: Killer Jeans. It states, "One man saw what millions could not. 'The Lathi' was a symbol of hatred & fear. One old man's grip changed what millions couldn't, one man could, dare to dream, Killer Jeans". Showing Gandhi's spectacles, lathi, him holding it, breaking off chains (Killer, 2012).

Case 8: Hindustan Times. The advertisement depicts a government office with a long queue. A man with a thuggish appearance breaks the line, submitting his file with bribe of a note with Gandhi's image. A person from the queue intervenes and lightly strikes the officer with a rolled newspaper for taking it. The next day, same

² Representation of Gandhi in Indian Intermedia Advertisements (2007–2023). https://docs.google.com/document/d/10HcNEsVxG-rJgtYGPFDKbEX_SsMirYII/edit?usp=sharing&ouid=110601087379243514676&rtfpof=true&sd=true

thuggish man attempted the same tactic. This time, the officer emphasises justice and honesty by hitting the goon with the newspaper with the lines: ‘It is time to follow the real Gandhi’ (Abhijeet4you, 2011).

Case 9: Tata Tea- #JaagoRe. It portrays common scenarios of bribery and says, ‘people tend to ape Gandhi but take money as corruption fed by common people. From today onwards stop feeding and make them drink tea’ (Tata, 2021).

Case 10: Aditya Group-Mahatma Gandhi as Teacher, Mentor, Friend. It begins with a quote with Gandhi’s picture ‘Some will earn more and others less. Normally, people with talents will have more. Such people should be viewed as Trustees-Mohandas Gandhi’. This is followed by images of Aditya Group performing social services (Aditya, 2021).

Case 11: Tatas-Mahatma Gandhi. It provides an audio-video format for Gandhi’s (Tata and I) words related to Jamshed Ji Tata, Ratan Tata, contribution to Satyagraha, use of Taj Mahal Palace Hotel Mumbai, Lady Meher Bai Tata, Tata Steel as a great Indian firm, and their belief in Swaraj (Tata, 2019).

Case 12: Transforming livelihoods (Tata Group). It highlights various agricultural issues and introduces “Collectives for Integrated Livelihood Initiatives (cInI)”, a Tata Trusts initiative that helped farmers in Maharashtra diversify and increase their incomes, in Gandhian fashion (Tata, 2016).

Case 13: TATA Salt-Gandhi in Me. It is a cartoon story of a man scanning news of scams, violence, and theft. Still, he states that the country has more good than bad today, urging to show good stories through Facebook (Tata, 2015).

Case 14: TATA Salt-A salt art tribute to the Mahatma. It showcases an artist making art forms related to Gandhi using salt and simultaneously showcasing his various thoughts (Tata, 2018).

Case 15: Raymond Khadi Collection. It promotes Khadi as a symbol of Indian cultural pride and adapting to fashion. It shows models wearing a modern form of Khadi in a salt desert with a voiceover associating Khadi, Gandhi, and fashion (Raymond, 2018).

Case 16: Raymond Khadi-The Story Re-spun. The models walking on white salt deserts. The voiceover depicts the process of making Khadi: ‘You don’t just wear Khadi; you re-affirm your independence of thought and action’ (Raymond, 2020).

Case 17: Gandhi Optics Sunglasses. Promoting sunglasses for the summer look, it shows Gandhi-fashioned sunglasses as the new cool look (Creative, 2019).

Case 18: Hindustan Unilever-Swachh Aadat, Swachh Bharat. It states, ‘In the week leading to Gandhi Jayanti, actors dressed as Mahatma Gandhi walked the streets of Mumbai’. It shows one dressed as Gandhi cleaning the street. It concludes by quoting, ‘Don’t just remember Mahatma Gandhi; remember his values too’ (Hindustan, 2018).

Case 19: Cute little boy imitates Gandhi – Manyavar. A day before Republic Day, a kid imitates Gandhi with a dhoti, stick, and specs, excited to wear traditional dress the next day. As his father seems busy, he practices self-reliance, picking the dress for himself and his father designed by Manyavar (Manyavar, 2015).

Case 20: Babu Ki Aawaz – Byjus depicts Gandhi as a beloved hero among children who inquire about him from their grandfather. Ad showcases individuals who follow Gandhi's principles in current times – Jamuna Tudu (Environment), Sapan Patralekh (Education), Ganesh Rakh (Health) and Kameshwar Waghmare (fitness) stating that an honest heart keeps the spirit of Gandhi alive (Byju's, 2021).

Case 21: Gandhi Jayanti 2020 Indian Oil Corporation Limited. Image of Gandhi and background score states 'Mahatma Gandhi's thinking of Swadeshi led our country to the path of independence. Let this Gandhi Jayanti make Swadeshi power our nation's power.' The graphic image in the video shows Gandhi with charkha, in salt march, and with a kid (Indian, 2020).

Case 22: Gandhi Lives On-Gandhi Jayanti – Eros Now Musics. This advertisement celebrates Gandhi's enduring legacy using the song *Paintra*. The video juxtaposes Gandhi's philosophies with contemporary violence, littering, bribery, and harassment in front of Gandhi's symbols. The advertisement ends with the quote: 'Gandhi lives on; let's make him more than a symbol' (Eros, 2018).

Case 23: Exclusive Gandhi Jayanti Special Song – T Series. It uses the song *Bande Mein Tha Dum* with a graphic image of Gandhi and his quotes, 'An eye for an eye only ends up making the whole world blind; God has no religion; There is more to life than simply increasing its speed' (T-Series, 2014).

Case 24: You walk on M.G. Road – Tata Salt. It shows an audio-visual advertisement board situated on Mahatma Gandhi Road, Mumbai. Gandhi's voice nudges people and asks them to pledge to keep the city clean by showing visuals of Gandhi and the dirty city. The voiceover highlights the impact of following Gandhi's path. Interviews with people express appreciation for Tata Salt's initiative to place the audio-visual board (Tata, 2019).

Case 25: Cipla Health Gandhi Jayanti Campaign. It uses Naselin Nasal Spray to create the charkha spinning wheel. With the caption, 'He fought against injustice so that the entire nation could have a Shubhratri' (Anuburn, n.d.).

Case 26: Minister White Tribute to Gandhi – Tamil. It features a group of musicians dressed in white playing various instruments in diverse geographic locations, with large poster of Gandhi, depicting Gandhi and his followers dressed in white in front of the Red Fort, where he is seen spinning white thread (Minister, 2020).

Case 27. Union Bank. It shows the bank's history, as its head office in Mumbai was inaugurated by Gandhi in 1921. In his address, Gandhi emphasised the ability of the bank to manage large amounts of money efficiently for national activities espousing values such as peace, cleanliness, and honesty, honouring Gandhian foundation of a self-reliant India. The ad promotes the government initiative of designating an hour on October 1 for cleanliness. Another highlights the bank's CSR initiatives, which include building toilets and providing basic needs to orphanages and nursing homes (Union, 2021, 2022, 2023).

Case 28: Gandhi Jayanti-Celebrating the Legacy of Mahatma Gandhi PNB HFL. This showcases old visuals of Gandhi walking with the masses. It also quotes, 'Inspired by India's freedom struggle, we dedicate ourselves to freedom from

struggle, freedom from waiting – home loans; freedom from uncertainty – loan against property; freedom from anxiety – fixed deposits’ (PNB, 2020).

Case 29: Gandhi Jayanti special- Radio City India. It depicts Gandhi not just as a name but as an ideal. A child dressed as Gandhi corrects a woman for littering, prompting her to apologise and pledge cleanliness. It ends with the statement that Gandhi’s imprint should not be restricted to money notes but to thought processes (Radio, 2018).

Case 30: Happy Gandhi Jayanthi- MadAds. It features a montage of historical photos of Gandhi set and culminates in a graphic image created from Gandhi’s original photos, accompanied by the quote, ‘Happy Gandhi Jayanti’ (Mad, 2017).

Case 31: Wipro Consumer Care and Lightings. It features a graphic image of Gandhi focusing on his spectacles. The lenses are brightened to showcase a bright light, symbolising the brand’s light (Experience commerce, 2022).

Case 32: Reliance Digital. The video shows a graphic of Gandhi in a boat, featuring Reliance Digital and Reliance Jio logos. His spectacles emerge, one lens showing quotes of Gandhi and in other the work done by brand (Reliance, 2023).

Case 33: GOQii. It comes with the quote, ‘He walked 386 km; we can walk an hour daily. He offered peace; we can meditate. He fasted; we can detox. He stood firm for his beliefs; we can make a difference for ourselves’ #BETHEFORCE (GOQii, 2022).

Case 34: Axis Bank. It uses Gandhi’s spectacles to denote the idea of peace (Axis, 2023).

Case 35: ICICI Bank. It shows that the bank offers financial wisdom inspired by Mahatma Gandhi: ‘Prioritise needs over wants for financial stability’ (ICICI, 2023).

Case 36: Union Bank. It highlights the location of Gandhi’s first Satyagraha (Union, 2023).

Case 37: 17 specific infographics in India retrieved from ads spot (an advertising archive commercial database) are as follows: Coco’s Café (showing Gandhi’s conversation at Birla House, Delhi on January 30, 1948); Whitex Correction Pens by Soni Officemate (A letter where the Viceroy of India states Gandhi as harmless); Denodia photo lib (image of Gandhi on a book); The readers book shop (A world map using red to highlight where Gandhi stayed, specifically India and Africa; representing ‘My Experiments with Truth’); Dhara Veg Oil (Image of Gandhi with caption – ‘My Daddy Strongest’); Kurl On (Gandhi’s journey – falling from train on Kurl On bed mattress and bouncing back as Mahatma with charkha); Story Bookshop (Gandhi’s image with highlighting spectacles and using lens as O to write BOOK); Xerox (Printing of picture of Gandhi from printer); Western Union (Image of Gandhi on the American note); Tide (A graphic image of Gandhi with a lathi and a white dhoti so clean it blends into the white background); Winco ship matches (image of Gandhi as flames); Happydent (image of Gandhi made by happydent and caption – giving millions a reason to smile); Turtle (image of Gandhi and others with charkha with quote Fabric of Freedom); Rotomac (graphic image of Gandhi made by pen); In Gandhi’s shoes (news story titled: Stepping into Gandhi’s

shoes); Fingerprint Audio Books (image of Gandhi and adjacent to it is headphone and caption-listen to the leaders) (Adsspot, n.d.).

Results and Discussion

These advertisements while ritually honouring Gandhi, alter his transversal values replacing it with product's concept and its branding, either explicitly or implicitly.

Explicit Branding: CSR, Trusteeship, and Explicit Brand Endorsement. Case 10 illustrates the brand's CSR initiatives and asserts that Gandhi's concept of trusteeship served as inspiration for their beliefs. Case 11 leverages the brand Gandhi and his words to enhance brand promotion. Case 12 illustrates how a corporate group draws inspiration from Gandhi to engage in corporate social responsibility. Case 14 leverages the relationship between salt and Gandhi for promotional purposes. Case 15 uses Gandhi and Khadi to promote the brand. Case 16 uses Gandhi's Khadi to highlight the company's Khadi production.

Case 17 uses the name of Gandhi to encourage and make a brand. Case 24 uses multiple levels of advertisement tools to endorse the brand. Case 25 uniquely uses charkha for promotion. Case 26 uses colour in sync with the brand. Case 27 incorporates Gandhi into multiple advertisements, endorsing his brand and his words for the bank and drawing inspiration from Gandhi's principles of cleanliness and trusteeship. Case 28 draws a parallel between Gandhi's ideas and the bank's approach to problem-solving. This visual tribute promotes market development in Case 30. Gandhi opposed using advertisements, yet this advertising company profited from selling Gandhi's products. Case 31 represents the brand's product, the light. Case 32 prominently displays the product logo as a symbol of change. Case 33 emphasis is consistent with the brand. Case 35 highlights the significance of the financial plan. Cases 37 (infographic advertisements) superimpose brands over Gandhi's image in unsubtle ways.

Implicit Branding: Cleanliness and Health Hygiene. Case 1 and 2 highlights Gandhi's idea of cleanliness and how an individual with conviction can change the course of action in the world. The narrative aims to demonstrate that these are not just products but also a catalyst for positive changes in public health. Case 18 promotes cleanliness as part of the Swachh Bharat. Case 29 emphasises cleanliness, and people's outlook of him is limited to image on the money notes.

Communication. Case 3 illustrates Gandhi's value and how he connected with the larger masses, demonstrating effective communication. Case 13 highlights how another social platform embraces and shares the positive aspects of society. Case 22 uses music as a medium to create public discourse.

Symbolism. Case 4 shows a unique way of using Gandhi's spectacles. Case 7 uses Gandhi's concept of Khadi – that an individual can effect change. Case 34 uses spectacle to convey the idea of peace.

A Strong Personality. Case 5 portrays Gandhi as having a strong personality who believed in a change in personality over time. Case 20 underscores Gandhi remains a hero figure.

Speed and Transformation. Case 6 uses Gandhi on billboards to attract people to the brand, even though ironically, the billboards celebrate the concept of speed, something that Gandhi opposed. Infact, case 23 uses Gandhi's idea of change to celebrate speed.

Corruption. Case 8 presents Gandhi's idea of fighting corruption, albeit with violence, (corrupt person being hit on the head with newspaper). Case 9 exemplifies Gandhi's philosophy against corruption.

Self-reliance, Swadeshi, and Satyagraha. Case 20 highlights Gandhi's idea of self-reliance. Case 21 promotes Indian goods a la *Swadeshi*. Case 36 uses the location of Gandhi's first Satyagraha.

Conclusion

Gandhi is essential because of his transversal values. Popular culture serves as a crucial platform for the dissemination of Gandhi's philosophy. Advertisements are a necessary component of popular culture, and they are critical due to their maximum capacity for dissemination and infinite digital consumption. Advertisements use Gandhi as a brand circumventing his role as a philosopher or transformer. Gandhi is resurrected to conform to heteronomous norms, becoming a site of consumption instead of a transformational space.

Gandhi's unrestrained expression as a philosopher comes to an end without a comprehensive representation, diminishing his image, reducing it to a mere add-on movement for advertising rather than disrupting the monopoly of uncritical consensus about every product. In intermedia advertisements, Gandhi's images replace Gandhi's Belief.

References

- Benjamin, W. (1969). The work of art in the age of mechanical reproduction. In H. Arendt (Ed.), *Illuminations* (H. Zohn, Trans., pp. 117–253). New York: Schocken Books.
- Bilgrami, A. (2001). *Gandhi, the Philosopher*. Comprehensive Website on the life and works of Mahatma Gandhi. <https://www.mkgandhi.org/articles/philgandhi.php>
- Gandhi, M.K. (1910). *Indian Home Rule*. International Printing Press. <https://www.gandhiheritageportal.org/mahatma-gandhi-books/indian-home-rule#page/4/mode/2up>
- Gandhi, M.K. (1927). *The Story of My Experiments with Truth* (Vol. 1, M. Desai, Trans.). Ahmedabad: Navjivan Publishing House. <https://archive.org/details/TheStoryOfMyExperimentsWithTruth-MahatmaGandhi/page/n1/mode/2up>
- Gandhi, M.K. (1968). *Satyagraha in South Africa* (Vol. 2, Valji Govindji Desai, Trans., S. Ganesan, Ed.). Ahmedabad: Navjivan Publishing House. https://www.mkgandhi.org/ebks/satyagraha_in_south_africa.pdf
- Gandhi, M.K. (1929). *The Story of My Experiments with Truth* (Vol. 2, M. Desai and P. Nair, Trans.) Ahmedabad: Navjivan Press. <https://archive.org/details/gandhisautobiogr02gand>
- Gonsalves, P. (2010). *Clothing for Liberation: A Communication Analysis of Gandhi's Swadeshi Revolution*. SAGE Publications India. https://archive.org/details/clothingforliberationcommunicationanalysisofgandhissswadeshirevolutionpetergonsalves_720_w/page/n3/mode/2up

- Horkheimer, M., & Adorno, Th.W. (2002). *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments* (G. Schmid Noerr, Ed., E. Jephcott, Trans.). Stanford University Press. https://monoskop.org/images/2/27/Horkheimer_Max_Adorno_Theodor_W_Dialectic_of_Enlightenment_Philosophical_Fragments.pdf
- Khanduri, R.G. (2012). Some things about Gandhi. *Contemporary South Asia*, 20(3), 303–325. <https://doi.org/10.1080/09584935.2011.599834>
- Livingstone, S., & Lunt, P. (2014). 31. Mediatization: An emerging paradigm for media and communication research? In K. Lundby (Ed.), *Mediatization of Communication* (pp.703–724). De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110272215.703>
- Mazzarella, W. (2010). Branding the Mahatma: The untimely provocation of Gandhian publicity. *Cultural Anthropology*, 25(1), 1–39. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2009.01050.x>
- Rai, Dh. (2022). *Contested representation: Dalits, Popular Hindi Cinema, and Public Sphere*. Lexington Books; The Rowman & Littlefield.
- Rai, Dh. (Intro) (2023). *MK Gandhi: Poorna Swaraj, Constructive Programme: Its Meaning and Place*. Gurugram: Penguin/Vintage Book.
- Rai, D. (Intro). (2025). *M.K. Gandhi: Hind Swaraj*. Penguin/Vintage Book.

Bio notes:

Dhananjay Rai, Dr., Associate Professor, Head of Department, Department of Gandhian Thought and Peace Studies, Central University of Gujarat, Sector-29, Gandhinagar, Vadodara, 382030, India. ORCID: 0000-0001-6922-7156. E-mail: statuscivilis@gmail.com

Akash Singh Thakur, Research Scholar, Department of Gandhian Thought and Peace Studies, Central University of Gujarat, Sector-29, Gandhinagar, Vadodara, 382030, India. ORCID: 0009-0002-7103-0007. E-mail: akashsinghthakur97@gmail.com

Сведения об авторах:

Рай Дхананджай, PhD, доцент, заведующий кафедрой гандийской мысли и изучения мира, Центральный университет Гуджарата, Индия, 382030, Ваходара, Гандинагар, сектор 29. ORCID: 0000-0001-6922-7156. E-mail: statuscivilis@gmail.com

Тхакур Акаш Сингх, научный сотрудник, факультет гандийской мысли и изучения проблем мира, Центральный университет Гуджарата; Индия, 382030, Ваходара, Гандинагар, сектор 29. ORCID: 0009-0002-7103-0007. E-mail: akashsinghthakur97@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-589-597

EDN: BLFVCR

UDC 738.5:070

Research article / Научная статья

Political Communications in India: Comparing the Era of Nehru and Modi

Jyotasana

School of Liberal Arts and Humanities, Woxsen University, Hyderabad, India

 jyotasana.verma@woxsen.edu.in

Abstract. India has experienced an intricate pattern of political communication in times of popular leaders which has shaped larger political discourses and narratives on nationalism, secularism, caste and class. The increasingly mediatized political communication merits a comparative between the Nehruvian era (1947–1964) and the contemporary times (Modi, 2014 – till now) as both the eras are led by popular leaders. This research attempts to evaluate the contours of mediatized political communication in India, through a qualitative content analysis of the political communication of the two leaders. The research utilises historical speeches and media interactions of the two leaders, using the archival data such as historical records, speeches, writings, newspaper articles and television broadcasts. The political communication between the Nehruvian and contemporary era is crucial in terms of both traditional media and new media. Nehru relied on traditional media for his communication and used a public place to address the masses fundamental issues of the country. Modi's communication strategies emphasised new sources of media such as social media and online news and is focused on the individual-centric and mediacentric communication shaping the political narrative in contemporary India.

Keywords: media, Jawaharlal Nehru, Narendra Modi, mediatization, print media, social media

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 2 May, 2025; revised 3 June, 2025; accepted 26 June, 2025.

For citation: Jyotasana (2025). Political Communication in India: Comparing the Era of Nehru and Modi. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 589–597. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-589-597>

© Jyotasana, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Политические коммуникации в Индии: сравнение эпох Неру и Моди

Джотасана

*Школа свободных искусств и гуманитарных наук, Университет Воксена, Хайдарабад,
Индия*

✉ jyotasana.verma@woxsen.edu.in

Аннотация. В Индии сформирована сложная модель политических коммуникаций в периоды правления популярных государственных деятелей, при этом образованы многоаспектные политические дискурсы и нарративы о национализме, секуляризме, кастах и классах. Цифровизация и медиатизация политических текстов различного формата создали условия для сравнения двух разделенных временем эпох: Джавахарлала Неру (1947–1964) и Нарендры Моди (2014 – настоящее время). Анализируя контент, исследование очерчивает контуры политических коммуникаций в Индии, в качестве эмпирики используются исторические речи и тексты двух лидеров, архивные данные (записи, сочинения), газетные статьи и телевизионные передачи. Автор заключает, что для Неру и Моди средства массовой информации имели и имеют определяющее значение. Неру полагался на традиционные медиа и использовал публичное пространство для обращения к массам по фундаментальным для страны вопросам. В коммуникационных стратегиях Моди доминируют новые медиа: социальные сети, новостные онлайн-каналы; фокус – на индивидуальной и медийно ориентированной коммуникации, что продуцирует соответствующую политическую риторику.

Ключевые слова: медиа, Джавахарлал Неру, Нарендра Моди, медиатизация, печатные СМИ, социальные медиа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 мая 2025 г.; отрецензирована 3 июня 2025 г.; принята к публикации 26 июня 2025 г.

Для цитирования: *Jyotasana*. Political Communication in India: Comparing the Era of Nehru and Modi // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 589–597. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-589-597>

Introduction

Political leaders and the masses interact via political communication in media and India represents an interesting case study of the political communication that has emerged during the periods of popular leaders at the central level. This article focuses on a comparative of Jawaharlal Nehru (hereafter Nehru) and Narendra Modi (hereafter Modi) in terms of their political communications on social, political, and economic issues, analysing the difference in methods, purposes and outputs in an increasingly mediated political communication. It explores the impact of media, political rhetoric, political messaging as they are reflected in an increasingly mediated political communication, locating these interactions in archival data such as historical records, speeches, writings, newspaper articles and television

broadcasts. The paper explores Nehru's and Modi's political communication as prime ministers of India, their media strategies, narrative rhetoric, and public engagement in both eras.

Materials and Methods

The study is based on qualitative content analysis. Qualitative methods are essential in comprehending the post-colonial era and populism associated with Indian Prime Ministers: Nehru and Modi. Content analysis opens up the route to discerning deliberate variations in the substance of communication including intentions and attributes of the communicator, propaganda, and cultural norms of organisations, institutions, and societies (Rai, 2022).

Results and Discussion

Contextualising Mediatized Political Communication

Political communication is an interactive process subdivided into three categories: production, contents, and effects (Norris, 2004). These three components help to understand the dynamic process (Deutsch, 2015, p. 5) of relationships among three components: political organisation, media, and citizens. The objective is to convince or influence. Media organisations encompass print, radio, online platforms, and the Internet (McNair, 2011). Political communication involves actively participating in local, regional, state, national, and international matters. It focuses on utilising information, persuasion, and strategic message creation to comprehend and influence outcomes, especially in the realms of governance and social behaviour (Norris, 2004, p. 1).

Mediatized political communication plays a crucial role in influencing the structure, way of engagement, and culture of the political process (Kaid, 2004). In political discourse, leaders state and defend party policies on the presumption of an institutionally-authored line. Politics and linguistic activities have a common cultural lexicon and are dedicated to similar demands of comprehensibility and care over expression, including changes in emotionality outside of political communication.

The Nehruvian Era: Political Communication and Media

Nehru was the Prime Minister of India for seventeen years, initially as the leader of the interim legislature (1947–1952) and subsequently winning general elections three times (1952, 1957, 1961). Additionally, he served as the leader of the Indian National Congress party and held other ministerial positions during his tenure (Nehru, 2004). According to Madhav Khosla, Nehru's enthusiasm for his political action can be interrogated in terms of his *political actions* coming from his political communication (Khosla, 2014) through which he introduced his ideas of politics, society, and economy. Most of the time, Nehru used to communicate with the masses through traditional media methods such as television, radio, and personal

letters. Often, he used a public place to address the masses with his ideas and a democratic perspective.

Nehru advocated the utilisation of radio as a medium for engaging with the masses. However, Nehru did not limit his usage of the radio to only significant events. While the discussions of the Constituent Assembly were coming to an end in June 1949, Nehru made a declaration on the food situation in a radio broadcast (Sen, 2021). On 3 December 1949, he again delivered a speech to the country through radio transmission; He repeated his desire to maintain communication with the public, either in person or over the radio (Sen, 2021). Nehru would regularly deliver addresses to the country over the radio, particularly during times of significant national upheaval including the India-China conflict in 1962. He advocated for both individual and national freedom through peaceful methods. He addresses a speech to the entire nation, without considering differences in religion, region, caste, class, gender, or political affiliations. He rejects the concept of segregated nationalism and identity-based politics. In this regard, Nehru delivered a speech to the nation on October 22, 1962, on All India Radio.

I invite all of you to whatever religion or party or group you may belong to be comrades in this great struggle that has been forced upon us. I have full faith in our people and in the cause and in the future of our country... We have followed a policy of non-alignment and sought friendship of all nations. We believe in that policy fully and we shall continue to follow it. We are not going to give up our basic principles because of the present difficulty¹.

Nehru encouraged universal nationalism vis-à-vis internationalism. This was evident in his active participation in international affairs and the non-alignment movement. He advocated for mature nationalism that was not dependent on religion, region, caste, gender, or province. The fundamental principle of Nehruvian internationalism is the promotion of peaceful cooperation among nations.

Further, Nehru's letters are an important method of political communication, he used to exchange letters with important political figures. Nehru proposed to 'form the habit of fortnightly exchange of the letters', and the letter of October 15 was the first of this exchange initiated a political practice that he continued until a few months before he died in 1964. (Khosla, 2014, p. 2).

These letters concern various social issues such as class, caste, religion, poverty, scientific temper, communalism, reason secularism, socialism, and democracy. These letters are examples of 'concerted efforts' (Khosla, 2014, p. 23) to establish a society based on democratic principles. Subsequently, his speeches, letters, writings, and personal communication are very much related to his concerted efforts. Nehru communicated in various ways and places with people, and in parliament, various conferences, and meetings through his 'concerted political communication'.

¹ *Nehru's address to the nation on October 22, 1962, over All India Radio* (2020, July 12). National Herald. Retrieved February 26, 2025, from <https://www.nationalheraldindia.com/blog/nehru-address-to-the-nation-on-october-22-1962-over-all-india-radio>

Nehru well understood the specificities of the Indian context. His theorisation of class-caste specificities in the Indian context was well documented in his writings, letters, and speeches. In a letter to the Chief Minister (dated 25 October 1957) Nehru asserted that:

There are national conflicts and economic conflicts among classes, there is a class war, and, in India, there are all kinds of other conflicts based on province, language and caste etc... We want a classless society, and we know that at present it is a class-ridden and caste-ridden society we have to deal with (Nehru, 1984, pp. 819–820)².

In Nehru's view, caste is worse than class and more specific to India. Further, Nehru looked at identity conflict from an economic perspective to resolve and transform these agitations in a different direction from powerful disruptive tendencies such as communal, provincial, caste, and other discriminatory categories in the country. Further, addressing a public meeting Mr. Nehru said that:

We must not allow religion to enter into politics, nor should we allow communalism to a way of our minds. We must avoid these dangerous paths of communal politics always, but it is more important to do so in the present time (Nehru, December 12, 1953)³.

However, Nehru believed that the idea of secularism could permanently solve the problem of communalism. Nehru established the fundamental principles of democracy, the federal parliamentary system, and secularism, emphasising the equality of all individuals before the law, regardless of their race, religion, region, sex, caste, or creed (Malhotra, 2007, p. 23). Thus, Nehru's correspondence with many political organisations, individuals, and citizens through various mediums and channels exemplified the active involvement of the public in the decision-making process and public affairs.

Additionally, Nehru advocates a radical perspective on journalism. In his opinion, any journal must be dedicated to the promotion of rational thought. He believed that the 'National Herald' was required to adhere to a specific 'ideological standard'. In contrast to 'profit-making' journalism, Nehru advocated for a form of 'ideological journalism'. These ideological standards must be in opposition to 'Bania' and 'Baniagiri' in journalistic functions and activities and must promote rational thinking (Nehru, 1963). Countering market oriented/sensationalist media was considered crucial by Nehru in the process of political and social transformation and change.

In sum, Nehru political communication focused on utilising the media for espousing universal nationalism, secularism, and handling class-caste specificities in the Indian context.

² Nehru, J. (1984). *Selected Works of Jawaharlal Nehru* (2nd Series, Vol. 39). New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund.

³ Nehru, J. (1953, December 12). Religion should not be allowed to enter into politics Nehru. *Dawn Newspaper. Jawaharlal Nehru Post Independence papers (S.G.)*. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Library Archives.

Mediatized Political Communication in Contemporary India

The Prime Minister of India Narendra Modi's political communication is reflected in his slogan, *sabka saath, sabka vikaas, aur ab sabka vishwas* (Supporting everyone, everyone's development, and now everyone's trust). The slogan's clear use of the word *vishwas* (trust/belief) is telling. This understanding of politics is founded upon the popularity of Narendra Modi and the faith that voters have in him (Sircar, 2020). In the politics of *vishwas*, the reverence to a particular politician is explicitly proportional to how well that politician can communicate with the voter primarily through media or party organisation (Sircar, 2020).

Modi's approach, the populist nature of his speeches, and his influence as a strong leader were crucial factors in his party's electoral success. Modi has successfully circumvented the entire framework of party politics, vote banks, electoral procedures, parliamentary democracy, and representative governance, by portraying himself as the protagonist, Narendra Modi, who embodies the voice, determination, and representation of the Indian population. He has launched a monthly radio show called 'Mann ki Baat', which may be interpreted as 'What's in my heart' or 'Sharing the message of my heart', but more accurately means 'The heart's discourse' or 'My heart's testimony' (Vajpeyi, 2020, p. 21).

Modi often avoids making political references and statements in his 'Mann ki Baat', a platform used to deliberate on the social sphere, highlight noteworthy achievements from different regions of the nation, and read intriguing letters received by the Prime Minister from his follower⁴. In his nine radio speeches in 2019, he has only discussed politics once, referenced the economy or economics eight times, and brought up education five times. He consistently addresses the audience as 'Mitron'. The phrase 'Friends' is translated into English 48 times in a total of nine talks, which averages to almost five occurrences in each speech⁵. Modi's speech of self-congratulation "I," "main," and "hum" are the most frequently used words in every one of Modi's speeches. In this discourse, his speech was about the surrounding self and individual achievements and failures. Modi used the media, particularly social media in his political communication via messengers and importantly his political communication with the masses which is 'Man ki Baat' (Sen, 2021). In June 2019, Modi delivered a speech via his radio broadcast 'Man ki Baat'. He said:

*'Mann Ki Baat' is like a mirror to the country & our society. It conveys to us that there is no dearth of inner fortitude, strength & talent within our countrymen. The need of the hour is to synergise those strengths and talents, to provide opportunities, and to implement them. 'Mann Ki Baat' also tells us that 130 crore countrymen wish to be, strongly and actively, a part of the nation's progress*⁶.

⁴ Chatterji, S. (2019, December 31). *Word cloud analysis of PM Modi's 'Mann Ki Baat' and what it tells us*. Hindustan Times. <https://www.hindustantimes.com/india-news/in-9-mann-ki-baat-episodes-of-2019-pm-modi-mentioned-india-220-times/story-D5I1ZptsuAUJLYiDiqb8nI.html>

⁵ Chatterji, S. (2019, December 31). *Op. cit.*

⁶ Modi, N. (2019, June 30). *PM's address in 'Mann Ki Baat 2.0' Programme on All India Radio*. All India Radio. Man Ki Baat, Prime Minister's Office, Government of India. https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-address-in-mann-ki-baat-2-0programme-on-all-india-radio/

Regarding the use of COVID-19 vaccination doses, he said in October 2021:

*My dear countrymen, Namaskar...namaskar a billion times! And I am saying 'koti-koti namaskar' also since after crossing the 100 crore vaccine doses, the country is surging ahead with a new zeal; and renewed energy. The success of our vaccine programme displays the capability of India...manifests the might of our collective endeavour*⁷.

Modi's populism is personal and he has received several correspondences from people in general through 'Mann Ki Baat', as well as a multitude of messages on social media and the NaMo App. He said "Friends, many people who listened to 'Mann Ki Baat' have written letters to me and shared their memorable moments. It is on account of the strength of 140 crore Indians that this year, our country has attained many special achievements"⁸. Furthermore, in January 2024, following Republic Day and the Pran Pratishtha ceremony in Ayodhya Ram temple, he gave the following speech on his radio show:

*The Constitution of India has come into being after such intense brainstorming that it is called a living document. In part three of the original copy of this very Constitution, the fundamental rights of the citizens of India have been described and it is noteworthy that at the beginning of Part three, the makers of our Constitution had allotted due space to the pictures of Bhagwan Ram, Mata Sita, and Lakshman ji. The rule of Prabhu Ram was also a source of inspiration for the makers of our Constitution and that is why on January 22 in Ayodhya, I had talked about 'Dev se Desh'... I'd referred to 'Ram se Rashtra'*⁹.

Modi's political communication reflects his religious nationalism, namely the concept of Hindu Rashtra. In addition, the recent political system draws attention to the non-political trends in new civil society projects focused on yoga, spirituality, and public cleanliness.

Modi's show 'Man ki Baat' from 2019 to 2024, focused on the trends in his political communication. Specifically, his speeches revolve around Indian festivals such as *Janmashtami*, *Chhath Maiya*, *Deepawali*, *Kumbh*, and the Desert Festival Rann of Kutch. Furthermore, he also narrates stories about individuals such as Swami Vivekanand, Dr. APJ Abdul Kalam, Sardar Vallabhbhai Patel, and B. R. Ambedkar. In a broadcast 'Mann Ki Baat', Modi addresses the country on air regularly wants to reach out and connect with people, just as Nehru used his radio talks to explain His and the government's position on several crucial matters, including communalism, caste-based discrimination, the food crisis in 1949, and the 1962 border conflict with China (Sen, 2021). However, Modi's political communication especially through 'Man Ki Baat' is self-referential and aimed at making a personal connection with citizens (Sen, 2021).

⁷ Modi, N. (2019, June 30). *PM's address in 'Mann Ki Baat 2.0' Programme on All India Radio*. All India Radio. Man Ki Baat, Prime Minister's Office, Government of India. https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-address-in-mann-ki-baat-2-0programme-on-all-india-radio/

⁸ Modi, N. (2019, June 30). Op. cit.

⁹ Modi, N. (2019, June 30). Op. cit.

Conclusion

The political communication between the Nehruvian and contemporary era is crucial in terms of both traditional media (print, radio, television) and new media platforms (social media, internet news). Nehru relied on traditional media for his communication, whereas Modi's communication strategies emphasised new sources of media such as social media and online news.

During the Nehruvian era, the media was predominantly under state control, with only a minimal presence of commercial media. The pivotal role played by All India Radio (AIR) and *Doordarshan* in spreading information is noteworthy. Nehru's political communication reflected his political conceptions of state (secular, democratic), society (universalism through internationalism), and the people (guided by modernity, reason, and rationality).

The Nehruvian era had a prominent and enduring role in shaping government and politics in the advancement of society through principles such as equality, freedom, voting rights, and belief in democracy. He demonstrated a strong awareness and consideration for issues of respect for marginalised groups and individuals, as well as their social and political concerns (Kothari, 1964, pp. 1170–1171).

Nehru's primary concern was the address fundamental issues of the country, for example, the elimination of gross social inequalities (especially social concerns such as caste and class-based discrimination), the abolition of feudalism, protective legislation for labour, the linguistic reorganisation of states, through the implementation of special privileges for marginalised groups and the strict suppression of any instances of violence, secession, or discrimination, the political system has successfully eradicated social and political unrest (Kothari, 1964, p. 1169).

Modi's approach involves disregarding traditional news media and instead relying on social media and government websites to update his fans about his everyday activities and government policies (Rodrigues, Niemann, 2019).

In contemporary India, the media landscape in the current political system is characterised by the widespread presence of privately-owned news networks and online news sites. In addition to this, there is a common practice of utilising numerous social media platforms, with an increase in the contents pertaining to false news, media bias, and information overload.

Modi and his party has effectively utilised various social media channels to actively engage with young, educated, middle-class voters in India throughout the election campaigns by creating a populist narrative around hyper nationalism and his individuated leadership.

References

- Deutsch, K.W. (2015). *Political Community and the North American Area*. Princeton University Press.
- Kaid, L.L. (2004). *Handbook of Political Communication Research*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

- Khosla, M. (Ed.). (2014). *Letters for a Nation: From Jawaharlal Nehru to His Chief Ministers 1947–1963*. Penguin Books Limited.
- Kothari, R. (1964). The Congress ‘System’ in India. *Asian Survey*, 4(12), 1161–1173. <https://doi.org/10.2307/2642550>
- Malhotra, I. (2007). Nehru’s Luminous Legacy. *India International Centre Quarterly*, 33(3/4), 22–33. <https://www.jstor.org/stable/23006066>
- McNair, B. (2011). *An Introduction to Political Communication* (5th Ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203828694>
- Nehru, J. (1963). *Nehru’s “Personal and Confidential” Letter to Sri Prakash*. *National Herald. Jawaharlal Nehru Post Independence Papers*. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Library Archives.
- Nehru, J. (2004). *An Autobiography Jawaharlal Nehru*. Penguin Books.
- Rai, Dh. (2022). *Contested Representation: Dalits, Popular Hindi Cinema, and Public Sphere*. Rowman & Littlefield. <https://doi.org/10.5771/9781666901344>
- Rodrigues, U.M., & Niemann, M. (2019). Political communication Modi style: A case study of the demonetization campaign on Twitter. *International Journal of Media and Cultural Politics*, 15(3), 361–379. https://doi.org/10.1386/macp_00006_1
- Sen, R. (2021). Charisma through Communication: Comparing Modi’s Media Strategy to Nehru and Indira. *Economic and Political Weekly (Engage)*, 56(10).
- Sircar, N. (2020). The Politics of Vishwas: Political Mobilization in the 2019 National Election. *Contemporary South Asia*, 28(2), 178–194. <https://doi.org/10.1080/09584935.2020.1765988>
- Vajpeyi, A. (2020). Minorities and Populism in Modi’s India: The Mirror Effect. In V. Kaul, A. Vajpeyi (Eds.), *Minorities and Populism – Critical Perspectives from South Asia and Europe* (pp. 17–28). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-34098-8_2

Bio note:

Jyotasana, Assistant Professor, Dr, School of Liberal Arts & Humanities, Woxsen University, Kamkole, Sadasivpet, Sangareddy Distr, Hyderabad, Telangana, 502345, India. ORCID: 0000-0001-8349-6774. E-mail: jyotasana.verma@woxsen.edu.in

Сведения об авторе:

Джотасана, доцент, PhD, Школа свободных искусств и гуманитарных наук, Университет Воксена, Камколе, Садасивпет, Район Сангаредди, Хайдарабад, Телангана, 502345, Индия. ORCID: 0000-0001-8349-6774. E-mail: jyotasana.verma@woxsen.edu.in

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-598-609

EDN: BPYCND

UDC 327.5

Research article / Научная статья

India-Pakistan Conflict on the Global Mental Landscape: Media Geographical Focus

Tamara S. Yakova^{ID}*Lomonosow Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

✉t-yakova@mail.ru

Abstract. Presented the results of a study of the behavior of the global Internet audience in relation to the conflict between India and Pakistan. For the first time in scientific research, the media geographic approach is applied to the analysis of this topic. The objective of the study is to identify semantic morphoscultures associated with the relations between India and Pakistan and determine their place in the global mental landscape. The methodology of the study was based on the theory of rank analysis. The chronological framework of the study covers the period from 2004 to May 2025. The results of the analysis of big data extracted using the Google Trends service showed that the semantic morphosculture associated with Indo-Pakistani relations on the mental landscapes of a number of South Asian countries has become the Kashmir conflict. Correlations are revealed between the media space of the conflict, mediated by the world mass media, and the mental space manifested in the search queries of Internet users in different countries of the world. The results of the analysis of the dynamics of reactions of Internet audiences to conflict processes can become the basis for predicting the behavior of the population in conditions of their escalation and modeling solutions.

Keywords: international conflicts, Kashmir conflict, rank analysis, media space of conflict, mental space of conflict, semantic morphosculture

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 7, 2025; revised May 23, 2025; accepted June 19, 2025.

For citation: Yakova, T.S. (2025). India-Pakistan Conflict on the Global Mental Landscape: Media Geographical Focus. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 598–609. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-598-609>

Конфликт Индии и Пакистана на глобальном ментальном ландшафте: медиагеографический фокус

Т.С. Якова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ t-yakova@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования поведения глобальной интернет-аудитории по отношению к конфликту Индии и Пакистана. Впервые в научных исследованиях медиагеографический подход применяется к анализу данной темы. Задача – выявить смысловые морфоскульптуры, связанные с отношениями Индии и Пакистана, определить их место на глобальном ментальном ландшафте, – решалась при помощи медиагеографического инструментария. Методология базировалась на теории рангового анализа. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2004 по май 2025 г. Результаты анализа Big Data, извлеченных при помощи сервиса Google Trends, показали, что смысловой морфоскульптурой, связанной с индо-пакистанскими отношениями, в ментальных ландшафтах целого ряда стран Южной Азии стал кашмирский конфликт. Выявлены корреляции между медийным пространством конфликта, опосредованным мировыми средствами массовой информации, ментальным пространством, проявленным в запросах интернет-пользователей разных стран мира. Результаты анализа динамики реакций интернет-аудиторий на конфликтные процессы могут стать основой для прогнозирования поведения населения в условиях их обострения и моделирования решений.

Ключевые слова: международные конфликты, кашмирский конфликт, ранговый анализ, медийное пространство конфликта, ментальное пространство конфликта, смысловая морфоскульптура

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 мая 2025 г.; отрецензирована 23 мая 2025 г.; принята к публикации 19 июня 2025 г.

Для цитирования: Yakova T.S. India-Pakistan Conflict on the Global Mental Landscape: Media Geographical Focus // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 598–609. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-598-609>

Introduction

The conflict between India and Pakistan has been going on for almost seven decades, since the partition of British India into two independent states in 1947. The subject of the dispute between the two countries was the territory of the princely state of Kashmir, the status of which was not secured by official border agreements. Over the years, the contradictions between the countries have repeatedly escalated and led to wars and local clashes. The terrorist attack in northern India in April 2025 caused a new wave of conflict, which could lead to catastrophic consequences for all of humanity, since both countries possess nuclear weapons. The world mass

media drew attention to the threat of a full-scale war¹. The United States advocated de-escalation of tensions in the region²; China took the same position. The Russian Foreign Ministry called on both countries to engage in constructive dialogue aimed at a peaceful resolution of the conflict³. Russia has consistently advocated for the resolution of disputes between India and Pakistan over the past decades⁴ and, according to experts, in the current circumstances, the Russian Federation is the only power capable of acting as a mediator in the peaceful settlement of the Kashmir conflict. BRICS, which includes Russia and China, which advocate de-escalation of tensions in Indo-Pakistani relations, can also play an important role as a peacemaker. Within the BRICS framework, major powers can find a mutually acceptable solution for Pakistan and India more successfully than other international organizations. The Indo-Pakistani conflict affects not only regional but also global processes involving both the countries of the South Asian region and other states that shape the nature of modern international relations. In this context, the task of studying the behavior of global Internet audiences in relation to the conflict between India and Pakistan has become relevant, the implementation of which was aimed at the media geographic study of the mental landscapes of the countries of the world. Media geographic tools make it possible to trace the dynamics of changes in the interests of the global Internet audience and identify the main vectors of their development, which can become the basis for modeling its behavior and influence on the development of conflict processes. Theoretical approaches to the study were based on scientific works in the field of history and current state of relations between India and Pakistan (Zaitsev, 2018; Khrisanova, 2014; Makarevich, 2021; Tankhilevich, 2011; Dikih, 2017; Lazareva et al., 2024); international relations and modern world politics (Asmolov, Babaev, 2024; Lebedeva, 2021); practices of resolving international and regional conflicts (Vershina et al., 2023; Kaveshnikov, 2023); theories of journalism and conflictology (Lynch, Galtung, 2010; Merkley, 2020).

Methods and Context of the Study

The study was based on media geographic approaches to the analysis of media reality (Coudry, McCarthy, 2004; Falkheimer, Jansson, 2005; Relph, 2000; Yanglyaeva, Yakova, 2018; Yakova, Yanglyaeva, 2019). In modern media

¹ Smirnaya E. (2025, April 30). *The threat of a full-scale war between India and Pakistan was assessed*. Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2025/04/30/voyna/>; Mashal, M., & Raj S. (2025, April 25). *As Tensions Rise with Pakistan, a Moment of truth for India's Military*. The New York Times. <https://www.nytimes.com/2025/04/26/world/asia/india-pakistan-military-kashmir-attack.html#>

² U.S. and U.N. *Urge De-escalation Between India and Pakistan*. (2025, May 1). The New York Times. Retrieved January 1, 2025, from <https://www.nytimes.com/2025/05/01/world/asia/india-pakistan-kashmir-de-escalation.html>

³ *Russia called on Pakistan and India to exercise restraint and engage in constructive dialogue*. (2025, April 28). RBC. Retrieved April 30, 2025, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/680fad-ca9a7947a162a050ca>

⁴ *Russia and the Search for a Balance between India and Pakistan*. (2019, March 1). Valdai International Discussion Club. Retrieved April 30, 2025, from <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-balans-indiya-pakistan/>

geographic studies, the main categories are space and time, which allow us to determine the scale, boundaries and parameters of information flows (Yakova, 2021). The media and mental spaces of the conflict are studied within the framework of the spatio-temporal coordinate system at different levels (from the micro level of the individual to the macro level of the state and the global world). Media and mental spaces and their mutual influence are the focus of media geographic studies of international conflicts. We define the media space of a conflict as a dynamic communicative environment formed by a set of media texts (news reports, analytical materials, visual content, etc.) that construct, broadcast and interpret a conflict situation in the public sphere. The mental space of a conflict is ideas about the conflict in people's minds, subjective images of territories and events formed under the influence of the media and the cultural and historical stereotypes they broadcast, political narratives, manifested in search queries and user reactions. The media and mental spaces of a conflict are linked by a cyclical dependence: the media construct a reality that influences people's consciousness, and their reactions again fall into the media field. Analysis of Internet queries allows us to see where and how different versions of reality are formed. An effective tool for their differentiated study is offered by the theory of rank analysis (Buletova, Sharkevich, 2016), based on the law of rank distribution. The object of the study is the global mental landscape⁵. The objective of the study is to identify the place of the semantic morphosculpture⁶ Kashmir conflict (fully correlated with the content of the conflict between India and Pakistan in the global information space) in the mental landscapes of the countries of the world. The main method was the rank analysis of the spectrum of interests of Internet audiences of countries of the world for queries substantively related to the topic of 'conflict between India and Pakistan'. The study of the global English-speaking Internet audience was conducted using the rank analysis method. The empirical base of the study was made up of big data from the Google Trends service, reflecting the Internet behavior of users in relation to the research topic. The chronological framework of the study covers the period from the beginning of the Google Trends service (2004) to May 2025. The comparison of the mental and media spaces of the conflict between India and Pakistan was carried out on the basis of a content analysis of the world mass media (The Times of India (India), Dawn (Pakistan), Straits Times (Singapore), The Kathmandu Post (Nepal), The Bangladesh Today (Bangladesh), The Island (Sri Lanka), Global New Light of Myanmar (Myanmar), The New York Times (USA), The Times (United Kingdom)⁷) and was

⁵ Mental landscape in media geography is a way of thinking, attitude to any socially significant phenomena and processes of residents of a certain area, territory. This is the result of the transformation of the spiritual and material world of a person, social ideology and symbols of the state. The mental landscape acts as a semantic center in the creation of a hierarchy of identity (national, regional, local) and forms territorial identity. (Nikolaichuk, et al., 2018, p. 143).

⁶ Semantic morphosculptures are specific morphosculptures of mental relief that are related to various local variations in the state and dynamics of public consciousness (Nikolaichuk, et al., 2018, p. 144).

⁷ The list of mass media was compiled based on the results of a ranking analysis (by countries occupying the first 7 lines plus the mass media of the USA and United Kingdom).

of a pilot nature (the sample included media texts published during periods of escalation of the Kashmir conflict in August-September 2019 and April-May 2025).

Results and Discussion

The results of the rank analysis showed that the interest of the global Internet audience in the topic of the conflict between India and Pakistan has been recorded by the Google Trends service since the search engine was launched. The first surges in the number of queries (Figures 1 and 2) were registered in 2005–2006, when incidents occurred on the Indo-Pakistani border and events in the Jammu and Kashmir region (armed clashes in July 2005, the earthquake in Kashmir and the agreement between the countries to cross the dividing line to search for relatives in October 2005, the restoration of rail service in February 2006). The terrorist attacks in 2008 (in Mumbai and other cities) exacerbated the contradictions between the two countries, their missile and nuclear confrontation intensified – since then, the interest of the global Internet audience in the conflict between India and Pakistan (Figure 1) and, especially, in the Kashmir region (Figure 2) has remained consistently high.

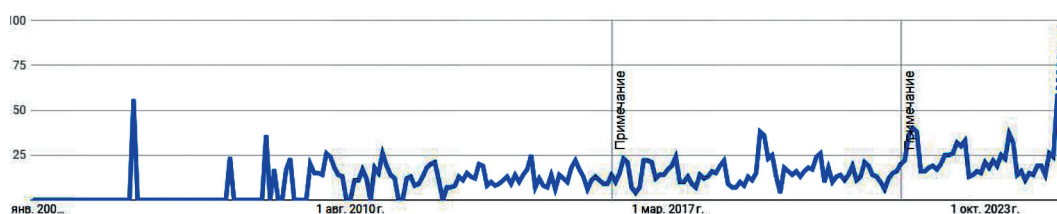

Figure 1. Dynamics of popularity of the search query conflict between India and Pakistan by country of the world, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

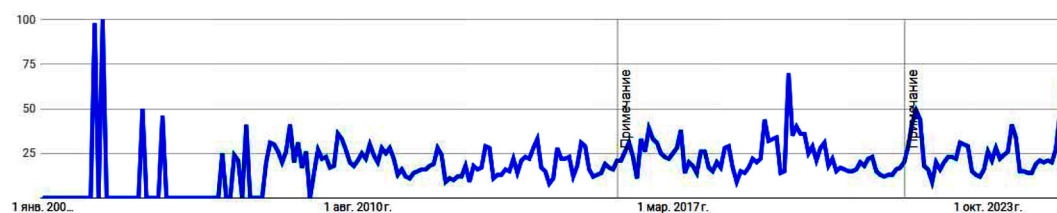

Figure 2. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* by country of the world, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Interest in the topic “conflict between India and Pakistan” is actively demonstrated in 50 countries, excluding territories with a small number of requests. Pakistan, Nepal and India lead the ranking by the relative share of popularity of this topic. Internet users from 52 countries are interested in the topic “Kashmir conflict” (and 93 countries, taking into account territories with a small number of requests). Pakistan tops the ranked list (Table 1); India is in 5th place, the USA is in 11th, and United Kingdom is in 20th place. Since the wording of the requests largely coincides in content, we will consider the dynamics of the relative popularity of the topic “Kashmir conflict” in more detail.

Table 1

Ratio of popularity of the search query *Kashmir conflict* in countries of the world (20 out of 52), 2004–2025

Rank	Country	Share of total number of requests, %	Rank	Country	Share of total number of requests, %
1	Pakistan	100	11	USA	9
2	Singapore	23	12	Kenya	9
3	Sri Lanka	19	13	Canada	4
4	Bangladesh	19	14	Sweden	4
5	Myanmar	19	15	Malaysia	4
6	India	19	16	Philippines	4
7	Nepal	14	17	Netherlands	4
8	Qatar	14	18	Australia	4
9	UAE	14	19	Ireland	4
10	Norway	14	20	United Kingdom	4

Source: completed by Tamara S. Yakova.

Pakistan tops the ranking list, and this is logical: Pakistanis are as concerned about the problems of the union territory of Jammu and Kashmir as the people of India (sixth place, which is more likely due to the activity of Internet users). But Singapore is in second place, which can be explained, firstly, by the fact that this country has been a key economic and trade partner of India in the ASEAN region in recent years. Both countries confirmed their intentions to continue cooperation in September 2024 during the visit of Indian Prime Minister Narendra Modi to Singapore and in January 2025 during the visit of Singaporean President Tharman Shanmugaratnam to New Delhi. Secondly, Singapore has a high proportion of English-speaking population and specialists in international trade and finance interested in political and economic issues in the region. Third place is occupied by Sri Lanka, for which India is the closest neighbor. In addition, both countries have strong civilizational and historical ties. The same can be said about Bangladesh (fourth place in the ranking): the country was part of India and Pakistan and only in 1971 became an independent state, which today maintains close religious, linguistic and cultural ties with the population of both countries. A long common border and ethnic roots link the populations of Myanmar (fifth place) and Nepal (seventh) with India. Quite a high level of interest in the conflict in Kashmir was demonstrated by the Internet audiences of Qatar (eighth place) and the UAE (ninth). This is explained by the fact that since the mid-2010s, the UAE-India and Qatar-India cooperation has noticeably intensified in the economic, financial and trade spheres. The interests of the Internet audiences of other countries included in the ranked list (Norway, Sweden, Kenya, Canada, Malaysia, etc.) are associated with different political, economic and cultural relations with India and Pakistan, which is broadcast by national and global mass media.

The rank distribution for the morphosculpture “Kashmir conflict” (Figure 3) has the form of a hyperbola⁸. The steepness of the hyperbola, constructed according

⁸ The calculations were carried out in the Excel program and showed a high degree of reliability (a fairly high correlation coefficient equal to 0.8706). The first rank was assigned to the territorial object with the highest indicator of 100 (Pakistan), where the topic is most popular. Then follow the objects in accordance with their rank (Table 1).

to the formula shown in the figure, indicates that in one country (Pakistan) the level of interest in the topic is extremely high, and then there are a number of countries with approximately the same level of attention to the topic: Singapore, Sri Lanka, Bangladesh, Myanmar, India, Nepal, Qatar, Qatar, etc. The rank distribution demonstrates how the morphosculpture “Kashmir conflict” is positioned by countries of the world.

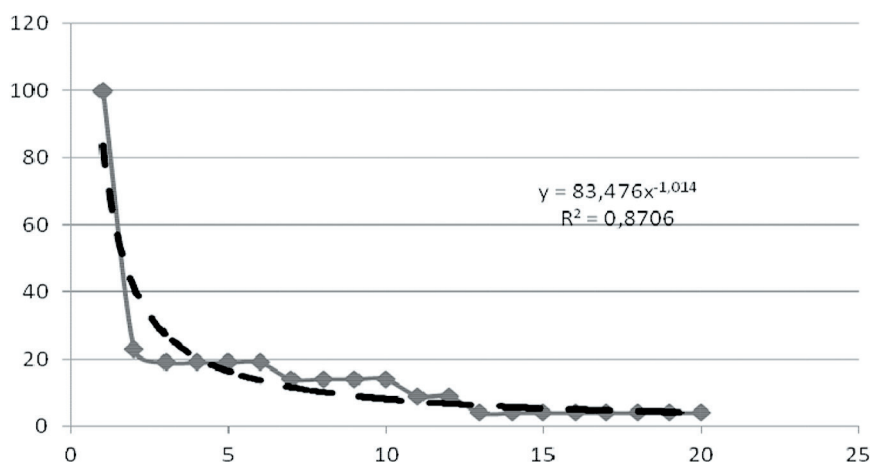

Figure 3. Rank distribution of relative popularity for the search query *Kashmir conflict* by countries of the world

Source: completed by Tamara S. Yakova.

Let us separately consider the changes in the dynamics of the popularity of queries on the topic “Kashmir conflict” for India, Pakistan, Singapore and Nepal (as an example of a state bordering India and historically connected with it), as well as for the USA, United Kingdom and China (37th place in the ranking list), which are actively involved in the conflict processes between India and Pakistan.

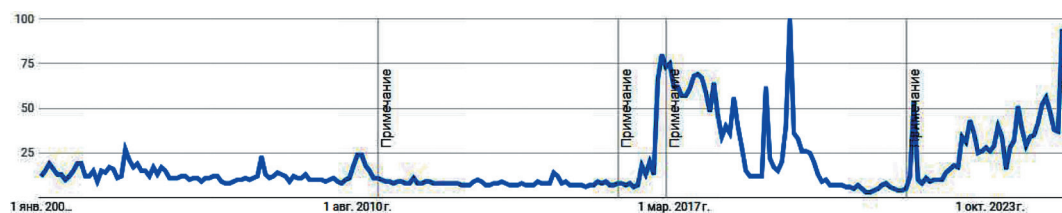

Figure 4. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in India, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

The topic has attracted attention in all states and union territories of India (Figure 4), with the highest level of relative popularity of Internet user queries recorded in the territories of Jammu and Kashmir (100), Chandigarh (11), Rajasthan (5), Bihar (5) and the National Capital Territory of Delhi (4).

In Pakistan, too, interest in the conflict is countrywide (Figure 5). The ranking list is topped by the Azad Jammu and Kashmir administrative territory (100), followed by Gilgit-Baltistan, Islamabad Capital Territory (19), Sindh (17), Balochistan (15), Punjab (14), Khyber Paitunkhwa (14).

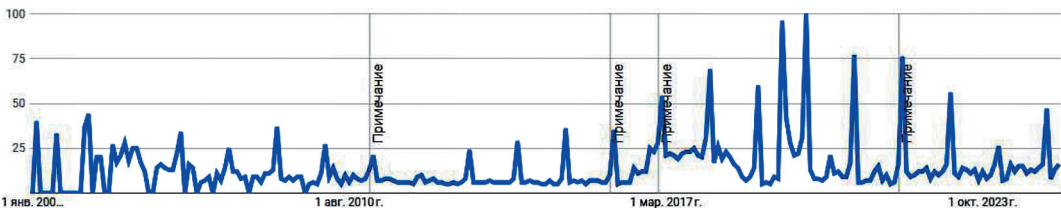

Figure 5. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in Pakistan, 2004–2025
Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

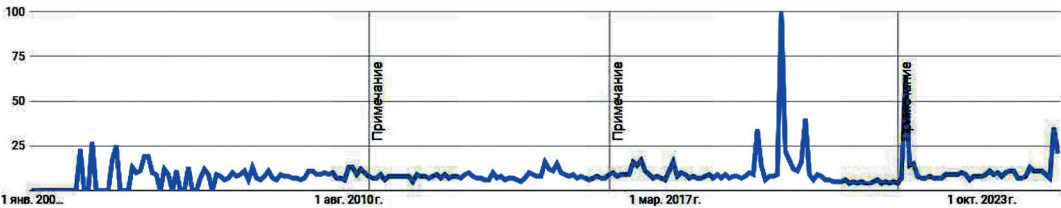

Figure 6. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in Singapore, 2004–2025
Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Singaporean Internet users showed the greatest interest in August-September 2019 (Figure 6), when the Indian government unilaterally revoked Article 370 of the Constitution, which granted special status to the state of Jammu and Kashmir. The events of April-May 2025 attracted less attention from the Singaporean Internet audience (compared to 2019).

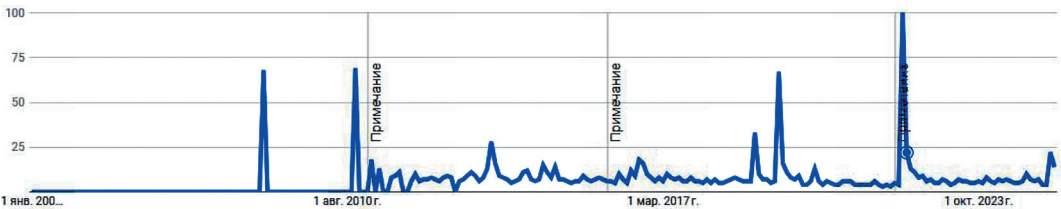

Figure 7. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in Nepal, 2004–2025
Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Table 2

Ratio of popularity of the search query *Kashmir conflict* in in the subregions of Nepal, 2004–2025

Rank	Subregion	Share of total number of requests, %
1	Central Region	100
2	Western Region	95
3	Eastern Region	90
4	Far-Western Region	89
5	Mid-Western Region	84

Source: completed by Tamara S. Yakova.

In Nepal, Internet users in all administrative sub-regions showed a high level of interest in the conflict in Kashmir, which is confirmed by the high rates of the relative popularity of the query (Table 2, Figure 7). A similar picture is seen in other countries neighboring India (Sri Lanka, Bangladesh, Myanmar).

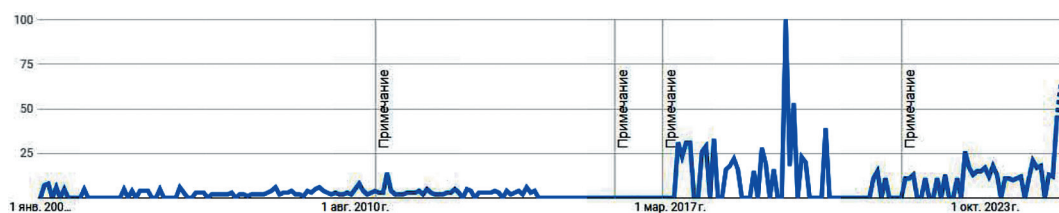

Figure 8. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in China, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

The results of the study of the English-speaking Internet audience in China (Figure 8) are too superficial and include a high margin of error due to restrictions on foreign information resources (including Google) for Chinese Internet users and the low share of the population who speak English. In addition, China has its own national search engine, Baidu. Requests on the topic were registered from 28 administrative-territorial entities of the PRC. The most active were Tibet (100), Tianjin (24), Xinjiang Uyghur Autonomous Region (11), Hainan (11), Beijing (9), Fujian (8), Shanghai (8). Interest in the conflict is explained by the fact that the Chinese part of Kashmir (Aksai Chin) is part of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region and is of strategic importance for China (despite its isolation and remoteness), since it connects Tibet and Xinjiang. In recent years, the leadership of the PRC and India have taken steps to resolve the military confrontation in the Himalayas. The relationship between China and Pakistan is strategic: Pakistan has received support in developing its own nuclear program not only from the United States, but also from China, and has entered China's military and economic "ring" around India (Bredikhin, Yadykina, 2023). These aspects are discussed in different interpretations in Chinese, Indian and Pakistani mass media, which has a significant impact on the interests of Internet users in the countries of their affiliation (forms the vectors of their requests).

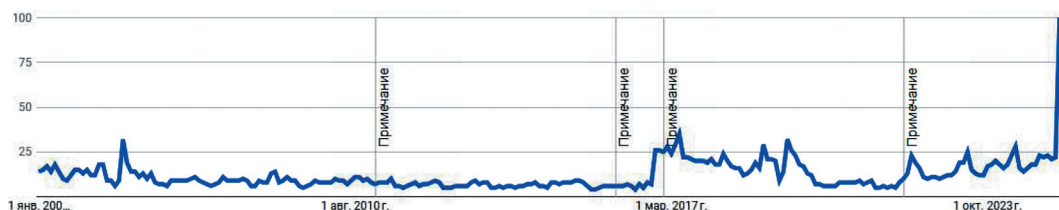

Figure 9. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in USA, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

In the United States (Figure 9), interest in the Kashmir conflict has been shown in all 50 states (the list is topped by New Jersey (100), Virginia (87), Massachusetts (87), Connecticut (85), and New York (83). An analysis of American media content in August-September 2019 and April-May 2025 showed that close attention is being paid to the topic of relations between India and Pakistan, which is primarily due to the active intervention of the US leadership in political and economic processes in South Asian countries.

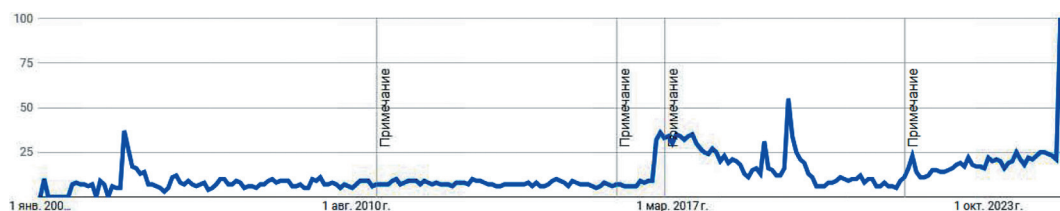

Figure 10. Dynamics of popularity of the search query *Kashmir conflict* in the United Kingdom, 2004–2025

Source: completed by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Internet users in all parts of the United Kingdom also demonstrated a high level of interest in the topic (Figure 10): in England (100), Scotland (61), Wales (43) and Northern Ireland (38). The high level of relative popularity of queries about the conflict in Kashmir in the UK is based on the ongoing colonial ties with India and Pakistan and the active policy of the country's leadership towards this region. The topic of the Kashmir conflict occupies a significant place in the information agenda of the British mass media. In addition, there are quite a lot of people from India and Pakistan in the country's political and financial elite, and it is to England that Indian and Pakistani emigration has been heading in recent decades (and not to Northern Ireland, for example).

Conclusion

The results of the media-geographical study of the mental landscapes of countries around the world demonstrated a high interest of the global Internet audience in the topic of the conflict between India and Pakistan. Internet user queries on topics substantively related to the conflict were registered in 93 countries and territories with different administrative status. The greatest attention to the events in the Jammu and Kashmir region (as the most conflict-prone part of the confrontation between India and Pakistan) was shown by Internet users of neighboring states: Nepal, Myanmar, Bangladesh, Sri Lanka.

The study covered only the English-speaking part of the global Internet audience, which is the most active part of Internet users interested in international political processes and consuming information from the world mass media in English. The results obtained can be extrapolated to the global Internet audience. The Kashmir conflict is an ingrained morphosculpture on the mental landscapes of a number of South Asian countries. The media space of the conflict, mediated by global mass media, has a significant impact on the formation of the mental space, manifested and recorded in the requests of Internet users in different geographic locations. Analysis of the dynamics of reactions of Internet audiences to the development processes of the Kashmir conflict can become the basis for predicting the behavior of the population of countries of the world in the conditions of exacerbation of crisis processes, influencing the behavior of decision-making elites, and modeling exits and solutions.

References

- Asmolov, K.V., & Babaev, K.V. (2024). Tripolar world and bloc triangles in East Asia. *Rossiya v Globalnoy Politike*, 22(3), 165–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181>
- Bredikhin, A.V., & Yadykina, T.S. (2023). China's Particular influence on the Nature of the Kashmir Crisis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 13(4), 115–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-4-115-119>
- Buletova, N.E., & Sharkevich, I.V. (2016). The ranking analysis of regional socio-economic systems: An updated approach. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 15(10), 17–27.
- Couldry, N., & McCarthy, A. (2004). *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. Routledge.
- Dikikh, A.A. (2017). India and Pakistan: Wars, conflicts, their resolution and consequences. *Security Issues*, (4), 46–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2017.4.23694>
- Falkheimer, J., & Jansson, A. (Ed.). (2005). *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Goeteborg: Nordicom.
- Kaveshnikov, N.Yu. (2023). Justice in the Process of Regional Conflict Settlement: Analysis of Russia's Strategy, 1992–2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 215–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>
- Khrisanfova, D.V. (2014). The history of the relationship between China and Pakistan within the context of energy corridors establishment. *Tomsk State University Journal*, (383), 148–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/383/22>
- Lazareva, V.D., Akhtyamova, A.M., & Rakhmatullina, R.Sh. (2024). The Interests of the South Asian Strategic Triangle India – Pakistan – China in the Kashmir Conflict. *Russia in the Global World*, 27(2), 21–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.27.2.2>
- Lebedeva, M.M. (2021). Political organization of the world in the context of modern megatrends: Scenarios of development. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
- Lynch, J., & Galtung, J. (2010). *Reporting Conflict: New Directions in Peace Journalism*. University of Queensland Press.
- Makarevich, G.G. (2021). Indian Stance on the Territorial Dispute over Sir Creek in the Context of India-Pakistan Relations. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, (1), 99–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afj-2021-1-99-107>
- Merkley, E. (2020). Are experts (news) worthy? Balance, conflict, and mass media coverage of expert consensus. *Political Communication*, 37(4), 530–549. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713269>
- Nikolaychuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2018). National identity as a morpho-sculpture and a factor of the mental public landscape. *Social and Humanitarian Knowledge*, 12, 141–157. (In Russ.)
- Relph, E. (2000). Classics in human geography revisited. Author's Response: Place and Placelessness in a New Context. *Progress in Human Geography*, 24(4), 613–619.
- Tankhilevich, A. B. (2011). Problems of the Indo-Pakistani border formation during the partition of Punjab in 1947. *Moscow University Oriental Studies Bulletin*, 3, 66–73. (In Russ.)
- Vershinina, V.V., Koldunova, E.V., & Kuklin, N.S. (2023). Southeast Asian States' Approaches to Peacekeeping and Conflict Resolution. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 265–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>
- Yakova, T.S., & Yanglyaeva, M.M. (2019). *Media Geography*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)
- Yakova, T.S. (2021). Mass media and conflicts: Media-Geographical studies. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 680–697. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).680-697](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697)

- Yakova, T.S. (2024). International conflicts in the digital reality: Media-Geographical approach. *Vlast*, 32(6), 119–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i6.10040>
- Yanglyayeva, M.M., & Yakova, T.S. (2018). Synergistic approaches in media geography. *Ediascope*, (3). (In Russ.) <http://www.mediascope.ru/2476>
- Zaitsev, M.S. (2018). Comparative analysis of military doctrines of India and Pakistan. *Comparative Politics Russia*, 9(3), 14–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-14-25>

Bio note:

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-code: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

Сведения об авторе:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-code: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-610-620

EDN: CETIKG

UDC 004.738.5:070

Research article / Научная статья

Social Media and Social Isolation among Indian Digital Natives: Emerging Ramifications of Digital Citizenship

Tooba Faraji¹, Sara Tabatabaei²✉, Bella A. Bulgarova^{2,3},
Papiya Mondal²

¹*Islamic Azad University TNB, Tehran, Islamic Republic of Iran*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

³*Alnoor University, Mosul, Republic of Iraq*

✉ saratabatabayee@gmail.com

Abstract. The pervasive integration of social media platforms into the daily lives of digital natives represents a complex socio-technological phenomenon with profound implications for social cohesion, psychosocial development, and mental health trajectories. Given India's diverse social fabric, understanding these dynamics is critical for societal stability and cultural continuity. The present investigation employs a quantitatively driven methodology to elucidate the nuanced relationships between social media engagement patterns and social isolation among digital natives in Delhi, a microcosm exemplifying India's rapidly digitizing demographic. Analytical results demonstrate statistically significant positive correlations: social isolation exhibits strong associations with social media usage frequency, perceived digital social support, and dependency on social media platforms. Findings substantiate the hypothesis that heightened engagement with social media – particularly among Indian digital users – correlates with attenuated face-to-face interactions, increased subjective feelings of loneliness, and exacerbated social fragmentation. Given the heterogeneity of India's social fabric, these emergent patterns of digital-induced social disintegration necessitate culturally sensitive intervention strategies. Recommendations include promoting balanced digital consumption through digital literacy programs, strengthening offline social competencies, and fostering community-based engagement initiatives – aimed at mitigating social isolation and safeguarding the social cohesion essential for India's societal stability and cultural resilience.

Keywords: social media engagement, India, digital literacy, digital culture, digital social support, youth culture

Authors' contribution. Development of the research concept, manuscript writing – Tooba Faraji; Research data collection, processing & verification of materials – Papiya Mondal;

© Faraji T., Tabatabaei S., Bulgarova B.A., Mondal P., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

questionnaire design, research data analysis, manuscript writing – Sara Tabatabaei; development of the research concept and manuscript editing – Bella A. Bulgarova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 4 May, 2025; revised 2 June, 2025; accepted 17 June, 2025.

For citation: Faraji, T., Tabatabaei, S., Bulgarova, B.A., & Mondal, P. (2025). Social Media and Social Isolation among Indian Digital Natives: Emerging Ramifications of Digital Citizenship. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 610–620. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-610-620>

Социальные сети и социальная изоляция цифровых аборигенов Индии: последствия цифрового гражданства

Т. Фараджи¹, С. Табатабаи²✉, Б.А. Булгарова^{2,3}, П. Мондал²

¹Исламский университет Азад, Тегеран, Иран

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³Университет Альнур, Мосул, Ирак

✉ saratabatabayee@gmail.com

Аннотация. Внедрение социальных сетей в повседневную жизнь «цифровых аборигенов» – сложное социально-технологическое явление, имеющее глубокие последствия для социальной сплоченности, психосоциального развития и психического здоровья. Учитывая разнообразие социальной структуры Индии, понимание этой динамики имеет решающее значение для стабильности общества и культурной преемственности. В настоящем исследовании используется количественная методология для выяснения взаимосвязей между моделями вовлеченности в социальные сети и социальной изоляцией среди молодежи в Дели. Результаты анализа демонстрируют положительные корреляции: социальная изоляция демонстрирует сильную связь с частотой использования социальных сетей, ощущаемой цифровой социальной поддержкой и зависимостью от платформ социальных сетей. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что повышенная вовлеченность в социальные сети, особенно среди индийских пользователей цифровых технологий, коррелирует с ослаблением коммуникаций в реальном мире, усилением субъективного чувства одиночества и социальной фрагментации. Учитывая неоднородность социальной структуры Индии, эти возникающие модели социальной дезинтеграции, вызванной цифровыми технологиями, требуют вмешательства с учетом культурных особенностей. Рекомендации включают поощрение сбалансированного цифрового потребления с помощью программ цифровой грамотности, укрепление социальных компетенций и поощрение инициатив по вовлечению местных сообществ, направленных на смягчение социальной изоляции и обеспечение сплоченности, необходимой для стабильности и культурной устойчивости Индии.

Ключевые слова: коммуникации в социальных сетях, Индия, цифровая грамотность, цифровая культура, цифровая социальная поддержка, молодежная культура

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, написание рукописи – Туба Фараджи; сбор исследовательских данных, обработка и верификация материалов – Папия Мондал; составление анкеты, анализ исследовательских данных, написание рукописи – Сара Табатабаи; разработка концепции исследования и редактирование рукописи – Б.А. Булгарова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 мая 2025 г.; отрецензирована 2 июня 2025 г.; принята к публикации 17 июня 2025 г.

Для цитирования: *Faraji T., Tabatabaei S., Bulgarova B.A., Mondal, P. Social Media and Social Isolation among Indian Digital Natives: Emerging Ramifications of Digital Citizenship // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 610–620. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-610-620>*

Introduction

Social isolation, a multifaceted construct central to social sciences, psychology, and communication, signifies the weakening or severance of bonds between individuals and social structures. Seeman (1959) conceptualizes it as cognitive alienation – an estrangement from societal values – while others emphasize experiential dimensions such as loneliness, diminished social support, and pervasive feelings of alienation. Analytically, social isolation manifests across various levels, including familial relationships, community engagement, and social capital (Gunnes et al., 2024). Researchers describe it as the erosion of social participation, leading to weakened attachments and feelings of powerlessness and despair. The rise of digital platforms (Polyakov, 2022) amid increasing social distancing has supplanted face-to-face interactions, fostering superficial connections that often lack authenticity and deepen feelings of isolation (Jin, 2024). This technological shift encourages preoccupation with virtual realities, undermining the depth and quality of real-world relationships among digital citizens (Volkova et al., 2024).

As digital technologies advance, traditional relational frameworks – marked by emotional intimacy and stability – have significantly diminished for digital citizens. This has resulted in transient, superficial, and emotionally detached interactions, disrupting conventional social patterns and exacerbating isolation. While online networks broaden communication, unregulated engagement often undermines authentic connections, weakening real-world bonds and intensifying loneliness (Tabatabaei et al., 2024; Volkova et al., 2021). Scholars like Golzar-Khojasteh (2024) argue that reliance on these platforms hampers genuine discourse and collective participation, while Sucharitha (2020) links excessive virtual engagement to loneliness, relationship dissolution, and depression. They further contend that prolonged digital interaction fosters emotional detachment, fragmenting familial bonds and fueling self-alienation and anxiety (Sucharitha et al., 2020). This virtual environment frequently functions as a protective barrier, insulating individuals from the tangible realities of society and thereby depriving them of substantive human connections (Sharma, 2021).

Mass media is a crucial tool in shaping societal dynamics, acting as both a mirror reflecting cultural values and an agent of change (Ochuko et al., 2025). Social media disrupt traditional loyalty patterns and foster new group affiliations, reshaping users' communication and identity constructs. Shy or vulnerable individuals often craft idealized personas online, driven by fear of rejection, which – amplified by excessive use and exposure to advertising – can distort their perception of reality. Human relationships are fundamental to identity formation, social status, and personal development, fulfilling core biological and social needs (Taneja, 2023). Prolonged engagement in virtual environments, however, constrains real-world interactions, diminishes social commitments, and fosters individualism rooted in profit motives and modern isolation, leading to loneliness and societal detachment. Given India's status as one of the most populous nations of digital citizens, understanding these evolving digital dynamics is imperative for safeguarding societal cohesion, fostering inclusive cultural narratives, and ensuring resilient community structures amidst rapid technological transformation.

In Delhi, a microcosm epitomizing India's rapidly digitizing demographic landscape, over 70% of individuals aged 18–35 actively participate in social media platforms, dedicating an average of 3.5 hours per day – surpassing the global norm – thereby underscoring a pronounced dependency. Young users frequently leverage these digital spaces to construct and project identities, cultivate or sustain interpersonal relationships, and, on occasion, fabricate fictitious personas. While virtual environments facilitate communication and serve as conduits for bridging social divides, they concurrently pose risks of engendering superficial, anonymous, and isolating interactions that may attenuate intimacy and undermine a collective sense of belonging. Despite their manifold advantages, excessive engagement with social media can intensify social alienation and attenuate the inclination toward face-to-face interactions. Consequently, as a particularly impressionable segment within the digital citizenry, youth are subjected to a diverse array of cultural stimuli that shape their attitudes, influence behavioral patterns, and redefine social bonds. Such exposure potentially erodes trust, diminishes civic participation, and fosters individualism – collectively threatening the integrity of authentic social support networks. This study endeavors to investigate: 1) the prevalence and determinants of social isolation among young residents of Delhi; 2) the impact of social media engagement on the degree of social isolation within this cohort.

Methodology

This study employs a predominantly quantitative, survey-based approach to elucidate the research phenomena. The target population encompasses all young individuals aged 18 to 35 residing within Delhi, which has an estimated demographic of approximately¹ 9 million, as Delhi population reported to be around 34,665,600 by

¹ *Population of Delhi*. (2025). Statistics Times. Retrieved June 25, 2025, from <https://statisticstimes.com/demographics/india/delhi-population.php>

the World Population Review.² This group primarily consists of digital natives – individuals who have grown up with digital technology from an early age – highlighting their familiarity and fluency with digital environments. Employing Cochran’s formula with an anticipated margin of error of 10%, the calculated sample size approximates 422 respondents. A purposive, non-probability sampling technique was utilized to select participants, aligning with the study’s specific objectives. Data collection was conducted via an online questionnaire disseminated among Delhi-based users. The research instrument is a meticulously developed questionnaire crafted by the researcher, with the unit of analysis situated at the micro level. The validity of the measurement indicators was established through face validity, while the internal consistency of the items was assessed via Cronbach’s alpha, which surpassed the threshold of 0.70, thereby affirming the instrument’s acceptable reliability.

Concept

Social Isolation. This pertains to a condition wherein an individual, influenced by specific perceptions of environmental circumstances and personal motivations, severs social interactions, resulting in a deprivation of social support. Such a state is often concomitant with experiences of loneliness, despair, and diminished willingness to partake in social activities (Romo, 2023). The construct is operationalized through three dimensions, as delineated by Simon’s theoretical framework: (1) loneliness, (2) social despair, and (3) reduced social tolerance, each measured via a ranking scale.

Digital Social Support. Defined as a reciprocal exchange whereby emotional, cognitive, and behavioral feedback serve to bolster an individual’s positive self-concept and sense of self-worth (Faraji, 2018). Within the digital realm, this support manifests through empathetic messages, social feedback, and intimacy within the network. It is evaluated across four levels: (1) informational support – access to and perception of information quality; (2) emotional support – receipt of empathetic messages and feelings of being supported; (3) companionship support – simultaneous interaction fostering a sense of belonging; and (4) advisory support – counseling and the perception of feedback quality.

Social Media dependency. This refers to the attachment and satisfaction derived from sustained engagement with online environments, conceptualized within Young’s framework as media addiction (Young, 1998). Such dependency entails an excessive allocation of time to digital spaces and a propensity to prioritize virtual interactions over real-world experiences. Individuals may also follow curated content and internalize the prevailing ideas and values within these digital environments. Virtual dependency is examined through three dimensions: (1) dependency on online content – persistent engagement with trending and sensitive material; (2) reactions to online content – involuntary and frequent responses to posts; and (3) social interaction and communication – the selection of followers and active participation in public postings.

² *Delhi Population*. (2025). World Population Review. Retrieved June 25, 2025, from <https://worldpopulationreview.com/cities/india/delhi>

Results and Discussion

The findings indicate that the average duration of social media use is 4.41 hours per day, with observed extremes ranging from 1 hour to 17 hours. A substantial proportion of respondents (42.7 %) exhibit a high level of dependence on social media platforms (Table 1). Additionally, 47.9 % of participants’ report receiving a moderate level of support from social media and its users. Furthermore, 47.7 % of respondents’ experience moderate social isolation, characterized by feelings of loneliness, despair, and reduced social tolerance.

Table 1

Percentage distribution of Social media dependency, digital social support, and social isolation

Variable	Mean, %	Median, %	Mode, %	Standard deviation, %	Low, %	Moderate, %	High, %
Social media dependency	27.13	28	26	5.09	13.3	44.1	42.7
Digital social support	46.41	46	45	9.83	12.1	47.9	40
Loneliness	13.05	13	11	3.25	22	54.7	23.2
Social despair	25.68	26	25	5.21	16.6	52.1	31.3
Social tolerance	25.51	25.50	24	4.56	17.1	47.9	35.1
Social isolation	64.23	64	64	9.65	19.7	47.4	32.9

Source: compiled by Tooba Faraji, Sara Tabatabaei, Bella A. Bulgarova, Papiya Mondal.

The Pearson test results indicate a statistically significant and positive correlation between social isolation and several variables (Table 2). Specifically, social media usage frequency ($r = 0.598$), perceived social support derived from social media ($r = 0.520$), and the degree of dependency on social media ($r = 0.454$) all demonstrate meaningful associations. These findings suggest that excessive engagement with social media – especially when accompanied by a reliance on these platforms for psychological support – may be linked to increased social isolation, reduced psychological resilience, and a diminished capacity to engage with differing viewpoints.

Table 2

Pearson correlation test between social media usage and social isolation, r

Variable	Loneliness	Despair	Social tolerance	Social isolation
Social media usage	0.391	0.556	0.350	0.598
Sig.	0.000	0.000	0.000	0.000
Digital social support	0.306	0.421	0.402	0.520
Sig.	0.000	0.000	0.000	0.001
Social media dependency	0.300	0.349	0.348	0.454
Sig.	0.000	0.000	0.000	0.000
Number of responses	422	422	422	422

Source: compiled by Tooba Faraji, Sara Tabatabaei, Bella A. Bulgarova, Papiya Mondal.

Regression Analysis. To elucidate the influence of the independent variables on social isolation within an exploratory framework, a stepwise regression approach was employed. The adjusted R^2 value of 0.497 indicates that approximately 49.7% of the variance in social isolation is explained by the set of predictors – namely,

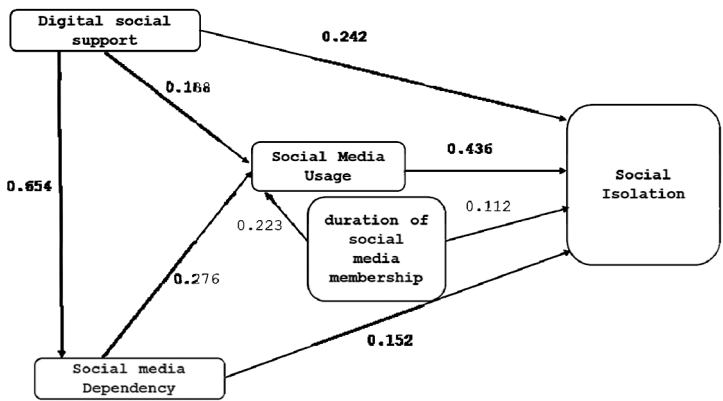
digital social support, social media dependency, social media usage frequency, and duration of social media membership (Table 3). Notably, social media engagement frequency emerged as the most significant predictor, exerting the strongest direct effect on social isolation.

Table 3

Regression coefficients for the predictive models						
R Square	ANOVA	Coefficients	Unstandardized coefficients	Standardized coefficients	t	Sig.
0.497	0.000	Constant	35.842		18.613	0.000
		Digital social support	0.238	0.047	0.242	5.104
		Social media dependency	0.289	0.087	0.152	3.313
		Usage	1.588	0.140	0.436	11.318
		Duration	0.650	0.218	0.112	2.977

Source: compiled by Tooba Faraji, Sara Tabatabaei, Bella A. Bulgarova, Papiya Mondal.

Based on the regression model outcomes, social media usage exhibits the most substantial direct effect on social isolation, as indicated by a standardized coefficient of $\beta = 0.436$. Conversely, the duration of membership demonstrates the least direct influence, with $\beta = 0.112$. Additionally, digital social support exerts the most pronounced indirect effect, evidenced by a standardized coefficient of $\beta = 0.312$ (Figure).

Research model

Source: created by Tooba Faraji, Sara Tabatabaei, Bella A. Bulgarova, Papiya Mondal.

The present study delineates the relative influence of various predictors on social isolation among digital natives in Delhi, utilizing rigorous regression analysis. Consistent with prior research emphasizing the pivotal role of digital interactions, our findings demonstrate a significant positive correlation between social media usage and social isolation among Delhi’s youth ($r = 0.59$). These results align with previous studies by Sucharitha et al. (2020), Puri and Sharma (2016), Golzar-Khajasteh (2023) and Guo (2018). According to Guo, excessive engagement with virtual spaces – particularly when accompanied by a decline in offline interactions – contributes to heightened feelings of loneliness. Moreover, individuals possessing

underdeveloped social skills and limited familial support are more susceptible to internet addiction and social isolation (Tabatabaei et al., 2024).

Without developed critical thinking skills and developed emotional intelligence, the use of digital social networks and proper consumption of media content seem impossible (Tabatabaei et al., 2024). Young (1998) introduces internet addiction as a factor that transforms individuals into isolated and detached beings, emphasizing that this addiction negatively affects social relationships and individual productivity. Excessive use of the internet leads to reduced efficiency, fewer social interactions, anxiety, loneliness, depression, and low self-confidence (Gazo et al., 2020). This disorder may even cause physical and psychological symptoms, even after discontinuing internet use (Puri, Sharma, 2016). Golzar-Khajasteh (2023) also believes that addictive use of social media leads to identity crises, value disorders, and social isolation. Dreyfus (2008) warns that excessive use of the internet can be dangerous for an individual's mental and physical health and can replace real-life relationships, such as family bonds, leading to further isolation. (Ciacchini et al., 2023) also notes that excessive media use fosters addiction to them, pushing the user to the periphery of social interaction. Ultimately, overuse of virtual spaces can degrade the quality of personal relationships, placing individuals in low-quality communication loops that lead to isolation and transformation in their identity and lifestyle.

Young (1998) believes that depressed individuals, who fear social isolation and have a desperate need for acceptance, turn to the internet to cope with interpersonal relationship problems in the real world.

According to Bullingham and Vasconcelos (2013), drawing upon Goffman's framework, social media platforms disrupt traditional social norms and values, thereby transforming users' identities and facilitating their integration into new groups and organizations. In their pursuit of external validation, individuals consistently engage with these virtual environments, often at the expense of real-world interactions and familial relationships. This persistent engagement can culminate in social isolation, a phenomenon particularly pronounced among individuals with diminished social skills.

Further findings of this research indicate a significant positive relationship between dependency on social media and social isolation in young Indian users ($r = 0.44$), which aligns with the results of Masoudnia (2019), and Dortaj et al. (2018). According to Dehghan and Kazemi-Aliabad (2019), individuals heavily reliant on social media frequently experience fatigue, depression, and introversion, often attempting to compensate for deficiencies in real-life social interactions through their online engagement.

Dortaj et al. (2018) consider dependency on social media as a result of the immediate attractions of social media, arguing that such dependency leads to increased depression, psychological disorders, and isolation. These users create false identities to escape reality, which results in an identity crisis and further isolation. Young (1998) also states that cyberspace, by imposing specific lifestyles, leads to a decrease in real-world interactions, amplifying feelings of isolation and internet addiction. Masoudnia (2019) and Tabatabaei et al. (2024) point out that

social media-dependent users feel lonelier than others and prefer virtual relationships over family relationships, which contributes to increased social isolation. From Dreyfus (2008) perspective, virtual spaces only allow individuals to present an idealized version of themselves, which leads to increased false self-confidence and reduced social anxiety, gradually pulling them into isolation.

Furthermore, the extent of digital social support and the degree of social isolation among young users in Delhi demonstrate a significant positive correlation ($r = 0.52$), corroborating findings by Tateno et al. (2019) and Morevat and Dehghan (2018). Tateno et al. (2019) argue that social media, by offering emotional and informational support, can exacerbate dependency and social isolation. Similarly, Tabatabaei et al. (2024) highlight the decline of familial emotional support, which fosters reliance on social media and engenders feelings of despair concerning real-world interactions. They reference Wellman, positing that dependence on social media for emotional and informational support diminishes engagement in offline relationships and amplifies social isolation.

Conclusion

The use of social media among young people in Delhi has notable advantages as a tool for communication and gaining social support, but excessive use of these platforms can exacerbate social isolation. Social media, especially for those lacking emotional and social support in the real world, becomes a space for seeking validation and compensating for emotional deficiencies. This leads to a reduction in real social interactions and family relationships. Young people in Delhi, in pursuit of attention and support online, gradually distance themselves from real relationships, and their feelings of loneliness and social isolation intensify.

To counteract the social isolation of social media users, particularly young people in Delhi (ages 18 to 35), it is essential to strike an appropriate balance in social media use. In this regard, it is recommended to develop domestic platforms with culturally and educationally appropriate content for young people so that social media becomes a tool for empowerment and the enhancement of social skills. Furthermore, strengthening communication skills in the real world is of great importance. Organizing educational courses on social skills and face-to-face interactions could encourage young people to participate in real social activities and reduce their dependence on virtual spaces.

Family and social institutions' supervision of young people's online activities, especially with the goal of strengthening real-world social and family relationships, will play an effective role in reducing the negative effects of social isolation. Moreover, teaching time management skills and purposeful use of virtual spaces, especially during adolescence, can help young people make more productive use of the online world while simultaneously strengthening their social relationships in the real world. Ultimately, supporting young people in participating in social and group projects outside the online space can effectively reduce feelings of isolation and strengthen their social belonging.

References

- Bullingham, L., & Vasconcelos, A.C. (2013). 'The Presentation of Self in the Online World': Goffman and the study of online identities. *Journal of Information Science*, 39(1), 101–112. <https://doi.org/10.1177/0165551512470051>
- Ciacchini, R., Orrù, G., Cucurnia, E., Sabbatini, S., Scafuto, F., Lazzarelli, A., Miccoli, M., Gemignani, A., & Conversano, C. (2023). Social Media in adolescents: A retrospective correlational study on addiction. *Children*, 10(2), 278. <https://doi.org/10.3390/children10020278>
- Dortaj, F., Rajabiyani, M., Fatollahi, F., & Dortaj, F. (2018). The relationship between the rate of using virtual social networks with loneliness and marital infidelity in students. *Journal of Educational Psychology*, 14(47), 119–140. <https://doi.org/10.22054/jep.2018.32466.2262>
- Dreyfus, H.L. (2008). *On the Internet* (2nd Ed.). Routledge.
- Faraji, T. (2018). *The role of social network on youth's body management trends*, In *Proceedings of the First International Conference on Psychology, Educational Sciences, and Social Studies*. <https://en.civilica.com/doc/904185/>
- Gazo, A.M., Mahasneh, A.M., Abood, M.H., & Muhediat, F.A. (2020). Social Self-Efficacy and its Relationship to Loneliness and Internet Addiction among Hashemite University Students. *International Journal of Higher Education*, 9(2), 144–155. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v9n2p144>
- Golzar-Khojeste, S. (2024). *Investigating the Relationship between the Use of Virtual Spaces and Social Isolation in Adolescents with the Mediating Role of Internalization and Externalization in Female Secondary School Students in Asadabad* [Unpublished Master's Thesis in Psychology]. Payam Noor University of Hamadan. <https://ganj.irandoc.ac.ir>
- Gunnes, M., Løe, I.-C., & Kalseth, J. (2024). Exploring the impact of information and communication technologies on loneliness and social isolation in community-dwelling older adults: A scoping review of reviews. *BMC Geriatrics*, 24(1), 215. <https://doi.org/10.1186/s12877-024-04837-1>
- Jin, H. (2024). *The Influence of New Media on the Socialization of Chinese Teenagers* [Unpublished doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Guo, H. (2018). *Linking Loneliness and Use of Social Media* [Unpublished Master's Thesis]. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences Media and Global Communication.
- Masoudnia, E. (2019). The effect of dependency on cyberspace on social isolation among high school students. *Iranian Social Issues*, 10(2), 299–322.
- Morevat, B., & Dehghan, H. (2018). Investigating the relationship between the use of virtual social networks and students' social relationships. *News Science Quarterly (NS)*, 7(1), 109–136. https://www.mjourcom.ir/article_118281.html
- Polyakov, M.L. (2022). The Battle of the Censors: The Confrontation between States and Digital Platforms. In *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects of the Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow: RUDN University Publ., 21–24. (In Russ.)
- Puri, A., & Sharma, R. (2016). Internet usage, depression, social isolation and loneliness amongst adolescents. *Indian Journal of Health & Wellbeing*, 7(10), 996–1003.
- Romo, M. (2023). *The Impact of Social Media Use on Social Isolation and Mental Health Among Young Adults*. Electronic Theses, Projects, and Dissertations.
- Seeman, M. (1959). On the meaning of alienation. *American Sociological Review*, 24(6), 783–791.
- Sharma, B. (2021). Uncovering the Ties between Social Media and Loneliness. *International Journal of Indian Psychology*, 9(2). <https://doi.org/10.25215/0902.124>
- Tabatabaei, S., Bulgarova, B. A., Kotecha, K., Patil, S., Volkova, I.I., & Barabash, V.V. (2024). Digital citizenship and paradigm shift in generation z's emotional communication: Social media's role in shaping Iranian familial bonds. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 8(7), 5443. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i7.5443>

- Taneja, A. (2023). New digital order and its implications on indian family relationships. *Journal of Communication and Management*, 2(4), 238–244. <https://doi.org/10.58966/JCM2023244>
- Volkova, I., Jin, H., Algavi, L., & Lazutova, N. (2024). The Impact of Cultural Factors on Chinese Teenagers' Self-presentation in Douyin's Videos. *Media Education*, (1), 164–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.13187/me.2024.1.164>
- Volkova, I.I., Kemarskaya, I.N., Lobodenko, L.K., Urazova, S.L., & Shesterkina L.P. (2021). *Media Ecosystem: Digital Modifications*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Young, K.S. (1998). Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 1(3), 237–244.

Bio notes:

Tooba Faraji, Researcher and Analyst in social and urban studies; researcher at the Public Opinion Research Organization and the Department of Urban Studie, Islamic Azad University (IAU), No 75, 4th Golestan St, Pasdaran Ave, Tehran, 1666976113, Iran. ORCID: 0009-0004-4881-078X. E-mail: Toobafaraji2016@gmail.com

Sara Tabatabaei, Research Scientist – Data Science & Market Analytics, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-6165-6978. E-mail: saratabatabayee@gmail.com

Bella A. Bulgarova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Professor, Department of Digital Media, College of Arts, Alnoor University, Mosul, 41012, Republic of Iraq. ORCID: 0000-0001-6005-2505; SPIN-code: 8571-8231. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Papiya Mondal, PhD Student, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-0337-7059. E-mail: 1042235023@pfur.ru

Сведения об авторах:

Туба Фараджи, исследователь и аналитик в области социальных и городских исследований, научный сотрудник Организации изучения общественного мнения, Департамент городских исследований Тегерана, Исламский университет Азад, Иран, Тегеран, 1666976113, № 75, 4-я ул. Голестан, просп. Пасдаран. ORCID: 0009-0004-4881-078X. E-mail: Toobafaraji2016@gmail.com

Сара Табатабаи, научный сотрудник, специалист в области анализа данных и рыночной аналитики, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0003-6165-6978. E-mail: saratabatabayee@gmail.com

Булгарова Белла Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры цифровых медиа, Колледж гуманитарных наук, Университет Альнур, Ирак, 41012, Мосул. ORCID: 0000-0001-6005-2505; SPIN-код: 8571-8231. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Папия Мондал, аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0006-0337-7059. E-mail: 1042235023@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-621-631

EDN: CFYATB

UDC 32;791

Research article / Научная статья

Mediating Ecology within the Context of Marxist Discourse: An Inquiry into the Hindi Film *Sherni*

Bhavna Harchandani¹, Vikas Pathe²✉

¹Indian Institute of Technology Gandhinagar, India

²Symbiosis International (Deemed University), Pune, India

✉pathe.vikas@gmail.com

Abstract. In the contemporary mediated era, cinema plays a crucial role in depicting and portraying the ecological connections between humans and non-humans, nature. Given the extractionist approach of capitalists in shaping the Anthropocene and the resilient practices of the communities against uncontrolled exploitation of natural resources, it becomes important to understand the changing metabolic rift between humans and nature. This study focuses on the Hindi film ‘Sherni’ (2021) as a reference point to comprehend the role of cinema in establishing the connection between society and the environment. Departing from typical Hindi film stereotypes, ‘Sherni’ addresses urgent issues related to human – nature, metabolic relationships, the environment, and the challenges faced by local communities to counter exploitative practices in the forest. The paper argues for the need to explore these changing metabolic rifts within the context of ecological communication. Using the Marxian concept of metabolic rift and content analysis, the film explores the complexities of human-environment relationships disrupted by forest and animal exploitation (tigress poaching), as well as displacement of local communities for capitalist gains. This brings forth the need to use ecological films as a tool to disseminate information and establish communication practices related to the environment in society.

Keywords: mediated world, popular culture, cinema, ecology, metabolic rift, human-nature relationship

Authors’ contribution. Development of the research concept, data collection and analysis, manuscript writing – Bhavna Harchandani; development of the research concept, research data collection and analysis, manuscript editing – Vikas Pathe. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 19 March, 2025; revised 3 April, 2025; accepted 14 June, 2025.

© Harchandani B., Pathe V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Harchandani, B., & Pathe, V. (2025). Mediating Ecology within the Context of Marxist Discourse: An Inquiry into the Hindi Film *Sherni*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 621–631. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-621-631>

Экологическая медиация в марксистской парадигме: анализ индийского фильма «Шерни»

Бхавна Харчандани¹, Викас Патхе²

¹Факультет гуманитарных и социальных наук, Индийский технологический институт,
Гандинагар, Индия

²Международный университет Симбиозис, Пуна, Индия
pathe.vikas@gmail.com

Аннотация. В современную цифровую эпоху кинематограф играет важнейшую роль в отображении экологических связей между человеком и природой. Захватническая логика капитализма в период господства человека над природой и постоянное сопротивление местных сообществ бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов обуславливают необходимость изучения изменений метаболического разрыва между человеком и природой. Данное исследование фокусируется на анализе индийского фильма «Шерни» (2021) с целью выявления значения кинематографа в установлении коммуникаций между человеком, обществом и окружающей средой. Отступая от типичных стереотипов индийских фильмов, лента отображает актуальные проблемы, связанные с человеком и природой, метаболическим разрывом, противостоянием местных сообществ эксплуатации лесных ресурсов. В статье обосновывается необходимость изучения этих изменяющихся разрывов в контексте экологической коммуникации. Используя марксистскую концепцию метаболического разрыва и контент-анализ, авторы исследуют, как фильм отражает сложности взаимоотношений человека и окружающей среды, нарушенных эксплуатацией лесов и животных (браконьерство тигриц), а также переселением местных жителей ради выгоды капиталистов. Результаты анализа определяют необходимость использования экологической коммуникации и фильма как ее инструмента для распространения информации и формирования в обществе коммуникативных практик, связанных с окружающей средой.

Ключевые слова: медиатизированный мир, массовая культура, кинематограф, экология, метаболический разрыв, взаимоотношения человека и природы

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор и анализ данных, написание рукописи – Б. Харчандани; разработка концепции исследования, сбор и анализ исследовательских данных, редактирование рукописи – В. Патхе. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 марта 2025 г.; отрецензирована 3 апреля 2025 г.; принята к публикации 14 июня 2025 г.

Для цитирования: Harchandani B., Pathe V. Mediating Ecology within the Context of Marxist Discourse: An Inquiry into the Hindi Film *Sherni* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 621–631. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-621-631>

Introduction

Cinema cannot escape nature. In relation to nature, film is either placed or, if 'the world is not enough', displaced. (Pick, Narraway, 2013, p. 21).

In the last thirty years, media has come to be seen as a crucial tool to foster public discourse on environmental issues and related concerns. In the modern mediated world, media plays a critical role in influencing public opinions, providing information, and shaping social viewpoints and actions related to environmental concerns, via newspapers, television, radio programs, and cinema. The environmental movements and nature portrayed in media can either support or contradict popular ideas about the environment and ecology. The environmental issues framed in media narratives create an impact on public feelings based on which policies are decided. The discussion of such issues on media channels is influenced by a variety of socio-political and economic aspects that exist in contemporary society. Media and communication processes are centrally implicated in both the acquisition and interpretation of knowledge pertaining to the environment. Moreover, they wield substantial influence over the generation, elaboration, manipulation, and contestation of environmental concerns (Hansen, 2018). Furthermore, they have a great deal of impact over the conception, development, exploitation, and refutation of environmental issue. Popular films, as well as televisual documentaries and animations, can effectively promote and challenge simplistic approaches to environmental issues and debates (Hansen, Cox, 2015). Cinema registers, records, or reveals the material reality of its objects. According to Tom Regan¹ the relationship between the film, plant life and inanimate matter, all are ecological matters in the broadest and most profound sense (Pick, Narraway, 2013).

However, it is essential to understand that ecological challenges are not something that exist in isolation; rather, their depiction in the media is intimately intertwined within the social, cultural, political, and economic components of society. Then a question arises: What is ecology? Foster (2000) underlines the necessity of understanding the historical evolution of ideas about nature, which occurred along with the emergence of materialism and scientific inquiry from the 17th to 19th century. He emphasizes the importance of Marx's materialist and metabolic approaches to comprehend current environmental degradation and anticipate transformational social and ecological changes. Marx's emphasis on the inherent contradictions between use value and exchange value, the conflicts resulting from wealth accumulation, and the pursuit of sustainable human development provides a methodological foundation for criticizing environmental degradation and advocating for a more sustainable future (Clark et al., 2019). The basic idea of the Marxist ecology discourse is that of alienation of human from nature, which rejects the idea of human dominion over nature as embodied in the myth of Prometheus. The argument within Marxism revolves around whether ecological concerns should be primarily focused on morals or whether more effort

¹ Regan, T. (1983). *The Case for Animal Rights*. Berkeley: University of California Press. <https://archive.org/details/caseforanimalrig00regarich>

should be spent toward understanding the metabolic relationships between humans and nature. Randhir Singh (2009) defines the question of the environment as a question of how to change the world, and this change is envisaged through socialism, and not through the accumulation and commodification of nature.

In this context, this study aims at analyzing the Hindi film ‘Sherni’ (2021) using a Marxist ecological perspective. By placing the film within the context of Marxist discourse, we intend to provide light on how the narratives and experiences of individuals, notably women as shown in ‘Sherni’, contribute to our knowledge of the current environment. This discussion will focus on a few film-related questions, such as how the film depicts the metabolic relationship between humans and nature, how the local forest community is portrayed as insiders versus outsiders, how patriarchal ideologies regarding nature control are questioned, and how primitive accumulation results in dispossession and the erosion of local communities’ rights to the forest.

Theoretical Justification

It is not the unity of living and active humanity with the natural, inorganic conditions of their metabolic exchange with nature, and hence their appropriation of nature, which requires explanation or is the result of a historic process, but rather the separation between these inorganic conditions of human existence and this active existence, a separation which is completely posited only in the relation of wage labour and capital (Marx, K., 2005).

Marx’s writings on the environment and ecology emerged in the mid-19th century, whereas ecological thought is commonly associated with the late 20th century. Despite this temporal disparity, there has been an increasing recognition that Marx’s ideas hold significant relevance as an early and influential voice in ecological critique. Nonetheless, there are those who contend that Marx’s ecological insights, due to the passage of time, have lost their historical significance and are only applicable to the era characterized by steam engine technology. Although Marx formulated his analyses in a different historical context, they offer invaluable perspectives on the intricate interplay between society, economy, and the environment that continue to hold relevance today. His recognition of the exploitative nature of capitalism, the inherent contradiction between use value and exchange value, and the alienation of labour from nature provide a fundamental framework for examining the ecological challenges of the contemporary world.

Further, Marxist ecology investigates the numerous linkages between human societies and the natural environment. Marx’s approach consists of three key components: the universal metabolism of nature, the social metabolism, and the metabolic rift. Universal metabolism consists of specific cycles and processes within the broader biophysical world that produce and regenerate ecological conditions (Foster, 2013), whereas the social metabolism refers to the process where humans through their productive lives and activities create a social metabolism between themselves and the rest of nature, which requires interchange of matter and

energy (Friedman, 2018). Thus, the social metabolism of humans takes place in relation to the universal metabolism of nature. The metabolic rifts refer to the crux of Marx's ecological critique of capitalism, denoting the disjuncture between social systems and the rest of nature.

These elements offer a thorough perspective to look at the relationships and interdependencies that have existed historically between ecological systems and society. Within the capitalist paradigm, which is defined by its continuous pursuit of capital accumulation, Marx finds rising pressures on nature, resulting in increased strain on ecological systems and waste generation. These dynamics manifest as detectable metabolic ruptures, which interrupt natural cycles and processes. Marx's critique, particularly of capitalist agriculture, emphasizes its role in promoting ecological rifts within the soil-nutrient cycle. Such a relationship between human society and the natural world and its reciprocal interactions and effects can be better understood with the use of this analytical method (Clark et al., 2019). While Buttel (2002) highlights the significance of the metabolic rift as a core theoretical notion within environmental sociology, Foster's seminal work (2000) further elucidates Marx's environmental analysis, with a special focus on the metabolism of natural systems. Marx introduced the notion of the metabolic rift, which has multiple aspects that extend beyond the social, ecological, and historical domains. It is the core element of Marxist ecological critique, which argues that the human labour process itself is defined in *Capital* as 'the universal condition for the metabolic interaction between man and nature, the everlasting nature-imposed condition of human existence'. It follows that the rift in this metabolism means nothing less than the undermining of the 'everlasting nature-imposed condition of human existence' (Marx, 1976, cited in Foster, 2000). Marx makes some crucial points that capitalism has created an 'irreparable rift' in the 'metabolic interaction' between human beings and nature (ibid.).

Metabolic rift refers to disturbances or imbalances in natural cycles in an ecological sense, whereas it refers to the causes and consequences of diverse societal interactions with nature in a social context. It has historically highlighted the contingent nature of relationships between the social and natural spheres (Schneider, McMichael, 2010). This viewpoint places environmental deterioration in the context of capitalist development, attributing it to systemic imperatives as opposed to fundamental aspects of capitalism. As a result, nature and society are compared as distinct entities, and their dialectical relationship is investigated in terms of mutual interaction and transformation (Clark, 2005).

Marx's ecological perspective can be understood through an analysis of cinematic narratives, images, and thematic aspects. Cinema, as a cultural product, reflects and strengthens existing ideologies and social institutions, particularly capitalist production relations. As a result, one might study how cinematic portrayals of nature, technology, and society interact with Marx's critique of capitalism and its ecological consequences. The aim of this study is to examine the changing interaction between humans and nature in the context of neoliberalism, as portrayed in film

narratives. By evaluating how the metabolic rift is shown in the film, the study hopes to get an insight into how neoliberal values and practices influence this relationship.

Materials and Methods

The research materials included: Foundational works by Marx (Marx, 1867/1976; Marx, 2005), contemporary eco-sociological studies (Foster, 2000; Clark, York, 2005; Foster et al., 2010), ecofeminist scholarship (Shiva, 1988; Ruether, 1997; Carlassare, 2000; Agarwal, 2008); key scenes from the film ‘Sherni’ (Masurkar, 2021).

The research methodology employed a comprehensive approach combining:

- Theoretical framework: the metabolic rift concept (Foster, 2000), critique of patriarchal environmental governance (Agarwal, 2008), analysis of capitalism’s impact on natural resources (Clark et al., 2019);

- Empirical methods: film content analysis (examination of narrative structure and visual imagery, study of character dialogues, investigation of multi-level societal conflicts (state-society-nature interface), gender analysis of character representations.

Comparative analysis: contrast between capitalist and traditional resource management approaches, contextualization within India’s real ecological conflicts (Agarwal, 1998).

Discourse analysis: comparative reading with Marxist texts (Marx, 1867/1976; Foster, 2000), interpretation of key character quotes (e.g., Masurkar, 2021, 00:45:23).

Critical approaches: gender studies perspective (Agarwal, 2008; Ruether, 1997; Shiva, 1988), examination of alternative social models (community-based conservation), critique of capitalist resource exploitation (Foster et al., 2010).

Analysis Framework and Discussion

The Hindi film ‘Sherni’ (2021), directed by Amit Masurkar features Vidya Balan, Vijay Raaz, and Brijendra Kala in the lead roles, and engages with the framework of the metabolic rift. The film revolves around Vidya Vincent (Vidya Balan), a female forest officer who is tasked with heading a team to chase down a man-eating tigress, T12 (name given to the tigress by the forest department), that has been causing a havoc in a village community. As a forest officer, she navigates bureaucratic hurdles and political constraints; and faces deeply rooted cultural prejudices regarding women in positions of power. Through the deliberate use of a tigress and a female lead character, the film challenges the patriarchal understanding of nature, where men hold ownership and control over nature. In a patriarchal understanding of nature, women are identified as being closer to nature and men as being closer to culture. Nature is seen as inferior to culture; hence, women are seen as inferior to men.

Firstly, in the film, the symbolic portrayal of the tigress as a strong force in the narrative subverts conventional gender stereotypes of domination and power. Nature has historically been anthropomorphized and masculinized, with ideas of power and control associated with men. However, by depicting a female tigress as the focus of conflict and tension, the film challenges these entrenched gendered norms, disrupting the patriarchal paradigm that holds male control over nature. Secondly, the character of Vidya Vincent embodies a multifaceted challenge to patriarchal hegemony. As a forest officer tasked with navigating the complexities of tracking the tigress, Vidya confronts institutionalized sexism and skepticism from her predominantly male colleagues and superiors. Her journey underscores the pervasive nature of patriarchal structures within professional spheres, where women are routinely marginalized, and their capabilities questioned. Consequently, her character becomes important for reimagining gendered relationships with nature and for advocating equitable and more comprehensive approaches to conservation efforts.

Thirdly, the film relates itself to the idea of people's rights, with a specific focus on gender. In doing so, it rejects the notion of patriarchal dominance over nature. An insightful scene in the film involves a group of young local female forest employees who assert that the paw prints in the forest do not belong to a tiger. However, their advice is disregarded by a patriarchal hunter who chooses to venture into the woods in pursuit of his own agenda. Vidya Vincent's character represents a female protagonist who confronts the challenges, both within her family and at her workplace, as her ideas are opposed by male forest department officers. By emphasizing female characters in positions of authority and agency, the film addresses the need to resist stereotypical gender roles and power relations while simultaneously highlighting women's essential contributions to the environment. The film 'Sherni' delves deeply into the complicated material dynamics inherent in human-nature relationships, emphasizing their interconnectedness and mutual reliance. It underlines the importance of human-nature metabolic relationships in preserving ecological balance, as pointed out by the character Hassan Noorani's (Vijay Raaz) remark that the local community and the forest ecosystem rely on one another for sustenance.

The film adeptly tackles the issue of primitive accumulation, highlighting the forceful displacement of many locals from their traditional means of self-sufficiency (Patnaik, 2019). The film also presents the locals' challenge to the concept of sanctuaries, which they perceive as a deliberate attempt to separate them from their forest lands and sources of livelihood. The commodification of labour and land resulted in the dispossession of people from their ancestral territories (Polanyi, 2001). This metabolic relationship can be understood through the lens of a social contract, wherein different species establish a mutually defined system of order and care, encompassing rules, duties, and rights (Theodosopoulos, 2005; Oma, 2010). The film employs the concept of social contract as a tool to explore the significance of animals within the social fabric. However, it acknowledges that humans and

animals are often seen as unequal partners, necessitating an eco-contract to redefine their relationship within modern society.

Agarwal (2008) argues for the active involvement of local village communities, including women, in the sustainable management of local forests and commons. Furthermore, Singh (2009) raises a crucial question regarding the unique value of local perspectives and their celebration of communitarianism in environmental discourse. ‘Sherni’ achieves a similar objective by highlighting the active role of the local community, along with Vidya Vincent, in safeguarding the environment and reshaping human-nature relationships. It sheds light on the resilience of the local community, which endures the greatest hardships caused by environmental degradation. Their protests against the forest department underscore the larger issues of post-independence development models, primitive accumulation, deforestation, and the establishment of national sanctuaries and parks in the name of national progress. This sparks a broader conversation within the complex interplay between development activities in the forest area and efforts to protect the environment. In this context, the forest symbolizes a communal resource shared by people, animals, and resources. It embodies a life-enhancing paradigm for the locals, enabling them to assert their rights to the environment. The binary of outsider and insider in the context of the forest has raised some very important questions regarding the understanding of the forest in the narrative of the film. The film challenges the very understanding of forest departments when one officer says, “India’s forest department is a gift of the British; we, as officials, should work in the same manner as they do. Bring in revenue and get a promotion” (Masurkar, 2021, 00:45:23). Locals challenge this notion of the forest department, and it broadens our understanding of the forest, where every agency is portrayed as an important agency.

In his very first political economic essay, ‘Debates on the Law on Theft of Wood’, Marx (1842) discussed ecological issues and human-nature relationships. He quoted one incident when peasants were arrested for picking deadwood in the forests. He believed that by carrying out this act, the peasants were merely exercising what had been a customary right but was disallowed with the spread of private property (Foster, 2011). In the film, the state restricts the local community from gathering deadwood and food for their animals, highlighting the clash between government regulations and traditional livelihood practices. This depicts a conflict between conservation policies and the socioeconomic requirements of vulnerable local communities. The film highlights the state’s approach to forest management and the socioeconomic issues that the local community faces, emphasizing the importance of animal health and resource preservation over the complex dynamics of human-nature relationships and ecological considerations. Furthermore, it emphasizes gendered perspectives by narrating a story in which male characters are portrayed as more knowledgeable and skilled than their female counterparts.

As discussed above, in the patriarchal understanding of nature, masculine attitudes are given higher status than others. This is how the male dominates and controls nature. In the film, the subordination of women, whether it is the forest officer, Vidya Vincent, or the local women, reflect Shiva’s (1988) point where she

says that the violation of nature is linked with the violation and marginalization of women in the third world. Films reflect this notion while showing how locals are subjugated by the local leaders and, on the same side, the forest officer Vidya Vincent's subjugation. However, the film narrates the idea that social and ecological changes occur through personal transformation and changes in consciousness when Vidya Vincent fights to save the T12 and goes against her officers in the department.

The film's story dives into an ecological investigation of the human-nature relationship and the metamorphosis of forest department officers. The role of Hassan Noorani is essential to this investigation since he acts as an intermediary between the forest officer, Vidya Vincent, and the local community. The depiction of the human-nature dynamic relationship provides an experiential understanding of how people interact with the natural environment. This interpretation emphasizes the idea that notions are created by intersubjective interactions and shared experiences rather than being limited to individual perceptions (Bakhurst, Sypnowich, 1995). Furthermore, the film brings forth the detrimental impacts of mining and development activities on forest ecosystems, demonstrating how these activities affect animal habitats and the environment. It eloquently highlights the fight for existence experienced by the animals and human inhabitants of the forest area through the agony of an unseen tigress attempting to navigate a forest devastated by mining. The film resists portraying nature as separate from human realities, instead focusing on the actual experiences of local communities living in forest areas. The narrative's emphasis on the everyday interactions between humans and nature exposes viewers to the real essence of the forest environment, creating a greater appreciation for its intrinsic value.

'Sherni' emerges as a cinematic project that goes beyond conventional portrayals of nature, focusing on a nuanced exploration of the human-nature relationship in the setting of local communities inhabiting forested landscapes. It emphasizes the urgent need for a more harmonious and sustainable approach to human-nature relations by criticizing industrial development and its impact on forest resources. Finally, the film serves as a powerful reminder of the need to maintain and respect the delicate balance between human activity and the natural world.

Conclusion

The study highlights a few important aspects that are portrayed in the movie. First off, 'Sherni' becomes more than just a film text; it becomes an important medium that goes beyond the screen, providing a deeper examination of the relationships between humans and nature to a wider audience. The film methodically depicts these relationships, going beyond the customary visual depictions of Hindi cinema and diving into the transforming path from traditional to contemporary human-nature dynamics. Second, the film critically examines the dynamics of the insider-outsider binary as well as the concept of primitive accumulation, shedding light on how insiders are separated from their sources of livelihood. The analysis gives depth to the story and encourages reflection on the socio-economic systems

that shape our relationships with the natural environment. Third, ‘Sherni’ emphasizes the importance of local communities in environmental and ecological issues, highlighting their critical role as proactive stewards of their surroundings and disputing the concept that environmental preservation is primarily the domain of centralized institutions like the forest department of the state. Finally, the film depicts everyday interactions between humans and animals to show how nature is an important part of the lived experience of humans. In doing so, it advocates for a nuanced understanding of the human-environment relationship, rejecting romanticized images in favor of a direct encounter with the realities and complexities of these interactions.

References

- Agarwal, B. (2008). Environmental management, equity, and ecofeminism: Debating India’s experience. *The Journal of Peasant Studies*, 25(4), 55–95. <https://doi.org/10.1080/03066159808438684>
- Bakhurst, D., & Synowich, C. (Eds.). (1995). *The Social Self*. Sage Publications Ltd.
- Carlassare, E. (2000). Socialist and cultural ecofeminism: Allies in resistance. *Ethics and the Environment*, 5(1), 89–106. [https://doi.org/10.1016/S1085-6633\(99\)00025-X](https://doi.org/10.1016/S1085-6633(99)00025-X)
- Clark, B., & York, R. (2005). Dialectical Nature. *Monthly Review*, 57(1), 13–22.
- Clark, B., Foster, J.B., & Longo, S.B. (2019). Metabolic rifts and the ecological crisis. In M. Vidal, T. Smith, T. Rotta, & P. Prew (Eds.). *The Oxford Handbook of Karl Marx* (pp. 651–658). Oxford University Press.
- Foster, J. B., Clark, B., & York, R. (2010). *The Ecological Rift: Capitalism’s War on the Earth*. Monthly Review Press.
- Foster, J.B. (2000). *Marx’s Ecology: Materialism and Nature*. Monthly Review Press.
- Foster, J.B. (2013). Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature. *Monthly Review*, 65(7), 1–19.
- Friedman, M. (2018). Metabolic rift and the human microbiome. *Monthly Review*, 70(3), 70–105.
- Hansen, A. (2018). *Environment, Media and Communication* (2nd ed.). Routledge.
- Hansen, A., & Cox, J.R. (Eds.). (2015). *The Routledge Handbook of Environment and Communication*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315887586>
- Marx, K. (2005). *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. Penguin Classics.
- Oma, K.A. (2010). Between trust and domination: Social contracts between humans and animals. *World Archaeology*, 42(2), 175–187. <https://doi.org/10.1080/00438241003672724>
- Patnaik, P. (2018, September 7). *Concept of Primitive Accumulation of Capital*. Communist Party of India (Marxist). Official website. <https://cpim.org/content/concept-primitive-accumulation-capital>
- Pick, A., & Narraway, G. (Eds.). (2013). *Screening Nature: Cinema Beyond the Human*. Berghahn Books. <https://doi.org/10.3167/9781782382263>
- Polanyi, K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Beacon Press.
- Ruether, R.R. (1997). Ecofeminism: First and third world women. *American Journal of Theology & Philosophy*, 18(1), 33–45.
- Schneider, M., & McMichael, P. (2010). Deepening, and repairing, the metabolic rift. *The Journal of Peasant Studies*, 37(3), 461–484.
- Singh, R. (2009). *Contemporary Ecological Crisis; A Marxist View*. Aakar Books.

Bio notes:

Bhavna Harchandani, PhD Student at the Department of Humanities and Social Sciences, Indian Institute of Technology Gandhinagar, Gandhinagar, India. ORCID: 0000-0003-0334-7942. E-mail: bhavnaiitgn@gmail.com

Vikas Pathe, Assistant Professor, Symbiosis International (Deemed University), Pune, Maharashtra, India. ORCID: 0000-0001-8579-0619. E-mail: pathe.vikas@gmail.com

Сведения об авторах:

Бхавна Харчандани, аспирант (PhD), факультет гуманитарных и социальных наук, Индийский технологический институт Гандинагра, Гандинагар, Индия. ORCID: 0000-0003-0334-7942. E-mail: bhavnaiitgn@gmail.com

Викас Патхе, доцент, Международный университет Симбиозис, Пуна, Махараштра, Индия. ORCID: 0000-0001-8579-0619. E-mail: pathe.vikas@gmail.com

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-632-643

EDN: CZPFJW

УДК 32.019.51;316.4;070

Индия как медиацивилизация – от фольклорных форм к цифровым форматам: интервью с Девадатханом Наиром

А.Н. Морева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

История статьи: поступила в редакцию 29 мая 2025 г.; отрецензирована 30 июня 2025 г.; принята к публикации 10 июля 2025 г.

Для цитирования: Морева А.Н. Индия как медиацивилизация – от фольклорных форм к цифровым форматам: интервью с Девадатханом Наиром // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 632–643. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-632-643>

В Индии медиа – это не просто источник информации, а часть культурной ткани, соединяющая традиционные формы повествования с цифровыми технологиями. Как устроена медиасреда крупнейшей демократии? Почему индийская диаспора в России становится медиасубъектом? При чем тут уличный театр и метавселенная? Об этом – в разговоре с медиапрактиком и инициатором проекта Varta Patrika Девадатханом Наиром.

Девадатхан Наир, президент АНО «Ближний клуб – соотечественники Индии в России», специалист в области медиаменеджмента, GR и PR, организатор проектов медиа, образования и межкультурной коммуникации. Окончил Государственный университет штата Керала (политология) и РУДН (журналистика). Работал диктором иновещания Гостелерадио, корреспондентом канала Asia Net. В 2007–2014 гг. реализовывал международные медиапроекты по продвижению Индии в России, в том числе с «Российской газетой» и Times of India Group. В 2012–2020 гг. курировал индийское направление проекта edu.ru по продвижению российского образования за рубежом.

© Морева А.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

– Как бы вы охарактеризовали медиасферу современной Индии? Какие особенности делают ее уникальной в глобальном контексте?

– Современная медиасфера Индии – это и зеркало, и двигатель ее глубокой трансформации. Она соединяет древние нарративы с цифровыми технологиями, охватывая полиформатное, полиязычное и полицентричное пространство. В Индии нет единого медиастандарта – есть множество культурных и языковых оптик, через которые общество воспринимает реальность.

Медиа здесь – часть культуры, ее дыхание. Явление *folk media* – уличный театр, сказительство, настенная живопись, музыка *baul*, танцы *kathakali* – это не просто выражение, а система передачи памяти, эмоций и ценностей. Это «медиа до медиа», форма, которая сегодня вновь становится актуальной в мире, уставшем от клише и алгоритмов, побеждает аутентичность.

При этом Индия – страна цифрового энтузиазма: миллионы молодых пользователей не только потребляют контент, но и создают его. И все же здесь остается медиапатриархальность – печатная пресса, особенно на региональных языках, по-прежнему важна для миллионов, особенно в глубинке.

– Вы долгие годы работаете на пересечении индийского и российского медиапространства. Насколько по-разному устроены медиасистемы этих двух стран? Где точки сближения?

– Медиасистемы Индии и России различаются по историческим, культурным и институциональным основаниям. В Индии медиаэкосистема более фрагментирована и коммерциализирована, с сильной региональной спецификой: на каждом языке своя газета, свое телевидение. В России медиапространство более централизовано, с мощным участием государства и доминированием федеральной повестки. При этом обе страны признают ключевую роль медиа как инструмента культурной политики и дипломатии.

Точки сближения находятся в области *soft power* – культурных обменов, просветительских и имиджевых проектов. Они дают наиболее глубокую обратную связь, не формальную, а человеческую. И тогда это уже не просто обмен, а совместное производство нового гуманитарного смысла, важного и для Индии, и для России.

Одной из ярких тенденций, сближающих наши медиасреды, я бы назвал запрос на искреннюю, «человеческую» коммуникацию. Это особенно заметно в усилении влияния микроинфлюенсеров – не обязательно медийных звезд, но людей, которым доверяют в их профессиональных или локальных сообществах. Именно такие голоса становятся сегодня новыми медиапроводниками между нашими странами. Я уверен, что говорить об Индии должны не только институции или федеральные СМИ, а прежде всего сами люди, кто пережил личную встречу с индийской культурой, учился, работал, путешествовал, нашел друзей. Когда блогер, молодой предприниматель или студент рассказывает о своем опыте с эмоциональной вовлеченностью и уважением, это создает совершенно иной уровень восприятия.

Когда об Индии говорят в атмосфере доверия, без клише, на языке живого опыта, это работает сильнее любой официальной кампании. Такова модель

медиа будущего: неформальные, основанные на соучастии. Индия и Россия, несмотря на различия, движутся к новой этике коммуникации, где главное не масштаб, а открытость, не громкость, а подлинность.

– Какие медиаформаты наиболее эффективны для представления индийской культуры российской аудитории?

– По моему опыту, наибольший эффект дают видео- и событийные форматы, сочетающие визуальную насыщенность и эмоциональную вовлеченность. Это документальные и художественные фильмы, мини-сериалы, культурные фестивали, лайв-мероприятия, а также короткий видеоконтент: *reels*, *shorts*, клипы с музыкой, танцами, ремеслами.

Фильмы и сериалы позволяют глубже погрузиться в философию, традиции и обычаи. Российскому зрителю особенно близки темы семьи, духовности и самопознания – центральные мотивы индийского сторителлинга. Яркий пример – фильм *RRR* (2022) Раджамули: эпос о героизме, дружбе и свободе неожиданно вызвал резонанс в России. *RRR* шел в кинотеатрах всей страны, собирал аншлаги на спецпоказах, стал культовым в соцсетях благодаря визуальному стилю, музыке и особенно танцу *Naatu Naatu*, получившему «Оскар» – впервые в истории индийского кино.

Этот фильм помог разрушить стереотип о «старых фильмах с песнями» и показал современную Индию – технологичную, яркую, с богатым наследием и сильным духом. Он наглядно доказал: культура – мощный драйвер узнаваемости и имиджа страны.

Также эффективно работают масштабные мероприятия: Дни Индии в Москве, выставки, гастрономические и музыкальные фестивали. Они формируют живой культурный контакт, после которого интерес к Индии уже не поверхностный, а личный. Но это классика формирования медиаобраза, хотя в этой парадигме очень важно не переводить Индию дословно, ее нужно интерпретировать культурно близким языком, и тогда она воспринимается не как экзотика, а как пространство идей, вдохновения и смысла.

– А какую роль играет диаспора в медиапредставлении Индии за рубежом, в частности в России?

– Диаспора – это не просто связующее звено между Индией и миром, это полноценный медиасубъект, обладающий своей аудиторией, своим голосом и правом на интерпретацию. В последние годы в России растет число проектов, где диаспора становится не просто участником, а продюсером и инициатором медиа: от документальных фильмов до просветительских программ и культурных фестивалей. Это особенно заметно в годы юбилеев дипломатических отношений. Например, в 2022 г., к 75-летию независимости Индии и 75-летию установления дипотношений между нашими странами, были реализованы десятки совместных инфоповодов, в которых индийская община играла ключевую роль.

Один из таких проектов – цикл культурных мероприятий в рамках фестиваля *India-Russia Dosti Utsav*, инициированного индийской диаспорой в Мо-

ске при поддержке Посольства Индии, Россотрудничества и ряда российских вузов. Это создало живой медиаконтекст, в котором Индия предстала через голоса своих представителей, живущих и работающих в России.

– *Одним из заметных голосов диаспоры стал медианпроект Varta Patrika.*

– Он родился как ответ на запрос: индийская диаспора в России нуждается в пространстве для диалога, самовыражения и представления себя и друг другу, и российскому обществу. Мы хотели создать платформу смыслов и человеческих историй, отражающую реальные голоса и настроения индийцев, живущих и работающих в России.

Слово *varta* на санскрите и хинди означает разговор, новость, повествование, а *patrik* – это журнал, вестник. Буквально – журнал разговора. Мы рассказываем о возможностях в образовании, бизнесе, культуре, медиа. Публикуем истории успеха, репортажи о мероприятиях, интервью с представителями обеих стран. Особую роль отводим культурной дипломатии, ведь зачастую именно личная история гораздо сильнее официальных заявлений. Первый номер *Varta Patrika* мы приурочили ко Дню России – 12 июня 2025 г. Мы хотели подчеркнуть, что индийская диаспора ощущает себя частью российской реальности, вносит в нее свою энергию, уважает традиции, но и сохраняет свою идентичность.

Я верю, что такие инициативы – это не просто медиа, это мосты доверия, по которым можно двигаться в обе стороны: и из Индии в Россию, и из России в Индию.

– *Как сегодня трансформируются запросы у российской аудитории на информацию об Индии? Изменилась ли тональность, содержательность интереса, ожидания?*

– Запрос действительно изменился, и очень существенно. Если раньше интерес к Индии в России часто был во многом ориентированным на классические атрибуты глобального образа – йога, аюрведа, Болливуд, специи, Гоа, – то сейчас наблюдается переход от восторженного взгляда к вдумчивому интересу.

Сегодня российская аудитория хочет понимать структуры: как устроено индийское общество, как работает экономика, в чем особенности индийской образовательной системы, что происходит в медиа, в технологиях, в культуре. Это уже интерес с прицелом на сотрудничество. Особенно на фоне растущего политического и экономического сближения между нашими странами, Индия все чаще воспринимается не как «далекая страна», а как реальный партнер, живой и современный.

Также изменилась тональность восприятия. Индия уже не страна прошлого: все больше людей видят в ней страну будущего, молодую, динамичную, высокотехнологичную. Отсюда растет интерес к креативным индустриям, к цифровой Индии, к образовательным программам, к рынку труда и стартапам. Все это требует другого подхода к подаче информации, глубже, точнее, с уважением к интеллектуальному уровню читателя. Содержательность интереса возросла, а вместе с ней и ответственность нас, кто занимается медиа на индийскую тему.

– Как, на ваш взгляд, медиапроекты могут способствовать развитию креативной экономики между нашими странами? Есть ли потенциал для устойчивого сотрудничества?

– Медиапроекты становятся ключевыми каналами формирования креативной экономики. Мы живем в эпоху, когда контент становится валютой, а сторителлинг – основой доверия и коммерческого успеха. Сегодня медиа – основа экономики образов, репутации и культурного капитала.

Если говорить о связке Индии и России, то здесь колоссальный потенциал. Обе страны обладают глубокой культурной традицией, сильной образовательной базой, развивающимися креативными индустриями. Но чтобы эти потенциалы встретились, нужна платформа взаимодействия, и медиасфера может ею стать. Совместные документальные фильмы, подкасты, выставки, цифровые журналы, кросс-культурные фестивали – все это создает новые экономические модели: туризм, образование, дизайн, IT, видео- и аудиопродакшн.

Важно понимать: креативная экономика держится на доверии и интересе, а именно медиа могут этот интерес разбудить и удержать. Мы уже видим успешные кейсы – от индийских сериалов, выходящих в русскоязычном дубляже, до международных форумов вроде WAVES, где подписываются реальные B2B-соглашения. Особое внимание заслуживает участие индийских представителей в Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ), а также растущее сотрудничество между фондом «Сколково» и рядом индийских стартапов в области медиатехнологий, образовательных платформ и креативных решений. Потенциал для устойчивого сотрудничества есть, и он начинается с качественной, содержательной и двусторонней медиакommunikации.

– Насколько российские медиа сегодня готовы к продуктивному освещению Индии за пределами стереотипов? Как можно преодолеть образ «экзотики»?

– Образ Индии как далекой и экзотической страны по-прежнему присутствует, он удобен, узнаваем и имеет маркетинговую силу. Но одновременно с этим все чаще звучат более глубокие, содержательные нарративы, особенно в специализированных изданиях, в культурных проектах, в академической и просветительской среде.

Тем не менее, путь к системному и устойчивому освещению новой Индии еще не пройден. Во многом это связано с нехваткой актуального контента, подготовленных специалистов, а иногда и банального языкового барьера. Индия очень многослойна: это не один рассказ, а миллионы. Чтобы действительно понять ее и транслировать содержательно, нужен не только интерес, но и регулярная работа: диалог, исследование, перевод, аналитика.

Когда российская аудитория видит в Индии не прошлое, а настоящее – стартапы, digital-среду, молодежные тренды, независимое кино – тогда экзотика уходит на второй план, уступая место живой, актуальной, динамичной Индии. Хороший пример – программа ITEC (*Indian Technical and Economic*

Cooperation), которая ежегодно приглашает представителей разных стран, в том числе и России, для обучения, обмена опытом и профессионального диалога. Благодаря ИТЕС участники из самых разных областей, от медиакоммуникаций до цифровой экономики, получают возможность увидеть Индию изнутри, понять ее через практику, а не через миф. Это один из самых эффективных инструментов «мягкой силы», который помогает формировать образ современной, профессиональной и технологически развитой Индии. Именно в этом я вижу ключевое сообщение и индийской диаспоры в том числе. Поэтому наш коллектив в *Varta Patrika*, и в других проектах делаем акцент на реальные истории – современных дизайнеров, предпринимателей, ученых, студентов. Такие истории становятся настоящими мостами между нашими культурами.

– Вы работаете и как практик, и как преподаватель. Что важно давать студентам, которые хотят профессионально заниматься международными медиакоммуникациями?

– Прежде всего, понимание культурных кодов. Международные медиакоммуникации невозможны без способности «переводить» не только язык, но и смыслы, контексты, эмоции. Это не просто навык – это мышление, которое нужно формировать с самого начала. Сегодня медиаполе стало трансграничным, но восприятие по-прежнему глубоко культурно обусловлено. Студенты должны учиться видеть разницу между новостью и нарративом, между текстом и подтекстом.

Во-вторых, критическое мышление и умение работать с информацией в быстро меняющейся среде. Мир переполнен контентом, но недостаток осмысленных сообщений никуда не делся. Поэтому важно учить студентов не только создавать медиапродукты, но и понимать, как они влияют на аудиторию, как формируют представление о странах, народах, конфликтах, ценностях.

Наконец, третий ключевой момент – это эмпатия и опыт межкультурного общения. Без живого диалога, без погружения в иные культуры, пусть даже через учебные кейсы, стажировки, программы обмена, невозможно стать настоящим медиакоммуникатором.

– Если бы вам нужно было одним образом, метафорой или историей описать место Индии в современной глобальной медиакартине, что бы это было?

– Я бы сравнил Индию с живым павильоном на мировой выставке цивилизаций, пространством, где каждый уголок дышит историей, но именно здесь прошлое встречается с будущим в формате диалога, а не музейной экспозиции. Представьте себе шатер, сотканный из тысяч разноцветных тканей – языков, традиций, верований – и в нем проходят виртуальные симпозиумы о нейросетях, устойчивом развитии и марсианской архитектуре. Здесь древние эпосы не забыты, а интегрированы в цифровую структуру нового мира.

Этот павильон открыт для всех – он не замкнут и не догматичен, постоянно трансформируется, вбирает новое, не теряя корней. В нем создается меди-

асреда, в которой ценится не громкость, а смысл, не эффект, а глубина. Такой медиапавильон – не утопия, а уже реальность Индии, вписанной в глобальную медиакартину. И в этом смысле он воплощает идею Маршалла Маклюэна о том, что медиа – это продолжение человеческих чувств, тела и разума. Возможно, это и есть главное послание Индии миру: помнить, что синтез традиции и технологии, культурной памяти и инновации – не просто возможен, а необходим, если мы хотим строить человеческое, устойчивое и взаимопонимающее будущее.

Сведения об авторе:

Морева Анна Николаевна, заместитель директора, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), выпускница Special English course for Russian participants, ITEC Program, European Foreign Language University, Hyderabad, India (2019), спикер Kolkata Book Fair 2022, куратор и автор обучающей программы российско-индийского проекта в рамках меморандума между МГЛУ и Индийским институтом социального обеспечения и управления бизнесом (Калькутта, Индия), Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-код: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

India as a Media Civilization – From Folklore to Digital Formats: An interview with Devadathan Nair

Anna N. Moreva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Article history: submitted May 29, 2025; revised June 30, 2025; accepted July 10, 2025.

For citation: Moreva, A.N. (2025). India as a Media Civilization – From Folklore to Digital Formats: An interview with Devadathan Nair. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 632–643. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-632-643>

In India, media is not just a source of information — it is part of the cultural fabric, a fusion of traditional storytelling and digital technology. What defines the media environment of the world’s largest democracy? Why is the Indian diaspora in Russia becoming a media actor in its own right? And what does street theatre have to do with the metaverse? These are just some of the questions discussed in a conversation with media practitioner and founder of the Varta Patrika project, Devadathan Nair.

Devadathan Nair, President of the Organization Blizhniy Club – Indian Compatriots in Russia. He is a specialist in media management, government relations, and public relations, and an organizer of projects at the intersection of media, education, and intercultural communication. He graduated from the University of Kerala (Political Science) and RUDN University (Journalism). He has worked as a broadcaster for the international service of Gosteleradio, a correspondent for Asia Net channel, and PR

Director for a Russian pharmaceutical company. From 2007 to 2014, he implemented international media projects promoting India in Russia, including collaborations with Rossiyskaya Gazeta and the Times of India Group. From 2012 to 2020, he oversaw the Indian segment of the edu.ru project aimed at promoting Russian education abroad. He heads the Blizhniy Club non-profit organization, which unites the Indian diaspora in Russia and implements international cultural, educational, and awareness-raising programs. He is the publisher of the Ayurveda magazine and the author of the Varta Patrika initiative – a multimedia project focused on Russian-Indian cooperation and Indian compatriots in Russia.

– How would you describe the media landscape of contemporary India? What makes it unique in a global context?

– India’s current media sphere is both a mirror of and a driving force for its profound transformation. It weaves together ancient narratives with cutting-edge digital technologies, operating across a multifaceted, multilingual, and decentralized landscape. There’s no single media standard in India – rather, there are countless cultural and linguistic lenses through which society experiences reality.

Media here is part of culture itself – it is its very breath. Folk media forms – street theatre, oral storytelling, wall painting, *baul* music, *kathakali* dance – are not merely forms of expression but systems for transmitting memory, emotion, and values. These are “pre-media” forms – practices that today are regaining relevance. In a world fatigued by clichés and algorithms, it’s authenticity that wins.

At the same time, India is a country of digital enthusiasm: millions of young users don’t just consume content – they create it. And yet a kind of media patriarchy persists – print journalism, especially in regional languages, still holds great importance for millions, particularly in rural areas.

– You’ve worked for years at the intersection of Indian and Russian media. How different are the two media systems? Where do you see points of convergence?

– The media systems in India and Russia differ due to their historical, cultural, and institutional roots. India’s media ecosystem is more fragmented and commercialized, with strong regional characteristics: each language has its own newspaper, TV channel, and YouTube scene. In Russia, the media space is more centralized, with strong government involvement and a dominant federal narrative. Yet both countries recognize the strategic role of media in cultural policy and diplomacy.

The clearest points of convergence lie in the realm of *soft power* – in cultural exchanges, educational initiatives, and image-building projects. These provide not formal but *human* feedback. And at that point, it’s no longer just an exchange but the co-creation of new humanitarian meaning – something valuable to both India and Russia.

One vivid trend bringing our media environments closer is the demand for sincere, “human” communication. This is particularly visible in the rise of micro-influencers – not necessarily media stars, but individuals trusted within their professions or local communities. These are the voices now bridging our two countries. I believe India should not be spoken of only by institutions or federal

media, but by the people themselves – those who’ve had real encounters with Indian culture, who studied, worked, traveled, made friends.

When a blogger, young entrepreneur, or student shares their experience with emotional involvement and genuine respect, it creates a completely different level of perception. When India is spoken of in a space of trust, free from clichés, through the language of lived experience – it’s more powerful than any official campaign. That’s the media model of the future: informal, participatory. India and Russia – despite their differences – are moving toward a new ethics of communication, where what matters isn’t scale but openness, not volume but authenticity.

– Which media formats are most effective in presenting Indian culture to Russian audiences?

– In my experience, the most impactful formats combine visual richness and emotional depth: documentary and feature films, mini-series, cultural festivals, live events, and short-form video content – reels, shorts, music, dance, and craft videos.

Films and series allow for a deeper immersion into India’s philosophies, traditions, and customs. Russian viewers especially connect with themes of family, spirituality, and self-discovery – central motifs of Indian storytelling. A striking example is S.S. Rajamouli’s film *RRR* (2022): an epic of heroism, friendship, and freedom that unexpectedly resonated in Russia. *RRR* played in cinemas across the country, sold out at special screenings, and became a social media phenomenon thanks to its visual flair, music, and the now-iconic *Naatu Naatu* dance, which won India its first *Oscar*.

The film shattered the old stereotype of “vintage musicals” and revealed a modern India – technological, vibrant, steeped in heritage and spirit. It clearly proved that culture is a powerful driver of recognition and national image.

Large-scale events are also effective – India Days in Moscow, exhibitions, culinary and music festivals. They create living cultural contact that transforms interest in India from surface-level to deeply personal. That said, in such formats, it’s vital not to translate India literally, but to interpret it in a culturally resonant language – so it’s perceived not as exotic, but as a space of ideas, inspiration, and meaning.

– What role does the diaspora play in India’s media representation abroad – particularly in Russia?

– The diaspora is not just a connecting thread between India and the world – it’s a full-fledged media actor, with its own voice, its own audience, and its right to interpretation. In recent years, we’ve seen an increase in diaspora-led projects in Russia – not merely participatory, but as initiators and producers of media: from documentaries to educational programs and cultural festivals. This was especially visible during diplomatic anniversaries – for example, in 2022, when India celebrated 75 years of independence and 75 years of India-Russia diplomatic ties, dozens of joint media events took place with the diaspora playing a key role.

One such project was the *India-Russia Dosti Utsav* festival, launched by the Indian diaspora in Moscow with support from the Indian Embassy, Rossotrudnichestvo, and several Russian universities. It created a vibrant media

context where India was represented by the voices of its own people – living and working in Russia.

– ***One of the notable voices of the diaspora has been the Varta Patrika media project.***

– It was born in response to a need: The Indian diaspora in Russia needed a platform for dialogue, self-expression, and representation – both among themselves and to Russian society. We wanted to create a space for meaning and human stories that reflect the real voices and sentiments of Indians living and working in Russia.

The word *varta* in Sanskrit and Hindi means conversation, news, or narrative. And *patrika* means journal or gazette. So literally – it’s a “journal of conversations”. We cover opportunities in education, business, culture, and media. We publish success stories, event reports, interviews with people from both countries. Cultural diplomacy plays a special role in our work, because often, a personal story speaks louder than official statements. The first issue of *Varta Patrika* was timed to coincide with Russia Day – June 12, 2025. We wanted to emphasize that the Indian diaspora feels itself part of Russian reality, contributing energy and respect for tradition – while also preserving its own identity.

I believe that such initiatives are more than media – they’re bridges of trust, open in both directions: from India to Russia, and from Russia to India.

– ***How are Russian audience demands for information about India evolving today? Has the tone, depth, or nature of interest changed?***

– Yes, the demand has significantly evolved. In the past, interest in India in Russia was often focused on classic symbols of the global image – yoga, Ayurveda, Bollywood, spices, Goa. But now we’re witnessing a shift from admiration to thoughtful curiosity.

Russian audiences now want to understand structures: how Indian society functions, how its economy works, the peculiarities of its education system, and what’s happening in its media, tech, and culture scenes. It’s an interest aimed at cooperation. Against the backdrop of growing political and economic ties, India is no longer perceived as a “distant land” but as a real, modern partner.

The tone has changed, too. India is no longer seen as a country of the past: more and more people view it as a country of the future – young, dynamic, and tech-savvy. Interest is rising in the creative industries, in Digital India, in education programs, the labor market, and startups. All this calls for a different media approach – deeper, more precise, and respectful of the reader’s intellectual expectations. So yes – the quality of interest has grown, and with it, the responsibility of those of us who work with Indian-themed media.

– ***How can media projects contribute to the development of the creative economy between our two countries? Is there potential for sustainable cooperation?***

– Media projects are becoming key channels for shaping the creative economy. We live in an era where content is currency, and storytelling is the foundation of trust and commercial success. Today, media is the bedrock of image, reputation, and cultural capital.

When it comes to India-Russia synergy, the potential is enormous. Both nations have deep cultural traditions, strong educational foundations, and growing creative industries. But for these assets to meet, we need a platform for interaction – and media can serve that role. Joint documentaries, podcasts, exhibitions, digital magazines, cross-cultural festivals – all these open up new economic models: in tourism, education, design, IT, video and audio production.

It's crucial to understand that the creative economy is built on trust and curiosity – and media is what awakens and sustains that interest. We already see successful cases – from Indian series dubbed in Russian to international forums like WAVES where real B2B agreements are signed. The participation of Indian representatives at the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF) is also significant, as is growing collaboration between the Skolkovo Foundation and Indian startups in media technology, education platforms, and creative solutions. The potential for sustainable cooperation is real—and it starts with smart, meaningful, and two-way media communication.

– Are Russian media outlets currently ready to cover India in a productive, stereotype-free way? How can we move beyond the 'exotic' image?

– The exoticized image of India – distant and mystical – still exists. It's convenient, recognizable, and has marketing power. But we're hearing deeper, more meaningful narratives more often – especially in niche publications, cultural projects, academia, and educational media.

Still, we have yet to fully develop systematic and sustained coverage of contemporary India. This is often due to a lack of current content, trained professionals, and sometimes the basic language barrier. India is profoundly layered: it's not one story but millions. To truly understand and communicate its essence, we need not only interest but ongoing work – dialogue, research, translation, analysis.

When Russian audiences see India not as a relic of the past, but as a country of startups, digital ecosystems, youth trends, and independent cinema, the exoticism fades. A good example is the ITEC (Indian Technical and Economic Cooperation) program, which annually invites participants from many countries, including Russia, for training, exchange, and professional dialogue. Thanks to ITEC, participants from various fields – from media to digital economy – get to see India from the inside, through practice, not myth. It's one of India's most effective tools of soft power and helps form the image of a modern, professional, and tech-driven India. That, I believe, is also the core message from the Indian diaspora. That's why our team at *Varta Patrika* and in other projects focuses on real stories – of contemporary designers, entrepreneurs, scientists, and students. These are the true bridges between our cultures.

– As both a practitioner and educator, what do you believe students need most if they want to engage in international media professionally?

– First and foremost: an understanding of cultural codes. International media communication requires the ability to “translate” not just language but meanings, contexts, emotions. This isn't just a skill – it's a mindset that must be nurtured from the start. While today's media space is globalized, perception remains deeply shaped

by culture. Students must learn to distinguish between news and narrative, between text and subtext.

Second: critical thinking and the ability to navigate an ever-changing information environment. The world is flooded with content, but there's still a deficit of meaningful messages. So students need to be trained not only to create media but to understand its impact – on audiences, on perceptions of countries, peoples, conflicts, and values.

And finally, empathy and real intercultural experience. Without live dialogue – whether through classroom cases, internships, or exchange programs – it's impossible to become a true media communicator.

– If you had to describe India's place in the global media landscape with one metaphor or story, what would it be?

– I'd liken India to a living pavilion at a world expo of civilizations – a space where every corner breathes history, yet it's here that past and future meet in dialogue, not as museum exhibits.

Imagine a tent stitched from thousands of multicolored fabrics – languages, traditions, beliefs – and inside it, virtual symposia on neural networks, sustainable development, and Martian architecture. Here, ancient epics are not forgotten – they're woven into the digital structure of the new world.

This pavilion is open to all – it's not closed off or dogmatic. It constantly transforms, absorbing the new without losing its roots. It's a media environment that values not volume but meaning, not spectacle but depth. This media pavilion isn't utopian – it's already the reality of India in the global media picture. And in this sense, it embodies Marshall McLuhan's idea that media are extensions of human senses, body, and mind.

Perhaps this is India's message to the world: that the synthesis of tradition and technology, cultural memory and innovation – is not only possible, but essential, if we hope to build a humane, sustainable, and mutually understanding future.

Bio note:

Anna N. Moreva, Deputy Director, Senior Lecturer of the Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (MSLU), Graduate of the Special English Course for Russian Participants, ITEC Program, European Foreign Language University, Hyderabad, India (2019), Speaker at the Kolkata Book Fair 2022, Curator and author of the educational program within the Russian-Indian project under the memorandum of understanding between MSLU and the Indian Institute of Social Welfare and Business Management (Kolkata, India), Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-code: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

ОБЗОРЫ
REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-644-654

EDN: DNNGB

УДК 001.8:101.2

Обзорная статья / Review

**Экзистенциальные медиаисследования:
новый взгляд на существование человека
в цифровой среде**

Ю.С. Апполонова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

✉ yappolonova@hse.ru

Аннотация. В зарубежных исследованиях с начала 2010 гг. формируется новое направление, которое предлагает оригинальный подход к изучению медиа и различных медийных феноменов – Existential Media Studies (экзистенциальные медиаисследования). Основоположник этого направления – Аманда Лагерквист, которая подчеркивает необходимость восполнить дефицит экзистенциального содержания в теории медиа. В связи с этим в представленном направлении медиа изучаются не как каналы коммуникации, социальные институты или материальные артефакты, а в первую очередь как среда, процесс существования современного человека в цифровом мире. Центральным становится вопрос о том, что значит быть человеком в эпоху цифровизации. Таким образом, медиа исследуются в проекции онтологической и философско-антропологической проблематики как экзистенциальный феномен; в качестве методологических оснований выступают ключевые идеи и принципы, разрабатываемые в экзистенциальной философии XIX–XX вв. В данной статье представлены контуры основной проблематики экзистенциальных медиаисследований, которые определили их становление и современное развитие. Работа актуализирует дискуссии о перспективах экзистенциальных медиаисследований в российской науке.

Ключевые слова: медиа, экзистенциальная философия, Аманда Лагерквист, цифровая реальность, экзистенциальный опыт, теория медиа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 марта 2025 г.; отрецензирована 17 апреля 2025 г.; 10 июня 2025 г.

© Апполонова Ю.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Апполонова Ю.С. Экзистенциальные медиаисследования: новый взгляд на существование человека в цифровой среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 644–654. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-644-654>

Existential Media Studies: A New Perspective on Human Existence in the Digital Environment

Yuliya S. Appolonova

HSE University, Moscow, Russian

✉ y.s.appolonova@hse.ru

Abstract. In foreign media studies since the early 2010s, a new direction has emerged that offers an original approach to studying media and various contemporary media phenomena – Existential Media Studies. The founder of this direction, Amanda Lagerkvist, emphasizes the need to fill the deficit of existential content in media theory. In this context, media are studied not as communication channels, social institutions, or material artifacts, but primarily as environments and ways of existence for modern humans. Central to this is the question of what it means to be human in the age of digitalization. Thus, media are examined from the perspective of ontological and philosophical-anthropological issues as an existential phenomenon, with key ideas and principles developed in existential philosophy of the 19th and 20th centuries serving as methodological foundations. This article outlines the main themes of existential media studies, which have shaped their development and current state. This work will contribute to further discussions about the prospects of existential media studies both abroad and in Russia.

Keywords: media, existential philosophy, Amanda Lagerkvist, digital reality, existential experience, media theory

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 24, 2025; revised April 17, 2025; accepted June 10, 2025.

For citation: Appolonova, Yu.S. (2025). Existential Media Studies: A New Perspective on Human Existence in the Digital Environment. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 644–654. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-644-654>

Введение

Экзистенциальная философия, достигшая расцвета в XX в., обратилась к парадоксам человеческого существования в мире, в котором становилось все более заметным влияние технологий, техники, массовой культуры. Она стала своеобразным ответом на усиливающуюся рационализацию знания, алгоритмизацию повседневного бытия человека и объективацию экзистенциального опыта. Н.А. Бердяев, соглашаясь с утверждением С. Кьеркегора об онтологической связанности процессов мышления, познания и существования, писал: «Причастность познающего к существованию предшествует его познанию, мой экзистенциальный опыт до моего познания» (Бердяев, 1934,

с. 55). Этот тезис согласуется с современным трендом на человекоцентричность, который сформировался в ответ на интенсивное развитие цифровых технологий и медиатизацию различных сфер человеческой жизни.

Что такое цифровая реальность? Как медиа влияют на формирование экзистенциального опыта человека? Как меняются границы между реальным и цифровым в культурных и социальных практиках? Начиная с 2010 гг. ряд зарубежных исследователей медиа (Lagerkvist, 2013; Peters, 2015; Pinchevski, 2014; Scannell, 2014) в поисках ответов на данные вопросы актуализировали содержание экзистенциальной философии XIX–XX вв. В своих трудах и исследовательских проектах они развивают идеи С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, К. Ясперса, М. Бубера, Э. Левинаса и др. Но адаптировали их к решению проблем не Existence (существование), а Digital Existence (цифровое существование). Так начали формироваться контуры новой проблематики, а вместе с ней и нового исследовательского направления Existential Media Studies (EMS) – экзистенциальные медиаисследования. Интеллектуальные ресурсы EMS направлены на поиск ответа на вопрос: «Что значит быть человеком в цифровую эпоху?» (перевод авт. – Ю.С.). (Lagerkvist, 2017, p. 97).

EMS выводит медиа из устоявшихся приоритетных дисциплинарных перспектив – социологической, политологической, лингвистической – в экзистенциально-философскую. Медиа определяются в EMS как экзистенциальная область, «которая не сводится (но всегда связана) с социальным, культурным, экономическим или политическим» (перевод авт. – Ю.С.). (Lagerkvist, 2017, p. 106). Принципиальная установка: медиа – это нечто большее, чем средства репрезентации и каналы коммуникации. Как отмечает Джон Д. Питерс в работе «Чудесные облака» (*The Marvelous Clouds. Toward a Philosophy of Elemental Media*), медиа – это не только институты, тексты, аудитория; медиа – это способы и сама среда существования человека – digital existence. И эта среда существования предшествует процессу познания. Именно цифровизация привела к тому, что медиа присутствуют теперь во всех аспектах жизни человека – от рождения до смерти, не просто как инструмент или объект деятельности, но как онтологическая константа, оказывающая влияние на формирование экзистенциального опыта.

Становление и проблематика EMS

Сложная онтологическая природа медиа и их интеграция в социокультурные процессы приводят к необходимости переопределения данного понятия в зависимости от того, какой срез реальности или тип отношений, опосредованных медиа, становится объектом исследований.

Экзистенциальные медиаисследования обращаются к категории цифрового бытия развивая одну из ключевых идей экзистенциальной философии о том, что в век технического прогресса, тотальной цифровизации и автоматизации, человек – «это нечто бесконечно большее, чем просто наши данные – или, возможно, как мы бы сегодня сказали, наши метаданные» (пер. авт. –

Ю.С.) (Lagerkvist, 2020, p. 25). И в широком смысле определяют медиа как способы и одновременно среду существования человека.

С 2014 по 2018 г. Аманда Лагерквист, основоположник направления, в настоящее время профессор департамента информатики и медиа в Уппсальском университете, возглавляла программу «Экзистенциальные ландшафты: память и значение в культурах взаимосвязи» (*Existential Terrains: Memory and Meaning in Cultures of Connectivity*), которая позиционировалась как проект по изучению экзистенциального измерения цифровизации медиасреды. Исследование интегрировало фундаментальные идеи, разрабатываемые в экзистенциальной философии, в изучение феномена цифровой смерти, влияния цифровых медиа на формирование культурной памяти, особенностей коммуникации в онлайн-сообществах и др. Лагерквист неоднократно формулировала тезис о том, что в теории медиа существует дефицит экзистенциальных идей и подходов. Поэтому проект был призван обратить внимание мирового научного сообщества на экзистенциальную проблематику медиа и методологический потенциал экзистенциальной философии для решения как вечных, так и актуальных проблем.

В процессе реализации проекта «Экзистенциальные ландшафты: память и значение в культурах взаимосвязи» была создана международная сеть DIGMEX, объединившая 200 ученых со всего мира. В рамках проекта на научно-методологических семинарах и открытых лекциях обсуждались вызовы, связанные с цифровизацией экзистенциального опыта. Среди участников – исследователи из стран Северной и Западной Европы, Канады, Америки, в том числе известный медиатеоретик Джон Д. Питерс (John D. Peters), профессор философии медиа и технологий Венского университета М. Кокельберг (М. Coeckelbergh), почетный профессор литературы университета Дьюка – Н. Кэтрин Хейлз (N.K. Hayles), почетный профессор департамента медиа и коммуникаций университета Осло – Чарльз Эсс (Ch. Ess) и др.

В Швеции была проведена серия конференций. Первая – «Цифровое существование: память, смысл, уязвимость» (*Digital Existence: Memory, Meaning, Vulnerability*) состоялась в 2015 г., вторая – «Цифровое существование: ненадежная жизнь в медиа» (*Digital Existence II: Precarious Media Life*) в 2017 г. По их результатам был издан сборник «Цифровое существование: онтология, этика и трансцендентность в цифровой культуре» (*Digital Existence: Ontology, Ethics and Transcendence in Digital Culture*)¹. Его содержание отразило контуры трех основных исследовательских направлений внутри EMS: онтология медиа, философская антропология и метафизика медиа.

Онтология медиа, обращаясь к повседневному опыту бытия человека в мире, проблематизирует медиареальность как таковую, пытается определить сущность медиафеноменов и их онтологический статус. Философская антропология изучает межличностные и человеко-машинные отношения

¹ Lagerkvist A. (Ed.). *Digital Existence: Ontology, Ethics and Transcendence in Digital Culture*. 1st ed. London: Routledge, 2018. 302 p. <https://doi.org/10.4324/9781315107479>

в этической, антропологической и культурологической перспективах, а также особенности формирования экзистенциального опыта в медиасреде. Метафизика медиа обращена к исследованию предельных ситуаций бытия человека, в частности ситуации смерти, а также изучению влияния цифровых технологий на духовное содержание его жизни.

Итак, ведущей в этом направлении оказывается именно экзистенциально-философская оптика. Однако отметим, что для решения конкретных задач привлекаются теоретические положения и методы антропологии, культурологии, теории медиа, экологии и других дисциплин. Во многом это обосновывается тем, что сам факт существования человека в цифровом мире оказывается первичной онтологической структурой, человек заброшен в него. Если М. Хайдеггер обращался к анализу бытия в мире, то экзистенциальные медиа-исследования – к бытию в цифровом. В условиях цифровизации и медиатизации происходит формирование экзистенциального опыта человека. В цифровом мире он ищет смысл, безопасность, любовь, заботу, истину. И медиа оказываются не только инструментами репрезентации и коммуникации, но способами переживания человеком собственного существования. Поэтому сегодня в EMS технологии искусственного интеллекта (ИИ) изучаются именно как экзистенциальные медиа. Так, в 2022 г. состоялась конференция «Цифровое существование: жизнь с автоматизацией» (Digital Existence III. Living with Automation), с 2020 по 2024 г. на базе Уппсальского университета реализовался междисциплинарный проект «Экзистенциальные вызовы и этические императивы биометрического искусственного интеллекта в повседневной жизни» (BioMe: Existential Challenges and Ethical Imperatives of Biometric AI in Everyday Lifeworlds), по сути пересматривающий экзистенциальную проблематику телесности в исследованиях технологий распознавания голоса, лиц, а также приложений для здоровья, собирающих сенсорные данные человека.

Полагаем, что изучение технологий ИИ в перспективе экзистенциальной проблематики вполне оправдано. Данные технологии находят широкое применение в областях, связанных с сохранением культурного наследия, передачей общекультурных смыслов и ценностей, в том числе в образовании и науке, журналистике и медиакommunikациях. Тем самым их использование выходит далеко за рамки утилитарных функций. Что уже провоцирует постановку экзистенциальных вопросов. Более того, данные технологии начинают претендовать и на определенную степень субъектности. Например, даже повседневный опыт демонстрирует, что чат-боты готовы не только инструктировать человека по различным практическим вопросам, но и «говорить по душам», участвовать в различных творческих процессах. В свою очередь человек готов доверять им и активно взаимодействовать.

Все проекты с 2019 г. А. Лагерквист реализует в Швеции, на базе Уппсальского университета, где также созданы Уппсальский центр информатики и медиа для изучения цифрового существования (The Uppsala Informatics and

Media Hub for Digital Existence²) – лаборатория экзистенциальных медиаисследований, Человеческая обсерватория цифрового существования (The Human Observatory for Digital Existence) – платформа для совместных исследований и встреч ученых, представителей общественности, бизнеса, культурных индустрий, власти.

Таким образом, экзистенциальные медиаисследования – это междисциплинарное направление, формирующееся в контексте проблематики теории медиа, которое задает экзистенциально-философскую перспективу исследованиям. Оно смещает акцент с функциональной нагрузки медиа (информировать, репрезентировать, устанавливать отношения и др.) на экзистенциальную (поддерживать существование, быть средой существования). Импульс к своему развитию данное направление получило в Швеции, там же реализуются основные проекты, которые интегрируются в систему университетского медиаобразования.

Отметим, что на базе Цюрихского университета также реализуются проекты, исследующие экзистенциальные аспекты медиа. Приоритетная программа исследований «Цифровые религии» (Digital Religions) направлена на изучение процессов формирования религиозной идентичности, развития онлайн- и офлайн-сообществ в условиях цифровизации, практик медиакоммуникации как практик заботы, а также исследует особенности цифрового образования, связанного с религией. В университете создана междисциплинарная исследовательская лаборатория (Media Existential Encounters and Evolving Technology Lab³), которая объединяет медиатеоретиков, исследователей видеоигр и теологов. Однако есть важное отличие: EMS в разворачивании экзистенциальной проблематики медиа идет не от культурных или религиозных практик, не от институтов или технологий, но от существования конкретного человека в цифровом медиатизированном мире и его экзистенциального опыта.

Хотя EMS достаточно молодое направление, внутри него уже обозначены специфические темы и проблемы исследований⁴. Концептуализированы теоретико-методологические основания и разработан собственный язык описания медиа и экзистенциального опыта человека, существующего в цифровой медиасреде с опорой на экзистенциальную философию. Например, цифровая экзистенция (Digital Existence), экзистенциальная безопасность (Existential Security), всеобщие отношения или онтологическая взаимосвязь (pan-relations), экзистенциальный дефицит (Existential Deficit), цифровой предел (Digital Limit) и др. (Гулеватая, Пеннер, 2023).

² The Uppsala Hub for Digital Existence // Uppsala Universitet. URL: <https://www.uu.se/en/departament/informatics-and-media/research/upsala-informatics-and-media-hub-for-digital-existence> (accessed: 23.03.2025).

³ The MEEETLab – Media Existential Encounters and Evolving Technology Lab // Universität Zürich. URL: <https://gaming.dsi.uzh.ch/project/the-meeet-lab-media-existential-encounters-and-evolving-technology-lab-dsi-ub/> (accessed: 23.03.2025).

⁴ Lagerkvist A. Existential Media: A Media Theory of the Limit Situation. Oxford University Press, 2022. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190925567.001.0001>

Экзистенциальные медиаисследования в России

В контексте российской науки экзистенциальные медиаисследования не развиваются как самостоятельное направление. Оно не закреплёно институционально, понятие пока не функционирует в научном обороте. Речь идет скорее о попытках обнаружения и изучения экзистенциальной проблематики в таких областях, как философия технологии и техники, философия медиа, цифровая антропология, медиапсихология, аксиология журналистики.

Мы полагаем, что это связано с несколькими факторами, прежде всего отсутствием сформировавшейся теоретической базы внутри медиаисследований и тем, что в России рефлексии вокруг медиакоммуникаций так или иначе сводятся к журналистике (Ахмадулин, 2024; Волкова и др., 2021; Коротков, Шамина, 2011), в приоритете оказываются филологическое и социологическое направления.

В свою очередь, история медиа как объекта философского познания составляет довольно небольшой период, «в конце 1990 – начале 2000 гг. проблематику медиа и вовсе не считали философской, адресуя ее скорее социологии, политологии и культурологии» (Очеретяный, Ленкевич, 2016, с. 66). В 2000 гг. с ростом популярности работ зарубежных медиатеоретиков М. Маклюэна, Н. Больца, М. Кастельса и др. проблематика медиа развивается на пересечении философской антропологии и философии техники с целью описания бытия человека в компьютеризированную эпоху без вскрытия ее фундаментальных оснований. Однако начиная с 2010 гг. появляются работы, авторы которых обращаются к фундаментальной онтологической проблематике медиа, разрабатывают методологический аппарат медиафилософии (Савчук, 2013).

Дальнейшее развитие медиатехнологий, цифровизация и медиатизация социальных процессов спровоцировали интерес к экзистенциальной проблематике медиа. «Все больше и больше понятий и проблем обретают свое „цифровое продолжение“: „цифровая культура“, „цифровая идентичность“, „цифровое гражданство“, „цифровое воспитание“... Складывается и новая область исследования экзистенциального измерения цифровой культуры, в центре которой – теоретические и эмпирические аспекты влияния цифровизации на существование человека, понятие цифровой экзистенции или *digital existence*» (Касавина, 2020, с. 74).

В российской науке изучались различные аспекты цифровизации медиа применительно к экзистенциальному опыту и экологии человека (Баева, 2016; Волкова, Лазутова 2017; Дмитровский, 2015; Милославская, 2020; Тульчинский, 2022; Узланер, 2016; Фролов, 2018 и др.). К слову, идеи Лагерквист обратили на себя внимание некоторых российских исследователей, например Н.А. Касавиной, А.Н. Гулевой, Р.В. Пеннер. Под руководством Н.А. Касавиной в 2020 г. на базе Института философии РАН состоялся фотопроект *Existentia*⁵, раскрывающий возможности репрезентации средствами

⁵ Проект «Existentia» // Институт философии Российской академии наук. URL: https://iphbras.ru/proekt_existentia.htm?ysclid=mbsftwbtf0650322200 (дата обращения: 23.03.2025).

визуального искусства содержания экзистенциального опыта человека: заботы, надежды, страхи, любовь. В том же году на базе кафедры философии Южно-Уральского государственного университета начал реализовываться проект «Цифровая антропология»⁶, позиционирующий себя как инновационное направление, исследующее в перспективе философской проблематики особенности взаимодействия человека, социума и цифровых технологий. В рамках проекта проводятся научные и просветительские мероприятия, созданы цифровые площадки, мобильное приложение.

Однако на данном этапе обращение к экзистенциальной проблематике медиа носит эпизодический характер и нуждается в дальнейшем развитии. Любой человек сегодня может стать производителем контента, а значит, транслировать содержание собственного экзистенциального опыта, ценностей в публичное интернет-пространство; незнакомые ранее люди могут объединяться в онлайн-сообщества и создавать реальные проекты; чат-боты помогают познавать мир и детям, и взрослым; потеря данных в смартфоне приравнивается чуть ли не к потере личности. В каждом из этих медиа-экзистенциальных срезов бытия раскрывается не только тотальное присутствие технологического, но и антропологического, – человек заброшен в цифровую медиасреду. И «понятия теории коммуникации и теории медиа недостаточны для адекватного описания ситуации существования человека в компьютерной культуре» (Фролов, 2018, с. 18–19), правда, точнее определить ее как цифровую культуру, подчеркивая принципиальную онтологическую рассеянность существования человека (от глагола «рассеять», в значении именно разбросанности, расположения в разных местах).

Заключение

Направление Existential Media Studies, сформировавшееся в Швеции в 2010 гг. как реакция на вызовы цифровизации и медиатизации, адаптирует идеи экзистенциальной философии XIX–XX вв. для переосмысления медиа как экзистенциального феномена. Как уже было отмечено, экзистенциальные медиаисследования – это междисциплинарное направление, формирующееся на стыке теории медиа и экзистенциальной философии. Основным объектом анализа выступает бытие человека в цифровом мире. Признается, что медиа – это не только каналы коммуникации, средства репрезентации, социальные институты, тексты, но способы существования человека. Медиа формируют экзистенциальный опыт, создают среду, в которой человек ищет ответы не только на практические вопросы, но и вопросы смысложизненные. Поэтому человек как субъект, который производит медиаконтент и постоянно взаимодействует с ним, должен схватываться в первую очередь как *существующий с медиа*, но не как пользователь, потребитель или клиент.

⁶ Социальные и гуманитарные исследования цифровых технологий // Цифровая антропология. URL: <https://digitalanthropology.ru/> (дата обращения: 23.03.2025).

Предлагается ввести в российский научный оборот понятие «экзистенциальные медиаисследования». Данный подход открывает новые перспективы для изучения роли медиа в современном обществе и их влияния на существование человека.

Список литературы

- Ахмадулин Е.В.* Журналистика и медиакommunikации: эволюция средств массовой информации или две системы? // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 1. С. 194–204. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-194-204>
- Баева Л.В.* Рациональность эпохи медиа: экзистенциально-аксиологический анализ // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С. 69–77.
- Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж : YMCA Press, 1934.
- Волкова И.И., Лазутова Н.М.* Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12(212). С. 106–111. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К., Уразова С.Л., Шестеркина Л.П.* Экосистема медиа: цифровые модификации : монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск : ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Гулеватая А.Н., Пеннер Р.В.* Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5. № 1. С. 179–195. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324>
- Дмитровский А.Л.* Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 94. № 5. С. 15–20.
- Касавина Н.А.* «Digital Existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый. Лаборатория философа. Т. 3. № 4. 2020. С. 73–89. <https://doi.org/10.5840/dspl20203441>
- Коротков А.В., Шамина О.А.* Журналистика как наука: от предметной области к преподаванию // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 300–308. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-1-16-300-308>
- Милославская З.А.* Медиаобразование и медиаэкология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 116–118.
- Очеретяный К.А., Ленкевич А.С.* Медиафилософия: российский контекст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 64–72.
- Савчук В.В.* Медиафилософия. Приступ реальности. СПб. : РХГА, 2013. 350 с.
- Тульчинский Г.Л.* Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. 2022. Т. 6. С. 9–23. <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23>
- Узланер Д.* Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // Логос. 2016. Т. 26. № 6. С. 189–218.
- Фролов А.В.* Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 3. С. 18–30.
- Lagerkvist A.* Digital Limit Situations: Anticipatory Media Beyond 'The New AI Era' // *Journal of Digital Social Research*. 2020. Vol. 2. No. 3. P. 16–41. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v2i3.55>

- Lagerkvist A. Existential media: Toward a theorization of digital thrownness // *New Media & Society*. 2017. Vol. 19(1). P. 96–110. <https://doi.org/10.1177/1461444816649921>
- Lagerkvist A. New Memory Cultures and Death: Existential Security in the Digital memory Ecology // *Thanatos*. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 1–17.
- Peters J.D. *The Marvelous Clouds. Toward a Philosophy of Elemental Media*. Chicago : University of Chicago Press, 2015. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226253978.001.0001>
- Pinchevski A. Levinas as a media theorist: towards an ethics of mediation // *Philosophy and Rhetoric*. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 48–72. <https://doi.org/10.5325/philtrhet.47.1.0048>
- Scannell P. *Television and the Meaning of 'Live': An Enquiry into the Human Situation*. New York : Polity Press, 2014.

References

- Ahmadulin, E.V. (2024). Journalism and mass communication: the evolution of social media means or two systems? *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 28(1), 194–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-194-204>
- Baeva, L.V. (2016). Rationality of the Media Age: An Existential Axiological Analysis. *Values and Meanings*, (3), 69–77. (In Russ.)
- Berdyayev, N.A. (1934). *Me and the World of Objects. Experience the Philosophy of Loneliness and Communication*. Ymca Press. (In Russ.)
- Gulevataya, A.N., & Penner R.V. (2023). Language of Existential Experience of a Person in the Digital Age. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(1), 179–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324>
- Dmitrovsky, A.L. (2015). Existential Journalism Theory: Towards a Metatheory. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, 94(5), 15–20. (In Russ.)
- Frolov, A.V. (2018). Human existence and his world in digital epoch. *Lomonosov Philosophy Journal*, (3), 18–30. (In Russ.)
- Kasavina, N.A. (2020). “Digital Existence”: A Digital Turn in the Understanding of Human Being. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 3(4), 73–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.5840/dspl20203441>
- Korotkov, A.V., & Shamina, O.A. (2011). Journalism as a Science: from Structuring the Subject Area to Teaching the Discipline. *MGIMO Review of International Relations*, (1(16)), 300–308. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-1-16-300-308>
- Lagerkvist, A. (2020). Digital Limit Situations: Anticipatory Media Beyond ‘The New AI Era’. *Journal of Digital Social Research*, 2(3), 16–41. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v2i3.55>
- Lagerkvist, A. (2017). Existential media: Toward a theorization of digital thrownness. *New Media & Society*, 19(1), 96–110. <https://doi.org/10.1177/1461444816649921>
- Lagerkvist, A. (2013). New Memory Cultures and Death: Existential Security in the Digital memory Ecology. *Thanatos*, 2(2), 1–17.
- Miloslavskaya, Z.A. (2020). Media education and media ecology. *Proceedings in of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (4), 116–118. (In Russ.)
- Ocheretyany, K.A., Lenkevich, A.S. (2016). Mediaphilosophy: Russian Context. *Voprosy Filosofii*, 12, 64–72. (In Russ.)
- Peters, J.D. (2015). *The Marvelous Clouds. Toward a Philosophy of Elemental Media*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226253978.001.0001>
- Pinchevski, A. (2014). Levinas as a media theorist: towards an ethics of mediation. *Philosophy and Rhetoric*, 47(1), 48–72. <https://doi.org/10.5325/philtrhet.47.1.0048>
- Savchuk, V.V. (2013). *Mediaphilosophy. Attack of Reality*. Saint Petersburg: RHGA. (In Russ.)
- Scannell, P. (2014). *Television and the Meaning of 'Live': An Enquiry into the Human Situation*. Polity Press.

- Tulchinskii, G.L. (2022). Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility. *The State and Citizens in the Electronic Environment*, 6, 9–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23>
- Uzlaner, D. (2016). Under the Other's Gaze: The Selfie through the Lens of Lacanian Psychoanalysis. *Logos*, 26(6), 189–218. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Kemarskaya, I.N., Lobodenko, L.K., Urazova, S.L. (Ed.), & Shesterkina, L.P. (2021). *Media Ecosystem: Digital Modifications. Monograph*. Chelyabinsk: SUSU Publ., 2021. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2017). Screen Media and Human Ecology: From Charming to Joining. *Bulletin of the Orenburg State University*, (12-212), 106–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>

Сведения об авторе:

Апполонова Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-7405-3354; SPIN-код: 7881-0820. E-mail: yappolonova@hse.ru

Bio note:

Appolonova Yuliya Sergeevna, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7405-3354; SPIN-code: 7881-0820. E-mail: yappolonova@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-655-668

EDN: DNPJRS

УДК 001.8:101.2

Обзорная статья / Review

Цифровая трансформация российских игровых медиа: анализ основных онлайн-платформ

С.Н. Ильченко¹, Д.М. Турунов²✉

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ 1142240179@pfur.ru

Аннотация. Видеоигры утвердились в качестве ключевого социокультурного феномена XXI в., что предопределило формирование вокруг них специализированного информационного поля. Настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу ведущих российских онлайн-медиа, специализирующихся на видеоиграх. Цель – выявление и анализ сходств и различий между данными платформами, для достижения которой поставлены задачи по обзору основных этапов их развития, определению доминирующей тематической рамки материалов. В фокусе исследования также находятся происхождение и значимые вехи развития игровой журналистики в России. Ключевые результаты включают систематизацию основных тематических векторов, характеризующих российское игровое медиапространство, и формирование обобщенного портрета целевой аудитории. Динамика развития игровой индустрии, специфика адаптации глобальных трендов российской медиасредой и устойчивые паттерны потребления игрового контента подтверждают высокую актуальность и значительный потенциал дальнейших междисциплинарных исследований в данной области.

Ключевые слова: игровая журналистика, российские онлайн-платформы, медиаконвергенция, индустрия компьютерных игр, видеоигры

Вклад авторов. Анализ материала, редактирование рукописи – С.Н. Ильченко; разработка концепции исследования, сбор и анализ данных, написание рукописи – Д.М. Турунов. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23 мая 2025 г.; отрецензирована 31 мая 2025 г.; принята к публикации 29 июня 2025 г.

Для цитирования: Ильченко С.Н., Турунов Д.М. Цифровая трансформация российских игровых медиа: анализ основных онлайн-платформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 655–668. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-655-668>

© Ильченко С.Н., Турунов Д.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digital Transformation of Russian Video Game Media: Analysis of Key Online Platforms

Sergey N. Ilchenko¹, Denis M. Turunov²✉

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

²*RUDN University, Moscow, Russia*

✉ 1142240179@pfur.ru

Abstract. Video games have established themselves as a key sociocultural phenomenon of the 21st century, which predetermined the formation of a specialized information field around them. This study is devoted to a comparative analysis of leading Russian online media specializing in video games. The aim of the study is to identify and analyze the similarities and differences between these platforms. To achieve this aim, the research involves reviewing the key stages of their development and determining the dominant thematic framework of their materials. The paper also focuses on the origins and significant milestones in the development of game journalism in Russia. Key findings include the systematization of the main thematic vectors characterizing the Russian gaming media landscape and the formation of a generalized portrait of the target audience. The dynamics of the game industry's development, the specifics of adapting global trends within the Russian media environment, and persistent patterns of gaming content consumption confirm the high relevance and significant potential for further interdisciplinary researches in this field.

Keywords: video game journalism, Russian online platforms, media convergence, video game industry, comparative media analysis

Authors' contribution. Data analysis, manuscript editing – Sergey N. Ilchenko; development of the research concept, data collection & analysis, manuscript writing – Denis M. Turunov. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 23, 2025; revised May 31, 2025; accepted June 29, 2025.

For citation: Ilchenko, S.N., & Turunov, D.M. (2025). Digital Transformation of Russian Video Game Media: Analysis of Key Online Platforms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(3), 655–668. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-655-668>

Введение

Лев Манович (2001) в фундаментальном труде «Язык новых медиа» предупреждает: появление цифрового компьютера как метамедиума рискует оставить будущим исследователям лишь фрагментарный материал, подобный «афишам и газетным заметкам» раннего кинематографа. Он задается вопросом, почему критики не создают системную генеалогию языка компьютерных медиа в момент их формирования, подобно истории кино (Манович, 2018, с. 37).

Эта дилемма актуальна для современной российской игровой журналистики: как адекватно фиксировать стремительно эволюционирующий мир видеоигр, избегая фрагментарности анализа, отмеченной Мановичем. Видеоигры трансформировались из субкультурного феномена в ключевой элемент цифровой эпохи, влияя на массовую культуру, экономику креативных индустрий.

стрий и социально-политические дискурсы. Однако российская игровая журналистика, выступая посредником между индустрией и аудиторией, до сих пор не получила системного научного осмысления. Это создает риск утраты контекста ее развития, аналогичный ситуации с ранним кинематографом.

Несмотря на то, что официально игровая журналистика в России оформилась в начале 1990 гг., ее предпосылки прослеживаются еще в советский период – в научно-популярных журналах «Наука и жизнь», «Радио» и «Техника молодежи» (Архипов, 2023, с. 62). Первым русскоязычным материалом, упоминающим видеоигры, считается статья «Домашние телеигры» в «Радио» (октябрь 1977 г.), акцентировавшая технологические аспекты. В 1980 гг. рубрика «Клуб компьютерных игр» в «Технике молодежи» использовала игры для иллюстрации основ программирования. Отдельные публикации (например, статья Г. Кочеткова о Рас-Ман в «Микропроцессорные средства и системы», 1985) обращались к зарубежным хитам, но оставались в рамках технического или научно-популярного дискурса (Архипов, 2023, с. 63). Появление в 1991 г. первого ежемесячника «ZX-Ревю», регулярно публиковавшего информацию об играх (Уваров, Благов, 2021, с. 300), стало важным шагом, способствовавшим возникновению интереса к видеоиграм как самостоятельному явлению, хотя системный анализ игровой культуры в нем отсутствовал. Формирование же полноценной специализированной журналистики началось несколько позднее.

Ранние издания 1990 гг. создавались в условиях становления локальной игровой индустрии и носили ярко выраженный рекламно-информационный характер. Первым специализированным печатным журналом стал «Видео-Асс Dendy», запущенный компанией Steepler в середине 1993 г. для продвижения приставок Dendy (Уваров, Благов, 2021, с. 300). Начавшись со скромных 25 страниц, издание быстро разрослось до 50–100 страниц благодаря росту популярности консолей Sega и стремительному развитию полиграфии (Никитина, 2020, с. 125). Основной контент включал описания игр, их прохождения и рекламу. Примечательно, что здесь же предпринимались первые в России попытки классификации видеоигр по жанрам и типам (Архипов, 2023, с. 64).

К середине 1990 гг. формат игровых изданий менялся. Появились журналы («Страна игр», «Навигатор игрового мира», «Игромания»), не привязанные к конкретным игровым платформам. «Игромания» (ключевой проект конца 1990 гг.) выделялась отделением рекламы от контента и введением регулярных оценок игр. К 1999 г. журнал разработал 10-балльную шкалу с критериями «графика», «звук» и «играбельность» (геймплей), заложив основы аналитического подхода в обзорах. Структура издания включала анонсы, новости, а также другие практические материалы (Архипов, 2023, с. 65). В комплекте с изданиями шли DVD-диски, содержащие различные патчи для игр, дополнительный видеоконтент и демоверсии новых игр.

Параллельно развивалась телевизионная игровая журналистика. После старта рекламных программ («Денди – Новая реальность», 1994; «Джойстик»,

«От Марио до Соника»), сыгравших роль в популяризации игр (Архипов, 2023, с. 64), появилась первая независимая передача «От винта» (1995), включавшая новости, обзоры и юмор. К концу 1990 гг. рост интернет-аудитории побудил печатные издания создавать онлайн-версии и экспериментировать с новыми форматами. Однако печатные журналы продолжали доминировать, сосредоточившись на новостях, анонсах и справочных материалах, что определило данный период как этап новостной игровой журналистики.

Основные трудности ранней российской игровой журналистики были обусловлены ее становлением в специфических условиях 1990 гг. Ключевой проблемой стало отсутствие сформированной теоретической и практической базы. В отличие от западной игровой журналистики, развивавшейся с конца 1970 гг. и обладавшей к 1990 гг. устоявшимся понятийным аппаратом и аналитическими традициями, в России эта сфера только формировалась (Селютин, 2018, с. 235). Зародившись как инструмент продвижения игровой продукции, журналистика страдала от ограниченной независимости, критического анализа и объективности (Никитина, 2020, с. 125). Дополнительным барьером выступала почти полная зависимость от зарубежного контента и импортных платформ из-за практического отсутствия собственной игровой индустрии. До появления профильных СМИ информация часто ограничивалась переводами или пересказом материалов зарубежной прессы (Архипов, 2023, с. 64). Наконец, развитие сдерживала широкая стигматизация видеоигр в обществе. Распространенное восприятие игр как несерьезного занятия подрывало претензии журналистики на профессиональный статус в этой области (Коданина, Стурова, 2020, с. 1).

С распространением интернета игровая журналистика перешла в цифровую среду, существенно трансформировав свои форматы. Онлайн-платформы обеспечили мгновенный доступ к новостям, мультимедийному контенту и интерактивность через форумы и комментарии (Баканов, Сабирова, 2018, с. 169). Печатные издания утратили монополию на информацию: рост влияния блогов, YouTube-каналов и пользовательских отзывов, чья оперативность и личная оценка больше соответствовали запросам аудитории, существенно снизил их роль. Популярность набрало неформальное общение с разработчиками и игровыми блогерами. Параллельно изменилась тематика: если печатные СМИ чаще затрагивали широкие социальные вопросы, то онлайн-площадки активнее реагировали на актуальные дискуссии, включая западные тренды. Несмотря на трансформацию, ключевые функции медиа сохранились, стратегически адаптируясь к запросам аудитории через мультиплатформенность (Баканов, Сабирова, 2018, с. 174).

Аудитория игровой журналистики, представленная преимущественно молодыми пользователями, активно формирует субкультуру (Баканов, Сабирова, 2018, с. 167). Ее запросы включают глубокий анализ игр, использование сленга/англицизмов как маркера принадлежности и возможность влиять на контент (комментарии, голосования). Интерактивность (дискуссии, стримы, диалоги с разработчиками) сменила пассивное потребление. Аудитория те-

перь ожидает от медиа не только развлечения, но и образовательной функции (освоение механик, экспертный анализ, рейтинги).

Тематическая эволюция игровой журналистики отразила сдвиг общественных запросов: если в печатную эпоху акцент делался на масштабных социокультурных вызовах, то современный цифровой переход сместил фокус на отраслевые дискуссии – от гендерного представительства до этики монетизации и микротранзакций в играх (Баканов, Сабирова, 2018). При этом базовые функции медиа (интеграция сообщества, просвещение, диалог) сохраняются, трансформируясь под новые форматы. Диверсификация платформ (сайты, подкасты, сообщества в социальных сетях) позволяет охватывать разнородную аудиторию, балансируя между экспертной глубиной и массовой доступностью. Таким образом, цифровизация переосмыслила инструментарий, сделав аудиторию соучастником создания контента.

Ключевые тематические и жанровые особенности игровой журналистики в России оформились к моменту ее перехода в онлайн-среду. Наиболее ярко это проявляется в таком жанре, как игровой обзор, который представляет собой синтетический формат, объединяющий технический анализ и художественную критику (Тармаева, 2015, с. 346). Создание такого обзора требует от журналиста уникальных компетенций и активного погружения в игровую реальность, ведь основой анализа становится личный опыт. Автор стремится не только описать, но и интерпретировать произведение, выражая индивидуальное видение, что сближает современные игровые обзоры с travel-журналистикой (Тармаева, 2015, с. 347).

Цель данной работы – сопоставительный анализ ведущих современных российских онлайн-медиа о видеоиграх. Основная задача – выявить сходства и различия этих изданий, проследить этапы их развития и определить общую тематическую рамку. Ключевыми итогами исследования станут систематизация тематической рамки и формирование портрета целевой аудитории.

Методология исследования

Для анализа современных российских игровых медиа была сформирована репрезентативная выборка из восьми ключевых онлайн-платформ: «Игромания», «Канобу», StopGame, PlayGround, DTF, GoHa, VGTimes и Cubiq.ru. Выборка охватывает старейшие и наиболее авторитетные издания, популярные современные проекты, а также нишевые платформы, что обеспечивает отражение ключевых тенденций медиаландшафта.

Сбор данных осуществлялся по трем взаимодополняющим направлениям. Во-первых, проведен качественный анализ контента: изучены разнообразные опубликованные материалы (новости, обзоры, статьи, видеоролики, а также комментарии и форумы при их наличии) с фокусом на основные тематические векторы и стратегии коммуникации с аудиторией. Во-вторых, проанализировано самопозиционирование медиа через информацию в разделах «О нас» и официальные заявления редакций относительно их политики

и целевой аудитории. В-третьих, для объективного сравнения масштаба и аудитории использованы данные сервиса SimilarWeb за апрель 2025 г., предоставляющие сопоставимые показатели по охвату, уникальным посетителям и их возрастно-половому распределению. На основе этих данных построены сравнительные диаграммы. Хотя выборка ограничивается восемью платформами, ее можно считать репрезентативной, поскольку она включает ведущих игроков рынка, представляющих различные модели работы – от традиционных редакций до платформ с доминирующим пользовательским контентом (UGC). Сочетание применяемых подходов позволило провести комплексное сравнение для выявления ключевых особенностей каждого издания и их аудиторий.

Результаты и обсуждение

«Игромания», основанная в 1997 г. Евгением Исуповым и Александром Парчуком как печатный журнал, является старейшим и наиболее авторитетным российским ресурсом о видеоиграх. Первоначально фокусируясь на руководствах для PlayStation, к началу 2000 гг. издание стало мультиплатформенным, охватив компьютерные игры. Пиковый тираж печатной версии достигал 240 тыс. экземпляров; она закрылась в 2018 г., и проект полностью перешел в онлайн под управлением «Игромедиа»¹. Ключевым этапом трансформации стала активная цифровизация в 2013 г., когда редакция интегрировала сайт с YouTube и новыми форматами. После смены владельца в 2019 г. «Игромания» сохранила статус ведущего независимого интернет-издания, адаптируя журнальное наследие к цифровым трендам.

Целевая аудитория – геймеры 18–35 лет, интересующиеся как хитами, так и нишевыми проектами. В 2010 гг. сайт стал ключевой платформой для формирования игрового комьюнити в Рунете (российском сегменте интернета) благодаря оживленным форумам и комментариям. После перехода в онлайн издание укрепило лидерство, во многом за счет успешного YouTube-канала и активности в соцсетях. К 2025 г. «Игромания» сохраняет ведущие позиции благодаря уникальному сочетанию профессиональной аналитической традиции и адаптации к новым цифровым форматам, органично соединяя наследие игровой прессы с актуальными трендами.

«Канобу» (сокр. от «КАмень – НОжницы – БУмага»), основанный предпринимателем Гаджи Махтиевым в 2007 г., изначально функционировал как социальная сеть для геймеров с элементами блог-платформы. Ресурс предоставлял площадку для обмена контентом, где редакционные материалы публиковались наравне с пользовательскими. В 2011 г. сайт приобрела компания Rambler, что позволило масштабировать проект и преобразовать его в профессиональное интернет-издание с постоянной редакцией (Новый, 2025). Однако в 2015 г., после разногласий, Махтиев вернул контроль над проектом. В этот

¹ «Игромания» окончательно уходит в онлайн // Игромания. 2018. 8 октября. URL: https://www.igromania.ru/news/78008/Igromaniya_okonchatelno_uhodit_v_onlayn.html (дата обращения: 22.05.2025).

период «Канобу» начал последовательно расширять тематику за пределы игр и кино, охватив технологии, поп-культуру и светскую хронику для привлечения более широкой аудитории.

Отличительная черта «Канобу» – сочетание экспертного анализа и развлекательного контента. На платформе представлены как глубокие аналитические материалы (например, рецензия на книгу «Архитектура видеоигровых миров», исследующая связь урбанистики и игрового дизайна (Кириченко, 2023)), так и легкие форматы (например, подборки фильмов «на вечер» (Исыпов, 2025)). Целевая аудитория – пользователи 18–35 лет, увлеченные цифровой культурой. По данным 2025 г., сайт привлекает миллионы уникальных посетителей ежемесячно, а его телеграм-канал имеет значительное число подписчиков, преимущественно из России и стран СНГ. Редакция активно поддерживает диалог с читателями через соцсети и партнерские проекты (например, интеграции с онлайн-кинотеатром PREMIER).

Сегодня «Канобу» утвердился как мультитематическое медиа, охватывающее игры, технологии и поп-культуру. После перехода под управление ИФСИ (в рамках объединения с «Игроманией») ресурс сохранил редакционную независимость, но нарастил коммерческую активность, включая производство партнерских материалов и брендовых интеграций.

StopGame, основанный в 1999 г., изначально функционировал как файловое хранилище для распространения читов, модов и Java-игр для мобильных устройств. К 2005 г. на сайте появились первые редакционные обзоры, хотя фокус сохранялся на технических аспектах. Кардинальные изменения произошли в 2009 г.: команда полностью удалила пиратский контент и вредоносную рекламу, перейдя к легальной модели с фокусом на профессиональную журналистику. Уже в 2008 г. платформа стала одним из первых в Рунете, запустивших регулярные игровые прямые трансляции (стримы). В 2011 г. был создан YouTube-канал, ставший площадкой для инновационных форматов (документальные сериалы, дайджесты, аналитические шоу). Эта трансформация позволила StopGame стать ключевым игроком российской игровой медиасферы к 2025 г.

Основную аудиторию составляют мужчины 18–34 лет. По данным 2025 г., сайт привлекает порядка 2 млн уникальных посетителей ежемесячно, а подписная база YouTube-канала превышает 250 тыс.² Период пандемии COVID-19 стимулировал рост вовлеченности: трафик трансляций вырос на 30 %, хотя посещаемость сайта оставалась стабильной (Семёнов, 2020).

PlayGround, основанный в феврале 2001 г., изначально позиционировался как фанатский ресурс для поклонников многопользовательских игр и киберспорта. К 2004 г. платформа трансформировалась в крупнейшее российское хранилище игровых файлов (моды, патчи, читы). Ранний дизайн отличался минимализмом, а функционал включал лишь новостную ленту

² Реклама на StopGame.ru // StopGame. URL: <https://stopgame.ru/adver> (дата обращения: 22.05.2025).

и форум. Поворотным этапом стал 2009 г. с внедрением пользовательских разделов для создания контента, что повысило активность аудитории и усилило социальную направленность. Дальнейшее развитие включало запуск видеодайджестов (2011) и редизайн (2013), вызвавший дискуссию в сообществе³.

Сегодня PlayGround охватывает широкий спектр игровой тематики, включая новостной и аналитический контент, игровые гайды и прохождения, киберспортивную журналистику, а также пользовательские модификации игр. По данным 2025 г., ежемесячная аудитория платформы достигает порядка 9,5 млн уникальных посетителей, из которых 75 % – мужчины⁴. Основная география – Россия и СНГ. Ключевые рекламодатели включают компании ритейла («Ситилинк»), телекома («Мегафон»), автопрома (Mitsubishi Motors), а также игровых гигантов (Blizzard, Nvidia, Sony, EA).

DTF (сокр. от The Daily Telefrag – каламбур от The Daily Telegraph и игрового термина «телефраг»), основанный в 1999 г. Александром и Михаилом Фёдоровыми, изначально создавался как профессиональный ресурс для разработчиков игр (Бабаев, 2017). В 2000 гг. платформа стала ключевым хабом геймдев-сообщества, публикуя отраслевые новости, вакансии и организуя конференции. Переломный момент наступил в 2016 г. после приобретения платформы издательским домом «Комитет» (владельцем VC.ru). Под новым руководством *DTF* трансформировался в гибридную модель, сочетающую редакционные материалы с пользовательскими блогами, расширив тематику до кино, технологий и поп-культуры.

Уникальность платформы – демократизация контента: любой зарегистрированный пользователь может публиковать посты при редакционной модерации. По состоянию на 2023 г. месячная аудитория составляла примерно 6,4 млн уникальных посетителей, преимущественно мужчин 25–34 лет, при этом 80 % трафика генерируется из России (остальное – СНГ и русскоязычные диаспоры). Платформа поддерживает телеграм-канал и мобильное приложение. К 2025 г. внедрены AI-инструменты для озвучки статей и персонализации контентной ленты⁵.

GoHa, основанный в 2003 г. как нишевый форум для поклонников MMORPG (Ultima Online, Anarchy Online), объединял небольшую группу энтузиастов. Благодаря активному сообществу ресурс расширил тематику разделами для популярных на тот момент игр вроде Lineage 2 и World of Warcraft. К 2005 г. платформа трансформировалась в крупнейший игровой портал Рунета, интегрировавший форумы, новостную ленту и аналитику. В 2010 гг. GoHa стал пионером в освещении киберспортивных турниров и стриминга, запустив специализированный канал GohaMedia.

³ Краткая история PlayGround.ru // PlayGround. 2015. 25 января. URL: https://www.playground.ru/misc/news/kratkaya_istoriya_playground_ru-128183 (дата обращения: 22.05.2025).

⁴ PlayGround. Реклама // PlayGround. URL: <https://www.playground.ru/reklama/> (дата обращения: 22.05.2025).

⁵ DTF. О проекте // DTF. 2018. 25 мая. URL: <https://dtf.ru/about> (дата обращения: 22.05.2025).

Целевая аудитория платформы (80 % – мужчины 18–35 лет) характеризуется интересом к онлайн-играм и технологиям при среднем или выше среднего уровне дохода⁶. Географически преобладают пользователи из России и стран СНГ. По данным 2025 г., ежемесячная аудитория сайта – 1,52 млн уникальных посетителей (4 млн просмотров страниц), а форум насчитывает свыше 364 тыс. зарегистрированных участников. Платформа также поддерживает активное присутствие в социальных сетях с регулярно обновляемым контентом, сохраняя статус значимого игрока в российской игровой медиа-сфере.

VGTimes был основан журналистом Евгением Соколовым в 2010 г. и начал работу в 2011 г. как новостная платформа, специализирующаяся на игровой индустрии, технологиях и поп-культуре⁷. Уже к 2012 г. издание расширило формат, добавив обзоры игр, интервью с разработчиками и аналитические материалы. Значимым этапом развития стал 2015 год с запуском базы игр, содержавшей свыше 63 тысяч позиций и предоставлявшей функционал проверки системных требований, сравнения цен и загрузки модификаций. Последовательно развивая функционал, платформа интегрировала агрегатор цен для поиска оптимальных предложений в 2016 г., а к 2019 г. внедрила интерактивные разделы.

В 2020 г. бренд был официально зарегистрирован как товарный знак, а к 2024 г. окончательно перешел на мультимедийный формат, запустив YouTube-канал и активно развивая телеграм-канал, аудитория которого достигла 150 тыс. подписчиков. По данным 2022 г., месячная аудитория сайта достигала 5 млн уникальных пользователей. Основную аудиторию (возраст 18–35 лет с преобладанием мужчин) характеризует устойчивый интерес к играм и технологиям при явном географическом доминировании пользователей из России и стран СНГ.

Точная дата основания платформы **Cubiq.ru** остается неопределенной: первые архивные копии сайта датируются 2014 г., тогда как сообщество проекта «ВКонтакте» ведет историю с 2012 г. Известно, что ресурс был создан энтузиастами инди-игр и изначально занимал узкую нишу. С момента запуска платформа последовательно освещает как популярные, так и нишевые проекты, также включая в свой контент ретроспективы игровых релизов и обзоры аппаратного обеспечения. Ключевой особенностью сайта является многолетнее сотрудничество с независимыми студиями.

На 2025 г. основную аудиторию (20–35 лет, преимущественно мужчины) составляют около 3 млн уникальных пользователей в месяц, демонстрирующая стабильный рост⁸. Географически доминирует Россия (свыше 80 % трафика), за которой следуют страны СНГ. Социальное присутствие включает

⁶ Реклама на GoHa.ru // GoHa.Ru. URL: <https://www.goha.ru/adv> (дата обращения: 22.05.2025).

⁷ VGTimes. О нас // VGTimes. URL: <https://vgtimes.ru/crew.html> (дата обращения: 22.05.2025).

⁸ Cubiq. Для рекламодателей // Cubiq.ru. URL: <https://cubiq.ru/reklama/> (дата обращения: 22.05.2025).

активные сообщества: 21 тыс. участников «ВКонтакте», около 6 тыс. подписчиков в Steam и 2 тыс. подписчиков телеграм-канала.

Сопоставление ключевых российских игровых платформ – «Игромании», «Канобу», StopGame, PlayGround, DTF, GoHa, VGTimes и Cubiq.ru – выявляет фундаментальные сходства, формирующие ядро отечественной игровой медиасферы. Их объединяет ориентация на молодую аудиторию (18–35 лет) с преобладанием технически грамотных мужчин, а также устойчивость в цифровой среде, подтвержденная более чем десятилетней историей развития. Контентная стратегия всех платформ интегрирует оперативные новости индустрии с авторскими форматами, включая обзоры, аналитику и колонки. Не менее значима мультиплатформенность, выражающаяся в активном присутствии не только на основных сайтах, но и в ведущих социальных сетях для расширения охвата. Тематический фокус консолидирован вокруг индустрии игр, компьютерной техники, IT-технологий и киберспорта.

Однако за кажущейся однородностью скрываются принципиальные различия, определяющие уникальность каждой платформы. Различия начинаются с происхождения: «Игромания», к примеру, осуществила эволюционный переход из печатного формата в цифровой, тогда как большинство других ресурсов изначально возникли как нативные онлайн-проекты. Также варьируется и более узкая специализация: VGTimes выделяется развитым агрегатором цен на игры; PlayGround сохраняет функционал файлового хранилища; DTF поддерживает фокус на сообществе разработчиков; «Канобу» последовательно расширяет тематическое поле в сферу поп-культуры. Выбор основных форматов контента также различаются у разных площадок: StopGame исторически концентрирует усилия на видеоконтенте (стримы, дайджесты), в то время как Cubiq.ru и GoHa ориентированы преимущественно на текстовую аналитику и новостные материалы. Наконец, наблюдается вариативность влияния, выраженная в существенных различиях уровня аудиторного охвата и рыночного присутствия.

Таким образом, при общности тематического поля и целевой аудитории каждое медиа занимает специализированную нишу посредством уникальных сервисов, форматов или концептуальных подходов. Сводные результаты сравнительного анализа ключевых характеристик представлены в табл.⁹

Доминирование мужской аудитории 18–34 лет, отраженное на рис. 1¹⁰ (возраст) и рис. 2¹¹ (пол) (с показателями свыше 50 и 70 % соответственно для всех платформ), обусловлено комплексом исторических и социокультурных факторов. Видеоигры как массовое увлечение, а следовательно, и игровая

⁹ В таблице отражено сравнение основных игровых онлайн-медиа в России. <https://disk.yandex.ru/i/VzpZHh1sN71P4A>

¹⁰ На рисунке 1 отражено распределение аудитории по возрастным группам основных игровых онлайн-медиа в России. https://disk.yandex.ru/i/EnHCbax_XUcKAw

¹¹ На рисунке 2 отражено соотношение мужской и женской аудитории основных игровых онлайн-медиа в России. https://disk.yandex.ru/i/KYkY1_IWHUZ2uQ

журналистика, формировались в среде, традиционно ассоциируемой с мужской аудиторией. Эта тенденция закрепились благодаря маркетинговой политике ранних лет, фокусировавшейся на технически сложных и агрессивных жанрах (шутеры, стратегии, экшены), а также устойчивым социокультурным стереотипам, связывающим технологии с мужскими интересами. Данная группа представляет наиболее активное и финансово вовлеченное ядро геймерского сообщества: ее представители систематически отслеживают новинки, участвуют в дискуссиях и инвестируют значительные средства в контент и аппаратное обеспечение, что закрепляет их статус ключевой целевой группы для рекламодателей и медиа.

Устойчивость этой демографической модели поддерживается контентной стратегией платформ. Фокус на новостях AAA-проектов, технических аспектах, киберспорте и крупных релизах исторически сильнее резонирует с данной аудиторией, что формирует самовоспроизводящуюся экосистему: медиа, ориентируясь на запросы ядра, производят контент, привлекающий и удерживающий преимущественно эту же группу. Хотя индустрия активно диверсифицируется, привлекая больше женщин и игроков старших возрастов, результаты настоящего исследования подтверждают, что ядро ведущих российских игровых медиа по состоянию на 2025 г. по-прежнему составляют молодые мужчины. Эта стабильность отражает как сложившиеся паттерны медиапотребления, так и осознанную тематическую направленность контент-политики платформ.

Сравнительный анализ выявил фундаментальное единство ведущих российских игровых медиа: общую целевую аудиторию (технически грамотные мужчины 18–35 лет), тематическое ядро (игры, IT, техника, киберспорт), цифровую устойчивость и мультиплатформенность. Однако за этим единством скрывается выраженная диверсификация: каждая платформа занимает уникальную нишу благодаря особому происхождению, узкой специализации, преобладающим форматам материалов и уровню влияния, что в совокупности формирует многогранную медиасреду. Доминирование мужской аудитории 18–35 лет обусловлено формированием игровой индустрии и журналистики в традиционно мужской среде, подкрепленной социокультурными стереотипами. Эта демографическая модель самовоспроизводится благодаря контентной стратегии платформ, ориентированной на запросы данного ядра, что привлекает и удерживает преимущественно эту же группу.

Заключение

Видеоигры утвердились как значимый культурный и медийный феномен современности. Их эволюция в крупный медиаформат закономерно привела к формированию специализированного коммуникационного пространства — игровой журналистики, которая служит ключевой площадкой для анализа и осмысления роли игр в социокультурном контексте. Многолетняя история

российской игровой журналистики отражает сложную траекторию развития: от начальных рекламно-информационных форм к выработке профессиональных стандартов и становлению активных сообществ. Цифровая трансформация представляет собой закономерный итог, обусловленный природой видеоигр как цифровых артефактов.

Современный российский медиаландшафт представлен разнообразием ключевых платформ («Игромания», «Канобу», StopGame и др.), для которых характерно сочетание общих черт и дифференцирующих факторов. Сохраняет актуальность устойчивая демографическая модель: ядро аудитории ведущих медиа продолжают составлять молодые мужчины 18–34 лет, что сохраняется несмотря на растущую диверсификацию геймерского сообщества. Эта технологически компетентная и экономически активная группа по-прежнему представляет ключевую целевую аудиторию для индустрии.

Динамика развития игровой индустрии, специфика адаптации российской медиасреды и устойчивые паттерны потребления подтверждают высокую актуальность и перспективность междисциплинарных исследований данной области в рамках медиалогии, социологии и культурологии.

Список литературы

- Архипов П.Е.* Роль журналистики в формировании видеоигровой культуры в России // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 1. С. 60–69. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.006>
- Бабаев С.* «У нас сложилась репутация индустриального ресурса, на котором надо присутствовать» // VC.ru. 2017. 23 ноября. URL: <https://vc.ru/flood/29576-u-nas-slozhilas-reputaciya-industrialnogo-resursa-na-kotorom-nado-prisutstvovat> (дата обращения: 22.05.2025).
- Баканов Р.П., Сабирова Р.И.* Игровая журналистика в современном российском медиaprостранстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 166–176.
- Исыпов А.* Лучшие фильмы на вечер – подборка для идеального отдыха // Канобу. 2025. 24 апреля. URL: <https://kanobu.ru/articles/luchshie-filmyi-na-vecher-podborka-dlya-idealnogo-otdyiha-378367/> (дата обращения: 22.05.2025).
- Кириченко С.* «Архитектура видеоигровых миров. Уровень пройден»: важное исследование виртуальных пространств. // Канобу. 2023. 22 октября. URL: <https://kanobu.ru/articles/kniga-arhitektura-vidoigrovyih-mirov-uroven-projden-vazhnoe-issledovanie-virtualnyih-prostranstv-377922/> (дата обращения: 22.05.2025).
- Коданина А.Л., Стурова А.О.* «Игровая» журналистика как массово-коммуникационный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. Т. 31. № 6. С. 1–5.
- Манович Л.* Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Никитина А.С.* История игровой журналистики // Дни науки и инноваций НовГУ : материалы XXVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ, Великий Новгород, 06–11 апреля 2020 г. : в 3 частях. Ч. 1 / сост. Г.В. Волошина, О.И. Тетерина. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. С. 123–128.
- Новый В.* «Рамблер» купил Kanobu Network // Газета.Ru. 2011. 30 июня. URL: https://www.gazeta.ru/business/2011/06/29/kz_3680145.shtml (дата обращения: 22.05.2025).

- Селютин А.А. Гейм-журналистика: профессия или хобби? // Мультимедийная журналистика : сборник науч. трудов международной науч.-практ. конференции, Минск, 1–2 марта 2018 г. / под ред. В.П. Воробьева. Минск : Белорусский государственный университет, 2018. С. 235–240.
- Семёнов А. Как пандемия отразилась на рынке игровых и развлекательных медиа в России? // app2top.ru. 2020. 4 мая. URL: <https://app2top.ru/industry/kak-pandemiya-otrazilas-na-ry-nke-igrovyy-h-i-razvlekatel-ny-h-media-v-rossii-164864.html> (дата обращения: 22.05.2025).
- Тармаева В.И. Компьютерные игры и игровая журналистика // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 94. 2015. Т. 360. № 5. С. 343–350.
- Уваров, А.А., Благов, Ю.В. История отечественной игровой журналистики // Молодёжь и XXI век – 2021 : материалы XI Международной молодежной научной конференции, Курск, 18–19 февраля 2021 г. Т. 3. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 298–302.

References

- Archipov, P.E. (2023). The role of journalism in the formation of video game culture in Russia. *Izvestia Ural Federal University. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 29(1), 60–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.006>
- Babaev, S. (2017, November 11). “We have developed a reputation as an industrial resource where you need to be present”. *VC.ru*. (In Russ.) <https://vc.ru/flood/29576-u-nas-slozhilas-reputaciya-industrialnogo-resursa-na-kotorom-nado-prisutstvovat>
- Bakanov, R.P., & Sabirova, R.I. (2018). Game journalism in the modern Russian media space: Issues and functional diversity. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2(2), 166–176. (In Russ.).
- Ispov, A. (2025, April 24). Best Films for the Evening – A Selection for the Perfect Rest. *Kanobu*. (In Russ.) <https://kanobu.ru/articles/luchshie-filmyi-na-vecher-podborka-dlya-idealnogo-otdyiha-378367/>
- Kirichenko, S. (2023, October 22). “Architecture of video game worlds. Level passed”: important study of virtual spaces. *Kanobu*. (In Russ.) <https://kanobu.ru/articles/kniga-arhitektura-vidoigrovyih-mirov-uroven-projden-vazhnoe-issledovanie-virtualnyih-prostranstv-377922/>
- Kodanina, A.L., & Sturova, A.O. (2020). Gaming journalism as a mass communication phenomenon. *Memoirs of NovSU*, 31(6), 1–5. (In Russ.).
- Manovich, L. (2018). *The Language of New Media*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Nikitina, A.S. (2020). History of game journalism. In G.V. Voloshina, O.I. Teterina (Compilers), *Days of Science and Innovations of NovSU: Materials of the XXVII Scientific Conference of Teachers, Postgraduates and Students of NovSU, 06–11 April, 2020, Veliky Novgorod* (Vol. 1, pp. 123–128). Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russ.).
- Novyi, V. (2011, June 30). “Rambler” bought Kanobu Network. *Gazeta.Ru*. (In Russ.) https://www.gazeta.ru/business/2011/06/29/kz_3680145.shtml
- Seliutin, A.A. (2018). Game journalism: Profession or hobby? In V.P. Vorob’ev (Td.), *Multimedia Journalism: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference, March 1–2, 2018, Minsk* (pp. 235–240). Belarusian State University. (In Russ.).
- Semenov, A. (2020, May 4). How has the pandemic affected the market of gaming and entertainment media in Russia? *app2top.ru*. <https://app2top.ru/industry/kak-pandemiya-otrazilas-na-ry-nke-igrovyy-h-i-razvlekatel-ny-h-media-v-rossii-164864.html> (In Russ.).
- Tarmaeva, V.I. (2015). Computer games and game journalism. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, 94, 360(5), 343–350. (In Russ.).

Uvarov, A.A., & Blagov, Yu.V. (2021). History of domestic game journalism. In *Youth and the 21st Century – 2021: Proceedings of the XI International Youth Scientific Conference, 18–19 February 2021, Kursk* (Vol. 3, pp. 298–302). South-West State Univrsity. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры телерадиожурналистики, высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26. ORCID: 0000-0002-7301-3203; SPIN-код: 3208-9840. E-mail: tv_and_radio@mail.ru

Турунов Денис Михайлович, аспирант кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0008-2807-1413; SPIN-код: 4594-5755. E-mail: 1142240179@pfur.ru

Bio notes:

Sergey N. Ilchenko, Grand PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of TV and Radio Journalism, Graduate School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, 26 1st line of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, 199004, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7301-3203; SPIN-code: 3208-9840. E-mail: tv_and_radio@mail.ru

Denis M. Turunov, PhD Student of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-2807-1413; SPIN-code: 4594-5755. E-mail: 1142240179@pfur.ru